

Елизавета Дворецкая

СВЕНЕЛЬД. ЯНТАРНЫЙ СЛЕД

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая
Свенельд. Янтарный след

«Автор»

2023

Дворецкая Е. А.

Свенельд. Янтарный след / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2023 — (Княгиня Ольга)

Несколько лет назад молодой торговец Ульвар ушел в море и пропал. Его жена, Снефрид, желая найти его, отправляется за Восточное море. Богиня Фрейя обещает ей покровительство в этом пути: у них одна беда, Фрейя тоже находится в вечном поиске своего возлюбленного, Ода. В первом же доме, где Снефрид останавливается, ее принимают за саму Фрейю, и это кладет начало череде удивительных событий: Снефрид приходится по-своему переживать приключения Фрейи, вступая в борьбу то с норнами, то с викингами, то со старым проклятьем, стараясь при помощи данных ей сил сделать мир лучше. Но судьба Снефрид – лишь поле, на котором разыгрывается очередной круг борьбы Одина и Фрейи, поединок вдохновенного разума с загадкой жизни и любви. История путешествия Снефрид через море, из Швеции на Русь, тесно переплетается с историями из жизни Асгарда, рассказанными самой Фрейей, историями об упорстве женской души в борьбе за любовь. (К концу линия Снефрид вливается в линию Свенельда.)

© Дворецкая Е. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Елизавета Дворецкая

Свенельд. Янтарный след

Часть первая

Средний Мир, Свеаланд

– Едва смею верить своим глазам! Неужели передо мною та знаменитая женщина!

Слово «знаменитая» незнакомый мужской голос произнес с таким выражением, будто знаменита женщина была такими делами, что не делают ей чести. Но этого и следовало ожидать.

Снефрид обернулась.

– Да, это перед тобой Снефрид Серебряный Взор! – подтвердил Асвард Соболев. – А это – Хлэдивир Жгучий.

По первому взгляду Снефрид подумала, что Хлэдивир получил свое прозвище за цвет волос: светло-рыжие, задорно вьющиеся пряди длиной ниже плеч, золотистая бородка. Но тут же передумала: выражение желтовато-карих глаз его было насмешливым и вызывающим. Продолговатое лицо с высокими скулами и немного впалыми щеками, большие, глубоко посаженные глаза, курносый нос с шишкой на переносице, видимо, от перелома, смешно торчащие уши – далеко не красавец, однако Снефрид не отказала бы Хлэдивору в своеобразном обаянии, если бы его не портило враждебное, презрительное выражение лица.

Хлэдивир в свою очередь окинул Снефрид беззащитным оценивающим взглядом, и рыжеватые брови, вычерченные невысокой ровной дугой, удивленно приподнялись. При том, что он о ней слышал, он ожидал увидеть женщину иного склада. В Снефрид было что-то от клинка из серебра: белая кожа, светлые волосы, светло-серые, с серебристым отливом глаза, черты правильные, но жестковатые для женщины, с немного угловатым подбородком и слегка впалыми щеками.

– Привет и здоровья тебе, Хлэдивир! – Снефрид улыбнулась, и едва склад ее ярких, довольно пухлых губ из насмешливого сделался приветливым, как все лицо волшебным образом изменилось: смягчилось, засияло трогательным доверием. – Мы будем попутчиками до самой Альдейгы?

– Эта женщина едет к своему мужу, – добавил Асвард. – А он побывал в том большом походе на сарацин, так что не следует тебе, Хлэдивир, на пустом месте делать его своим врагом.

– Мой муж тоже торговец, – добавил Снефрид, намеренно не замечая недоверия в глазах Хлэдивира. – Несколько лет я ничего не знала о нем, но недавно он прислал мне вест. Он нашел новое место для жизни, в Гардах, где пушнина дешевле, и вызвал меня к себе, когда устроился.

– Я слышал, его ограбил Эйрик Берсерк? Из-за этого он стал искать себе новое место?

– Да, три лета назад. Без товара он не смог вернуться домой и ушел в поход, чтобы поправить свои дела.

– И поэтому же Эйрик взял тебя... под крыло? – С откровенной издевкой Хлэдивир положил руки на пояс. – Кто бы мог подумать, что «морского конунга» может мучить совесть из-за того, что он кого-то ограбил!

– Не забывай, что ради Снефрид Эйрик конунг выпустил нас из Бьёрко без выкупа, – напомнил третий их товарищ, Кетиль Пожар, и похлопал Хлэдивира по спине. – Так что ты хорошо сделаешь, если придержишь свой змеиный язык. Поди-ка лучше посмотри, что там в доме, не страшно ли туда зайти.

– Видно, уж очень он хотел, чтобы ее скорее увезли подальше... – пробормотал Хлэдивир, отходя от них.

Невозмутимая улыбка Снефрид, ее пронизательный, чуть снисходительный взгляд отбили у него охоту язвить: она явно не нуждалась в его одобрении, чтобы чувствовать себя уверенно. Нападки не удивили Снефрид: не у всех хватит смелости вслух намекать ей на недавнюю связь с Эйриком, нынешним конунгом половины Свеаланда, но думают об этом все, от самого Асварда Соболя, главного среди стюриманов трех больших торговых кораблей, до последнего его раба.

Но гораздо лучше, чтобы ее считали любовницей Эйрика – они оба постарались, чтобы все выглядело именно так, – чем подозревали об истинной природе их связи, в которой любовное влечение было лишь малой частью.

Знакомство Снефрид с Хлёдвиром Жгучим произошло под конец первого дня путешествия. Утром отойдя от причалов знаменитого вика Бьёрко, весь день корабли шли между островами, большими и малыми, где то и дело под прикрытием скал пропадал ветер и приходилось браться за весла. Асвард говорил, что выйти в открытое море им удастся только утром третьего дня. Первую ночь предстояло провести на острове, где всегда останавливались торговые гости. Островок назывался Гостиным, а еще – Торкелев Двор. Был он довольно мал и гол, как многие ему подобные; на нем никто не жил, но тем не менее имелись деревянные причалы и просторное строение – гостевой дом. Завидев корабли, с соседнего острова, побольше размером и обитаемого, приехал хозяин – Торкель Хромой, давний знакомый Асварда. Он привез дрова и бочку свежей воды – на Гостином островке ни того, ни другого не было. Швартовочные тросы прикрепили к палам, приезжие сошли на берег, и на причале близ плоского каменистого берега Снефрид познакомилась с Хлёдвиром – владельцем одного из двух других кораблей, Асвардовым фелагом¹.

Хлёдвир направился по каменистой тропе от причалов к гостевому дому, а Снефрид снова посмотрела на море. Только миновала пора самых коротких ночей, вечера еще были долгими и светлыми. Солнце, будто выточенное из янтаря, медленно садилось в той стороне, откуда они пришли, плавая в разливе света. Сгущались облака, отделяя золотисто-рыжую, нижнюю область неба от верхней, голубовато-серой. Проходя сквозь облака, солнечные лучи вздымались серовато-синими столбами – чем выше, тем шире. Один, в середине, был так велик, что напоминал человеческую фигуру, и Снефрид при виде него сразу подумала о Фрейе. Вот она – шествует над морем, в ее бесконечном поиске возлюбленного, не зная устали, ведомая надеждой. Снефрид невольно вздрогнула и ощутила, как защипало глаза от слез.

На острове Алсну, где Снефрид жила перед отъездом, имелось святилище близ трех старых курганов и скалы тинга – бревенчатое строение на вершине холма, под высокой крышей, без передней стены и с выложенным из камня жертвенником внутри. В середине стоял деревянный идол Тора, по бокам от него – Фрейр и Фрейя. Госпожа Халльдис, главная жрица Ховгорда, привела сюда Снефрид и посоветовала:

– Поговори с нею. Попроси о помощи в твоём пути – у вас ведь с богиней одна и та же беда.

Снефрид вылила на жертвенник молоко и медовую брагу, положила три лепешки. Халльдис негромко стучала в бубен, иногда издавая тихие, протяжные, бессловесные восклицания. Снефрид стояла перед жертвенником, зажав в кулаке старый янтарный пряслень своей матери, подвешенный к нагрудной застежке.

– О Фрейя Ванадис, Великая Диса, заложница ванов! Славься, прекраснейшая из богинь, о чьей любви издавна мечтают боги, люди, карлы и великаны. Ты знаешь, что воля норн лишила меня всего, что у меня было в родных краях, и вынудила покинуть дом. Как и ты, я отправилась

¹ Фелаги – компаньоны по торговой поездке, могли совместно владеть товаром, кораблем и так далее. (Здесь и далее примечания автора.)

искать моего мужа, Ульвара, что ушел в странствия и пропал. Оберегай меня в этом пути, возлюбленная Ода, помоги добраться невредимой до Гардов и найти там моего мужа.

Бубен негромко рокотал, в этот ритмичный звук резкими стежками вплетались крики чаек над близким морем – вечные, как сам ветер... Чайки, духи дальних дорог, радовались, что Снефрид надолго отдается в их власть, и она ощущала, что ее собственные глаза под опущенными веками наливаются этой же морской синевой...

* * *

А ночью – последней ночью, которую Снефрид провела в Кунгсгорде на острове Алсну, – ей приснилась Фрейя. Богиня имела облик молодой женщины, красивой какой-то тревожной красотой, один глаз у нее был ярко-голубым, а другой – черным, и от взгляда их трепетала душа, охваченная сразу ужасом и восхищением. Под тонким зеленым платьем ясно вырисовывались очертания тела, отчего красота богини становилась сокрушительной; как волны жара пробегают по горящим головням, делая их то багряными, то черными, так ее платье переливалось оттенками зеленого, переходящими в серое и белое. Она была будто земля и вода весной: верхний слой нагрет солнцем, а изнутри пробивается холод недавней зимы. Неощутимый ветер трепал пряди ее волос, цветом как лунный свет, а по лицу пробежала рябь, словно по отражению в воде, но Снефрид понимала: это она видит трепет самой души богини. Чем больше она старалась взглянуть, тем сильнее облик Фрейи расплывался, и лишь в краткие мгновения тот ветер стихал, позволяя глазу охватить его целиком.

– Когда обмен заложниками состоялся, поначалу я жила одиноко, – заговорила Невеста Ванов, глядя куда-то в сторону и как будто предаваясь воспоминаниям для самой себя. – Асы построили мне дом на окраине Асгарда, и поначалу в нем обитали со мной только валькирии. Дисы тогда жили в стволе Иггдрасиля, а норны – в Источнике Мимира. Число валькирий постоянно уменьшалось: вопреки своим обещаниям, Один опять стал переманивать их к себе, едва мы водворились в Асгарде. Не добившись моей любви, он продолжал отнимать у меня власть и уважение. Он обещал моим девам честь, почет, веселье у него в Валгалле, рядил их в кольчуги и шлемы, давал им щиты и копья, называл Шлемоносными Девами, льстил им, обещая, что отныне кольчуга всегда будет зваться «платьем валькирии», а копье – «прялкой Гёндуль». Все больше их покидало меня, чтобы поселиться с ним. Ты знаешь – многих женщин тянет к мужчинам не любовная страсть, а желание сравняться с ними, хотя бы уподобиться им: так женщинам кажется, что они стали настоящими людьми... Не так-то легко сознавать свое достоинство, оставаясь тем, что ты есть. Даже младшая из Дев Источника, твоя прапрабабка Скульд, покинула меня и ушла к Одину...

Пока Фрейя говорила, ее голубой глаз темнел, постепенно становясь таким же черным, как другой; от нее повеяло холодом, тонкие пальцы, сомкнутые на коленях, приобрели ледяную белизну и хрупкость. Побледнело и зеленое платье, а волосы богини вились вокруг ее лица, будто лунный ветер.

– Но это было еще не все, а только часть его замысла. Еще до моего переселения в Асгард Один, меняя облик, спускался в Средний Мир и, прикидываясь великим смертным воином, учил молодых мужчин создавать особые воинские союзы, которым взялся покровительствовать. Молодые воины посвящали себя ему, а он давал им звериную силу в бою, выносливость и неуязвимость. Он научил их боевому кличу «Один владеет мной!» и по этому кличу узнавал своих, чтобы поддерживать их в битве. А валькирий он подучил выбирать на поле только сынов Одина-Бурого. Скоро его палаты наполнились: все больше валькирий переселялось к нему, они приносили воинов, вскоре ему пришлось пристроить к Валгалле новые покои, чтобы всех вместить. День и ночь там шумело веселье, то пиры, то сражения, а мой дом оставался почти пустым...

Облик богини совсем заволокло туманом, доносился лишь голос – звонкий и печальный, от него пробирала дрожь, как если бы на теплую кожу падали капли талой воды.

– Однажды я нашла возле Источника необычное подношение – золотой браслет с драконьими головками на концах, сделанный с большим искусством. В глаза драконов были вставлены капли бирюзы. Мне часто жертвуют дорогие вещи, и я нахожу их возле Источника, но такую красоту редко приходится видеть. Думаю, это сотворили dwarves, рукам смертных мастеров столь тонкая работа недоступна.

Асы тоже так подумали.

– О, Фрейя с обновкой! – воскликнула Фригг, когда мы вечером сели за стол в Чертоге Радости. – Была у dwarves?

Я не сразу поняла, что она имеет в виду, но увидела, как захихикали богини.

– Нет, нашла возле Источника. Но, может быть, тот, кто послал мне эту вещь, заказывал ее у dwarves.

Она только покачала головой. С тех пор как я поселилась в Асгарде и вошла в число асов, Фригг стала получать по большей части ткани и пряжу, а драгоценности достаются мне.

Этим дело не кончилось. Через какое-то время я получила другой браслет – его принес мне Ульв Черный, когда вечером прибежал из Мидгарда. Положил у ног и исчез. Браслет был еще лучше первого: широкий, узорный, а на застежке маленький золотой лев с гранатовыми глазами – как живой! В Чертоге Радости у всех богинь и даже кое у кого из богов глаза на лоб полезли от зависти. Думаю, любая из них сама за такое переспала бы с парочкой dwarves.

– Кто же дарит тебе такие подарки? – прищурился Тюр.

– Я не знаю! Может быть, Один, ты знаешь?

– Да, – он кивнул. – У тебя завелся преданный почитатель, и он мне известен. Я уже какое-то время приглядываю за ним. Из него может выйти толк.

– Кто же это? – заговорили за столом. – Расскажи скорей!

– Его имя Од, он сын Торстейна, конунга гаутов. Еще совсем молод, но показал себя отважным и удачливым воином. Вот эти браслеты – из его военной добычи.

– Тебя ведь он тоже не обидел подношениями? – спросила я, стараясь не показать, как довольна, что меня почитает такой доблестный молодой воин.

– Конечно. Я получил от него немало быков, баранов и пленников. А украшения он берегает для тебя, мне ведь они не нужны. Он чтит меня, как полагается, но тебя любит больше. Впрочем, я не в обиде! – Один многозначительно двинул бровью, давая понять, что известного рода любовь земных мужчин ему не нужна.

Я засмеялась, но имя юного героя запомнила. К тому же два браслета дивной красоты не давали мне его забыть – я носила их постоянно и все любовалась тонкой работой и блеском чистого золота.

И вот однажды я вдруг услышала такой мощный зов – в мое имя вплетались любовь и боль, что делало призыв подобным острой стреле. Было самое начало лета, когда все уже зеленеет, но жара еще не душит, каждый лист источает свежесть, и сам солнечный свет особенно чист и ясен – кажется, что ты вдыхаешь этот свет и он очищает тебя изнутри. Откликнувшись, я вдруг оказалась на каменном жертвеннике среди березовой рощи, пронизанной косыми лучами вечернего солнца. Жертвенник был уже довольно старый, впитавший дух многих подношений, и оттого его камни источали жар.

Передо мной стоял он – молодой рослый мужчина. Продолговатое, довольно широкое лицо с крупными чертами, прямые темные брови сходятся к переносице, глубоко посаженные глаза светло-серые, с легким голубым отливом, длинные русые волосы, небольшая русая борода. Его мускулистые плечи дышали звериной мощью, чему помогали и довольно густая темная поросль на широкой обнаженной груди. Он был красив той грубоватой красотой, в которой главенствует мужественность; в нем не было ничего от изящества Бальдра, чертами

лица и особенно выражением глаз он напоминал моего брата Фрейра, только без его солнечного сияния – плоть от плоти земли. Всякий привлекательный мужчина похож на Фрейра, его привлекательность и есть дух Фрейра в нем.

Вид у него был потрясенный – он меня увидел. А я увидела кое-что другое. В его руках была целая охапка багряно-алых цветов сон-травы с золотыми сердцевинками. Они уже полностью раскрылись и стали похожи на звезды. Но сок этих стеблей и лепестков ядовит, не зря же это прекрасное растение посвящено мне. Мало какой цветок сравнится по красоте с этими звездами на толстых стебельках – белыми, желтыми, розовыми, лиловыми, фиолетовыми, синими, голубыми. Они бывают алыми, как заря, а бывают черно-багровыми, как запекшаяся кровь, только серединка у них всегда желтая, будто золотое кольцо. Сон-трава лечит бесплодие у женщин и холодность у мужчин, она навевает вещие сны и позволяет увидеть во сне будущего супруга, даже обручиться с ним, подарив цветок, – но прикосновение сока к коже обжигает и ранит, как самая острая стрела любви обжигает сердце. Цветы сон-травы нельзя рвать голыми руками. А он держал их именно так, да еще и прижимал эту добычу к груди.

Я спрыгнула с жертвенника и шагнула к нему.

– Давай сюда! – Я решительно отобрала у него всю охапку цветов – мне-то они не могут причинить вреда, – и бросила на жертвенник. – Нельзя же брать их голыми руками! Разве ты не знаешь – травницы рвут сон-траву только в рукавицах, а потом сушат!

– Это сон-трава?

Он смотрел на меня в изумлении – не понял, откуда я взялась, ведь для него я появилась прямо из воздуха.

– Да, ее еще называют «ведьмино зелье». Ты разве не знал?

– Нет. Просто... я сам как во сне. Я сплю, да? Эти цветы такие красивые. Я видел во сне Фрейра, у нее на голове были эти цветы...

Он перевел взгляд на мои волосы, где с двух сторон сверкали кустики цветов сон-травы: изнутри их лепестки были белыми, а снаружи – бледно-лиловыми и бледно-голубыми, оттеня цвет моих глаз.

– Но вот у тебя же...

– Мне можно, меня они не обожгут. А с тобой что теперь, посмотри!

Я взяла его ладони и перевернула. На широких загрубелых ладонях виднелись яркие красные пятна ожогов. И на загорелой коже мускулистой груди тоже.

– Разве не видишь – ты обжегся их ядовитым соком!

– А я думал, это мое сердце горит... от любви, – он улыбнулся своей ошибке.

– Сейчас пройдет!

Держа его ладони в своих, я подула на них, шепнула несколько слов. Красные пятна исчезли.

В это время Локи, где бы он там ни был, внезапно подпрыгнул, хватаясь за свою задницу – ожоги перешли туда, как маленький привет от меня.

– И вот здесь, – мой почитатель опустил голову и взглянул к себе на грудь.

Я положила туда ладони. Было приятно прикоснуться к нему, ощутить теплую гладкую кожу, крепкие мышцы, и меня наполнило сладкое волнение. Весь его облик дышал молодой мужской силой, и я так же могу не откликнуться на нее, как сухая солома не может не откликнуться огню.

Разговаривая с ним, я немного изменила свой облик. Будь я смертной, мне бы сейчас дали лет семнадцать-восемнадцать. Светлые волосы, голубые с бирюзовым отливом глаза, немного вздернутый нос, золотистые брови, золотистые веснушки на носу и на щеках. Приглушив божественный огонь в глазах, я сделала взгляд спокойным, внимательным и приветливым. Именно такую деву – юную и красивую, заботливую и дружелюбную, мудрую и ласковую – видит в мечтах всякий молодой воин, но лишь самым избранным эта мечта является наяву.

– Ну что, уже не болит?

– Кожа – нет. А сердце... теперь болит еще сильнее.

Он накрыл мои руки своими, не сводя изумленных и восторженных глаз с моего лица, и от острого, пристального взгляда его суровых глаз меня пронизал чувственный трепет. Это был тот самый взгляд мужчины, что внушает женщине и страх перед его мощью, и сладкое желание покориться ей – то божественное желание, что продолжает жизнь на земле в ее лучших образцах. Он был полон мужской силы и мог служить безупречным ее воплощением. Мало что в мире может порадовать меня больше, чем встреча с таким человеком – моя стихия откликнется этой силе, как вода откликнется блеском солнечному лучу. И, как вода под солнцем, моя душа заискрилась счастьем.

– Кто ты, госпожа? – хрипло от волнения прошептал он; я всем существом ощущала горячее биение его сердца. – Фрейя послала тебя... ко мне?

– Ну конечно! – Я подняла лицо и улыбнулась, глядя в его суровые, потрясенные глаза. От непривычного восторга они казались растерянными.

– На земле не может быть таких... ты так молода и уже так искусна... в целительстве... Я не раз бывал ранен, но ни разу не встречал таких, кто может исцелить боль... прикосновением... взглядом... Или ты моя спе-диса, и боги послали тебя мне на помощь?

Я провела рукой по выпуклым мышцам его груди и правда заметила несколько уже заживших шрамов.

– Кто же ты такой?

– Я – Од, мой отец – Торстейн, конунг гаутов. Я собираюсь в новый поход. Завтра мы будем приносить жертвы Одину, Тору, Тюру и Ньёрду, чтобы послали нам хорошую погоду на море, легкий путь и удачу в бою, а сегодня я хотел наедине поговорить с Фрейей... Все мои победы я посвящаю ей, ей отдаю лучшее из добычи. У меня с прошлого похода осталась еще одна вещь, самая лучшая. Я хотел отдать ее сразу после похода, но моя мать просила меня оставить это для свадебного дара. Я было ее послушался, но теперь подумал – если я погибну в этом походе, пусть лучше этот дар достанется той...

Он кивнул на жертвенник. Я обернулась и увидела то, что не заметила раньше. Там лежало золотое ожерелье невероятно тонкой работы. Его составляли два золотым обруча, расположенных один над другим, а пространство между ними было заполнено тоже золотым сквозным узором. В самой середине сидел, скрестив ноги, какой-то мужчина с длинными волосами и бородой, а по сторонам от него люди с волчьими головами боролись с драконами. Золотые фигурки были усажены небольшими камешками бирюзы, а по обручам, обрамляя фигурки сверху и снизу, шли два ряда мелких гранатов, будто капли крови.

Я только ахнула при виде такой красоты и подошла к жертвеннику.

– Где же ты это раздобыл?

– На юге, в Серкланде. Моя мать хотела, чтобы я оставил это для моей будущей жены, а я говорил: мне не видать хорошей жены, если я не заслужу благосклонности Фрейи, поэтому ожерелье нужно поднести ей. Но теперь я думаю... может, ты захочешь его принять?

Он спросил это с робостью, будто сомневался, достоин ли меня такой дар.

Я взяла ожерелье, осмотрела, не веря своим глазам. В Серкланде или нет, но думаю, сделали его руки dwarves.

– Не знаю, что это за человек, – стоя у меня за плечом, Од кивнул на сидящего мужчину в середине ожерелья.

Я ощущала, как его взгляд скользит по моим плечам, как бьется его сердце. Его дыхание теплом касалось моих волос.

– Думаю, это Имир сидит среди небесного свода, – я улыбнулась, расстегнула хитрую застежку, положила ожерелье себе на шею и попросила: – Застегни.

Он стал застегивать, стараясь вставить шпеньки хитрой застежки в пазы, руки у него дрожали. Его страстное волнение пронизывало меня теплом и блаженством. Цветы сон-травы стремительно поднимались и раскрывались ало-багряными звездами вокруг нас, словно вся поляна у жертвенника залита кровью.

Потом я обернулась и взглянула ему в глаза. От таких глаз способна пропасть даже я – в них суровость и нежность, сила желания и слабость перед моей красотой. Грудь его вздымалась от волнения. Я улыбнулась, обвила руками его крепкую шею и поцеловала его. Он жадно обхватил меня руками, прижал к себе... и в этот миг я исчезла. Я растаяла, испарилась прямо из его объятий, хоть он и обнимал меня так крепко, как только мог. Так исчезает всякая мечта, когда пытаешься ее схватить, – Од ведь всего лишь человек. Но в тот краткий миг, когда соприкоснулись наши губы, вся его кровь вскипела от наслаждения. Он не будет знать, примерещилась ли ему эта встреча в роще, была ли на самом деле, но навсегда запомнит эту вспышку света внутри, что сулила невиданное блаженство, но погасла, как падучая звезда.

Теперь он навеки мой. Самую пылкую любовь сотни других женщин он не задумываясь отдаст за еще один мой поцелуй. Только обо мне он теперь будет думать, мой ласковый взгляд будет заполнять его душу. Эти мгновения, пока я была рядом, станут для него не просто самыми счастливыми – станут единственными настоящими мгновениями жизни.

– Если захочешь меня увидеть – положи цветок сон-травы в изголовье, когда ляжешь спать, – шепнула я ему в ухо, и он услышал меня, хотя видеть уже не мог. – Только смотри – больше не обожгись!

* * *

Разумеется, в Асгарде заметили мое новое украшение в тот же миг, как я вернулась из рощи. Все богини и даже иные из мужчин собрались, окружили меня, стали рассматривать его и ахать от восторга и зависти. Не обошлось и без ядовитых шуток, но меня они не смутили.

– Опять Фрейя побывала у dwarves! – Сага почему-то думает, что привычка повторять за Фригг делает ее остроумной. – И опять с обновкой!

– Это скольких же dwarves ты поцеловала? – ехидно спросила Гевьюн.

– Только одного! – гордо ответила я. – Это был самый старый, самый косматый, самый закопченный, самый воняющий горячим железом и каменной пылью, самый отвратительный из черных карлов, но это чудесное ожерелье он охотно отдал мне всего лишь за один мимолетный поцелуй! Нелегко было в гуще его бородищи найти место, куда поцеловать, но дело того стоило!

Я смеялась, мысленно сравнивая это описание с тем обликом Ода, что я так хорошо помнила – молодого, прекрасного, с его пристальным взглядом и теплым свежим запахом, от которого у женщины сладко сводит живот. Да если мои завистницы перецелуют всех dwarves Свартальвхейма, им не получить за это и капли такого счастья! И пусть болтают что хотят.

С тех пор я нередко думала об Оде сыне Торстейна. Послушав моего совета, он высушил один из тех багряно-алых цветков сон-травы, зашил в маленький мешочек и все время носил на груди, а ночью клал в изголовье. Я посещала его сны – в том облике, какой он запомнил. Во сне я забирала его с дружинной стоянки возле кораблей и переносила в какое-нибудь укромное тихое место... В этих снах сбывались все его мечты, так что пробуждение каждый раз казалось ему несчастьем. В то время мой брат был занят своей великаншей Герд, белой звездой Ётунхейма, даже Один отправился в какое-то из своих бесконечных странствий, и никто меня не отвлекал. Я привязалась к Оду, и наши встречи доставляли мне такое же удовольствие, как и ему. Я стала следить за бегом времени в Мидгарде, стараясь не сбиться со счета дней – ведь если я упущу это из виду, то мой возлюбленный успеет состариться или впасть в отчаяние от мысли, что я разлюбила его, а я всего лишь позабыла, что для него время идет куда быстрее,

чем для меня. Он так и не понял пока, кто я такая, и считал меня девой светлых альвов. Он называл меня Госпожой Сон-Травы – другого моего имени он не знал.

Лето кончалось, и Од собирался возвращаться домой из похода. Я не хотела потерять его и оплетала оберегающими чарами, так что он даже ни разу не был ранен в это лето, хотя сражался не раз. Однажды я услышала призыв – мощный, страстный, полный отчаяния. Это был он. Я обернулась...

На равнине у моря кипела битва. Рядом виднелись корабли – должно быть, на дружину Ода напали, когда он уже собирался отплыть. Каменистая равнина была усеяла телами мертвых и раненых. Еще виден был стяг Ода с шитой золотом фигуркой вепря, и вокруг него сражались около десятка гаутов. Здесь был и сам Од. Я сразу поняла, что ему грозит огромная опасность – он и его люди были заключены в кольцо врагов, превосходивших числом в несколько раз. Од бился мечом, держа его обеими руками; у него не было щита, не было никакого доспеха и шлема, его длинные волосы развевались на морском ветру, а тело покрывали брызги крови. Я видела, что он одержим духом Одина – он двигался в несколько раз быстрее прочих, наносил могучие удары, снося врагам головы с плеч и сокрушая щиты в щепы. Он уже был ранен, но не замечал боли.

И еще кое-что я увидела. В воздухе над ним зависла, невидимая для него, валькирия Хильд. В кольчуге и шлеме, она держала копье, намереваясь нанести удар – прямо в грудь Ода.

Миг – и я оказалась там, на поле битвы, между Одом и Хильд.

– Что ты здесь делаешь? – гневно крикнула я. – Убирайся отсюда к себе в Валгаллу.

– Отец Битв послал меня! – ответила она, не опуская копья. – Он назначил этого человека к себе в дружину, для грядущей битвы с порождениями Локи, и послал меня за ним. Отойди, Фрейя, не препятствуй решению Отца Битв!

– И не подумай! Этот человек – мой! Оставь его и убирайся! Я не позволю тебе забрать его жизнь и дух!

– Ты лжешь, распутная! – взвизгнула она; видно было, что ей страшно соперничать со мной, но она не смеет нарушить волю Одина и вернуться с пустыми руками. – Од – человек Отца Ратей! Он принадлежит Хрофту! Он избрал его! Его место – в Валгалле!

– Фрейя! Фрейя! – закричал в это время Од. – Госпожа, возьми меня к себе! Я иду к тебе!

Видно было, что он изнемогает; даже дух боевого неистовства больше не мог одолевать его усталости и бессилия от ран и потери крови.

– Фрейя, отойди! – завизжала Хильд; ее глаза бешено сверкали. – Он мой!

Миг – и в моей руке оказался жезл укрощения. На ясеневом дереве вспыхнули черные руны волшбы, несущие безумие и беспокойство. Не зря я провела время наедине с Одином у корней Ясеня – он подарил мне мощное оружие, и теперь пришло время им воспользоваться.

Хильд, уходи!
Тебя изгоняю!
Жезлом укрощенья
Ударю тебя,
Изгоню тебя в Хель,
Коль ты не отступишь...

Я заставила время замереть. Для смертных оно шло по-прежнему, но для наших глаз руки с оружием теперь двигались не быстрее, чем движется тень дерева, освещенного солнцем. Мне хватило времени наобещать для Хильд самые ужасные кары, какие только пришли в голову. Помню, я пригрозила выдать ее за трехголового тролля – единственного из мужчин, кто пожелает иметь с нею дело, и сделать матерью чудовищ с семью головами, причем жабыми.

Она не стала ждать, пока жезл в моей руке нанесет удар – развернулась и умчалась со своим копьем. Ее обиженный вопль еще отдавался под небосводом, когда я подхватила Ода и мгновенно перенеслась с ним в мои палаты.

Было самое время. Еще немного – и мне понадобился бы Один, чтобы обменяться с моим возлюбленным хотя бы словом, ведь сама я разговаривать с мертвыми не умею. Од уже лишился сил и сознания – так бывает с теми, кого дух Одина сперва посетит, а потом покинет. Слабый человеческий дух наливается невиданной силой от духа божественного, но потом уходит из тела вслед за ним – иной раз навсегда. Я знаю, Один обучал смертных воинов обращаться с этим духом, чтобы он не убивал их самих, и сейчас еще порой посещает их. Беспамятство Ода было глубоко – если бы не я, он бы открыл глаза уже в Валгалле. Но я успела вовремя, его сердце еще билось, хотя и очень слабо.

Не помню, чтобы когда-нибудь я так волновалась. Дрожа, как смертная женщина при виде тела своего единственного, на всю ее мимолетную жизнь, возлюбленного, я уложила его на мое собственное ложе. Волнение и страх потери пронизывали меня тысячей холодных игл. Я понимала тех женщин, дев и матерей, что во все времена зывали ко мне, моля защитить или спасти их мужей, отцов, сыновей, братьев. Я всегда отвечаю на эти просьбы – не люблю, когда мужчина гибнет раньше срока, – если только сам он не посвящал себя Одину: тогда, по нашему договору, я уже не могла вмешаться, и Один забирал тех, кто предназначен ему. В утешение смертным оставались слава и песни о подвигах; Один думает, что этого достаточно, но я-то знаю, как болело сердце этих женщин. Иные из них, не в силах выдержать этой боли, кончали с собой на погребальном ложе, и Один получал двоих вместо одного.

Я избавила Ода от остатков его изорванной одежды, смыла кровь. Забыв о своем бессмертии, в эти мгновения я думала, что тоже умру, если его сердце остановится. Что согреет меня в мире, если угаснет огонь его любви, завянет самый яркий, самый алый цветок моего сердца? Я послала нескольких дис к Источнику Жизни за водой, а другим велела петь над Одом целующие заклятья. Сама я взяла мой жезл исцеления и тоже принялась плести чары. Всю мою силу я была готова отдать, лишь бы тот, кто умирал с моим именем на устах, остался в живых.

Наконец его раны закрылись. Беспамятство перешло в тихий сон. Только тогда я смогла перевести дух. И ощутила гнев. Все это случилось не просто так – Один пытался отнять его у меня! Едва ли он мог заглянуть в сны Ода и увидеть там меня. Но он мог знать, что Од почитает меня превыше всех богов и дарит мне лучшее из своей добычи. И чего же он хотел – забрать его в Валгаллу, чтобы показать мне превосходство своей власти? Чтобы заставить меня приходить на его пиры, молить отдать мне моего возлюбленного? Вся кровь во мне вскипала от возмущения. Один помог моему брату в поисках Герд, но, видно, счел награду недостаточной. У него нет возможности принудить меня к любви даже чарами – любовными чарами управляю я. Зато он управляет победой и жизнью воина, и вот эту жизнь он пытался отнять. Ту жизнь, которая так важна для меня.

Ночь я провела на этом же ложе, возле Ода. Я не тревожила его сны, наоборот, отгоняла их, чтобы он мог спокойно спать и набираться сил. Я обнимала его, положив его голову к себе на грудь, и с каждым вдохом он впитывал мою животворящую силу. Я ощущала, как ровно, глубоко и спокойно он дышит, слышала, как медленно, размеренно бьется его сердце, как бежит кровь по его жилам. Он был здоров и полон жизни, но тревога не отпускала меня. Черная бездна ждала где-то рядом, казалось, она утянет его, если только я выпущу его из объятий.

Эта ночь все длилась и длилась, но я перестала следить за человеческим временем. Наконец в палаты мои проник первый солнечный луч. Од глубоко вздохнул и проснулся. Поднял голову и заморгал. Его светло-серые блестели жизнью, хотя и оставались еще сонными.

– О, моя дорогая... – хрипло пробормотал он, поворачиваясь, чтобы обнять меня. – Моя цветочная госпожа! Не уходи! Такой прекрасный сон...

Он приподнялся, чтобы окинуть меня взглядом, провел рукой по моему телу.

– Мне снилось, будто я был в какой-то битве... Я чуть не погиб. Я призывал Фрейю – если уж уходить в небесную дружину, то я хочу всю вечность до Затмения Богов служить ей одной. И вот ты... ты спасла меня. Где мы? В Альвхейме?

– Мы в Асгарде, – сказала я, обнимая его за шею и нежно поглаживая ямочку между ключицами. – В моих палатах. Оставайся здесь сколько захочешь. Когда пожелаешь, я верну тебя в Мидгард, и ты будешь жить еще много человеческих лет. Но пока ты со мной здесь, время не будет для тебя идти, ты не состаришься ни на миг.

– Кто же ты?

Он приподнялся и сел, глядя на меня. Я лежала перед ним во всем блеске моей красоты, несколько багряно-алых, с золотыми сердцевинками звезд сон-травы распускалось в моих золотых волосах.

– Даже дева альвов... не может быть такой прекрасной и могущественной. Ты... сама Фрейя?

– Это я. Ты угадал.

– И неужели я... – он с трудом оторвал взгляд от меня и осмотрелся, – чем-то заслужил... твою любовь? Не могу поверить. Скажи мне, что это правда.

– Это правда. Я люблю тебя, Од. Я приняла ожерелье, которое ты хотел отдать своей жене, и пока ты остаешься здесь, я буду твоей женой.

Некоторое время он молча смотрел на меня.

– Чего же я сижу? – сказал он потом, как будто сам себе. – Ведь такой сон может кончиться слишком рано... Дай мне этот цветок, – он кивнул на сон-траву в моих волосах, – я помню, ты рассказывала мне: если во сне увидеть прекрасную деву и взять у нее сон-траву, она не сможет избежать судьбы и станет моей женой.

Я вынула из волос одну из багряно-алых звезд и подала ему. Сейчас его ядовитый сок не причинял вреда – любовь может ранить лишь в Мидгарде, а здесь, в моих палатах, правит только блаженство и счастье.

Он взял цветок, прижал к груди... Там появилось красное пятно – как отпечаток. Я приподнялась, обняла его за шею и поцеловала в губы. До того я ласкала его лишь во сне, прежняя любовь была лишь игрой наших душ в царстве снов, но сейчас все происходило наяву – для меня и для него. Я готова была по-настоящему отдаться ему, и он был готов принять мой дар.

Он обнял меня, отвечая на поцелуй, но едва я выдохнула, ощущая, как жар моего желания проникает в его кровь... как он исчез.

В изумлении опустив руки, я огляделась. Ода не было на моем ложе, его не было в моем доме. Остался только помятый багряно-алый цветок, что я вручила ему...

Изменив облик, под видом обычной смертной женщины я расспрашивала людей о нем, но никто не знал его. Однако я не теряю надежды. Мир людей велик, и я продолжаю мои поиски. Каждый вечер я захожу в какой-то из домов, сажусь к очагу и разговариваю с людьми. И все жду, что кто-то упомянет о нем. Мне довольно самого малого следа...

* * *

– Тебе повезло, – богиня вдруг обратила взор прямо на Снефрид.

Сияние померкло, цветы исчезли. Платье богини стало просто серым, а глаза приобрели оттенок тающего снега. Лицо ее осунулось, но не оставалось в покое: по нему скользила то тень тоски, то луч надежды. Этот луч отражался в глазах, и вдруг Снефрид показалось, что это ее глаза – серебристо-серые, унаследованные от праматери рода, Скульд Серебряный Взор. И все лицо Фрейи стало ее лицом – выражавшим решимость и вызов, что умаляло его красоту, но придавало величия.

– Твой возлюбленный прислал тебе весть, ты знаешь, куда идти за ним. Не потеряй своего пути, а я буду оберегать тебя, обещаю... Я сама буду прокладывать тебе путь, и если ты найдешь свою любовь, ты сможешь мне найти и мою. И в мирах под кроной Ясеня станет чуть больше счастья...

Глядя в янтарь морского заката, Снефрид снова вызвала в памяти вчерашний сон, когда богиня говорила с нею. Он и так почти не покидал ее мысли, с того самого мгновения, как она проснулась в спальном чулане Кунгсгорда, возле Эйрика. Сон оставил в ней двойственное чувство: ей хотелось ухватиться за руку Эйрика, вцепиться изо всех сил, не выпускать, никуда от него не уходить, беречь то, что у нее есть – и одновременно тянуло скорее в дорогу, туда, где ждет ее истинная судьба. Это этого надлома хотелось плакать.

Глаза Фрейи – один голубой и радостный, как летнее небо, другой черный и жуткий, как бездна Хель – стояли перед нею и после: когда она прощалась с Эйриком на причалах Бьёрко, и днем, пока тянулись мимо острова и островки в морском заливе под названием Озеро. Встреча с Фрейей открыла ей многое. Неудивительно, что облик богини так тревожен и неустойчив. Она была одинока, заложница в чужом, вчера еще враждебном ей племени асов, тех, что трижды пытались ее убить и только потом, убедившись, что это бесполезно, пошли на мирные переговоры. Она обрела любовь и потеряла ее, как теряет, так или иначе, почти каждый из людей. Оттого сама любовь так неустойчива, оттого ничто другое не привлекает на себя столько людских благословений и проклятий, благодарности за счастье и жалоб на жестокость. Ничто иное, как любовь, не приносит людям столько радости и не причиняет столько страданий, оттого и облик Фрейи то греет, то овеивает холодом. Она сама живет на тонкой грани между счастьем обретения и горем потери.

– Пойдем, госпожа! – Возле Снефрид появился Лейви Рокот. – Я побывал в том доме, не роскошно, конечно, но переночевать можно. Идем, я тебя провожу. Парни, берите ларь.

Снефрид улыбнулась ему, запахнулась в накидку – с моря дуло, – и пошла вслед за Лейви к темнеющим дальше от берега строениям.

* * *

После конунговой усадьбы Кунгсгорд, где Снефрид провела перед этим несколько недель, в доме на Гостином острове и впрямь казалось неуютно. Какой-то роскоши в строении, предназначенном для постоя проезжающих торговцев, никто и не ждал обнаружить, но те несколько недель, пока длилась война между старым Бьёрном конунгом и его мятежным внуком Эйриком Берсерком, торговцы не ездили, и теперь в доме пахло плесенью. Сено на полу отсырело, скамьи и спальные помосты вдоль стен казались влажными, так что не хотелось садиться. На полу валялся разный мусор – сухие рыбы головы и хребты, какие-то кости. Люди Асварда разожгли огонь в очаге, и в затхлом воздухе повис дым. Мьёлль ходила туда-сюда, выискивая место, где устроить лежанку для Снефрид, и ворчала. Снефрид не знала, улыбнуться или вздохнуть: им предстояла лишь первая ночевка в дороге, и весьма вероятно, что последующие будут куда менее удобны. Здесь у них хотя бы есть привычного вида дом, очаг и спальные помосты. А что дальше?

Чем дальше она пыталась мысленно пройти по предстоящему пути, тем гуще его окутывал туман. Около двух недель им предстоит плыть по морю на восток, пока не кончится Восточное море. Далее надо свернуть по заливу на юг и плыть до вика Альдейгьи. Там есть люди северного языка, но вокруг Альдейгьи живут уже другие народы – славяне и финны. От Альдейгьи по большой реке несколько дней нужно будет плыть до города Хольмгарда, где живет сам конунг Гардов, Олав, со своей женой, королевой Сванхейд. На ее-то помощь Снефрид и рассчитывала в дальнейшем, чтобы добраться до Меренланда, того края, где поселился Ульвар. Меренланд принадлежал Олаву Гардскому, и только при его содействии Снефрид смо-

жет туда попасть. Протяженность этого пути, его трудность и неизвестность так ее угнетали, что она старалась пока об этом не думать. Сейчас ее цель – Альдейгья, а дорогу туда Асвард Соболев знает хорошо. Дальше видно будет.

Однако, несмотря на все тревоги, на все опасности затеянного ею невероятного путешествия – Снефрид даже не слышала, чтобы какая-то женщина пыталась в одиночку пересечь Восточное море, чтобы из Свеаланда попасть в Гарды, – в себе самой она чувствовала мощный источник сил. Как ни длинен этот путь – на том конце ее ждет Ульвар. Она знала его почти столько же, сколько помнила себя; первые разговоры об их будущей свадьбе пошли, когда ей было всего-то лет десять. Ей так хорошо помнились его светлые серые глаза, русые волнистые волосы, белозубая улыбка, его всегдашняя веселость и вера в любовь норн, которая не даст пропасть ни в какой беде. Таким он был до того лета, когда проиграл чужой товар стоимостью в три сотни серебра. После этого он три года провел в сарацинском походе, и, конечно, должен был измениться. Теперь у него такой же густой загар, как у Лейви и его товарищей, хазарские серыги, перстни... может быть, шрамы. Такая же сосредоточенность в глазах, которая не уходит совсем даже среди веселья и смеха. Теперь-то он научился осторожности, собранности, умению оценивать соотношение сил и заботиться о себе, не полагаясь слепо на доброту норн. Иначе он просто не выжил бы в том походе, откуда вернулись живыми едва половина. Ульвар с юности был игроком: то и дело бросал кости, желая проверить благосклонность к нему норн, что и втравило его в неприятности – сначала его, а затем и Снефрид. Видно, норнам причиняло досаду это постоянное беспокойство без нужды, вот они и подбросили ему лекарство. Испытания были жестокими, но, как надеялась Снефрид, пошли на пользу. Теперь, когда ему уже тридцать, Ульвар стал таким мужем, на которого она сможет положиться. Ей не терпелось увидеть этого нового Ульвара, которого она сможет полюбить заново, и мысль о нем делала предстоящий путь не таким уж страшным, будто где-то там вдали Ульвар протягивает руки ей навстречу.

Ждет ли он ее? Он *не просил* Снефрид к нему приехать, только передал, где находится и что не намерен возвращаться. Но она была уверена: ждет. Знает, что это почти невозможно, не под силу женщине в одиночку проделать такой путь, и все же надеется той частью души, которая осталась от прежнего Ульвара, легкомысленного, но всегда верящего в лучшее. Снефрид заранее радовалась тому, что в этот раз самые его безумные ожидания оправдаются.

Тревоги преданной служанки оказались напрасными: им не пришлось ночевать в гостевом доме. Не успел огонь в очаге как следует разгореться, как вошел Асвард Соболев, а с ним еще какой-то мужчина, очень нарядно одетый: в желтовато-горчичный кафтан с полосками красного шелка на груди, в коричневой шапке. Был он лет тридцати, с угловатым лицом, небольшой русой бородкой и глубоко посаженными серыми глазами.

– Ты, Снефрид, видно, очень напугалась при виде всего этого, – Асвард обвел рукой гостевой дом, – но боги над нами сжалились и посылают ночлег получше. Вот, Стейн сын Гудфинна, с Гусинога острова, приглашает нас к себе в дом. Я давно его знаю, он достойный человек, мы можем принять его гостеприимство.

– Привет и здоровья тебе, Стейн! – Снефрид встала с помоста и улыбнулась. – Думаю, это кстати.

– Это твоя жена? – Стейн в изумлении взглянул на Снефрид, потом на Асварда. – Не знал, что ты заново женился!

– Увы, мне не так повезло! – Асвард хмыкнул и покачал головой. – У этой госпожи есть муж, но это не я. Она как раз к нему едет.

– Вот как? – Стейн разглядывал гостью, вытаращив глаза. – И далеко ли тебе придется ехать?

– Очень далеко, – Снефрид улыбнулась. – До самого Утгарда. Я разыскиваю моего мужа, и для этого мне придется добраться до самого края света. Мы будем очень рады получить хотя бы в эту ночь удобный ночлег.

Гусиный остров лежал совсем близко – от причала его было видно, – и был гораздо больше Гостиного. На нем хватало земли и леса для нескольких усадеб и хуторов; почти все жители были родичами Стейна. Асварда Соболя он знал давно, поскольку тот не в первый раз проезжал этими проливами, и вел с ним торговые дела – продавал овечью шерсть, покупал ткани или меха из дальних восточных стран. После недавних событий все были особенно рады новостям. Всех путников, сотни полторы человек, Стейн не мог разместить в своей усадьбе, но предложил гостеприимство Асварду, Снефрид и Хлёдвиру. Кетиль Пожар предпочел остаться с людьми и кораблями на Гостином острове, а остальных Стейн перевез к себе на большой вместительной лодке.

– Вот это люди Снефрид, мы их тоже возьмем с собой, – сказал ему Асвард, показывая на Лейви и его пятерых товарищей. – Она путешествует как королева, с собственной дружиной.

– Мы дали клятву оберегать эту женщину и не оставлять одну, пока не вручим королеве Гардов в Хольмгарде! – подтвердил сам Лейви. – Поэтому должны везде следовать за нею.

– Она едет к королеве Гардов? – Стейн с новым чувством осмотрел Снефрид, как будто она выросла прямо у него на глазах.

– Именно туда лежит ее путь.

– Я вижу, это весьма выдающаяся женщина. Моя жена устроит ее лучшим образом.

Усадьба Стейна была невелика, но содержалась хорошо. Ради гостей зарезали барашка, а пока мясо жарилось, подали хлеб, сыр, вяленую рыбу.

– Ну, Стейн, какие у вас новости? – начал беседу Асвард.

– Новости есть, и весьма важные. Ты не слышал, что умер наш дядя, Харек Затмение?

– Харек умер? – повторил Асвард. – Нет, я не знал. И давно?

– Зимой. И теперь мы с Бергстейном спорим из-за тех земель. У Харека не осталось прямых наследников – его два сына умерли молодыми, – и теперь все должно перейти к нам с Бергстейном, но он не хочет отдавать мне мою долю и сам захватил дядину усадьбу.

– Почему же он так несправедливо с тобой поступил? – с любопытством спросил Хлёдвир и даже перестал есть.

Глаза его заблестели: видно, он был из тех, кому нравится наблюдать за чужими делами и особенно раздорами.

– Это все из-за моей бабки, Дагню. Она была побочной дочерью моего прадеда, Сэмунда Когтя, но когда он выдавал ее замуж, то дал ей приданое, как законной. Это значит, что он признал за нею равные права с прочими детьми, правда же, Асвард? Ты мудрый человек и многое повидал, скажи, ведь если человек дает за побочной дочерью точно такое же приданое, как за другой, законной, значит, он желает наделить их всех равными правами?

– Весьма на то похоже, – согласился Асвард.

– А Бергстейн этого признавать не хочет, он говорит, моя бабка получила все, что ей причиталось, когда выходила замуж, а до другого наследства мне дела нет.

– А разве твой прадед не уладил этого с ее мужем, когда они договаривались о свадьбе? – спросил Хлёдвир. – Должны были условиться насчет прочего наследства.

– У прадеда был сын, Гейр, и все его имущество, земли, два хутора и скот и прочее, унаследовал он. Харек – его сын, он все получил после Гейра. А теперь Харек умер бездетным, и мы с Бергстейном должны получить его наследство.

– Они должны были обсудить и этот случай.

– Может, они и обсудили, только свидетелей, ты понимаешь, не осталось, это же было сто лет назад! Если бы моя бабка была законной дочерью, то мы бы все поделили поровну, а теперь Бергстейн ухватился за этот предлог, чтобы не делиться со мной.

– А вы бы вышли с вашей тяжбой на весенний тинг.

– Мы и выходили. Но конунг сказал, что раз свидетелей нет, то он не ясновидящий, чтобы знать, какова была воля нашего деда. А его внук, Бьёрн Молодой, сказал, чтобы мы решали свои дела поединком...

Тут Снефрид невольно засмеялась, потом прикусила губу. Все обернулась к ней.

– О, прости, – она улыбнулась Стейну. – Бьёрн Молодой и мне советовал решить дело поединком, а потом... Ты слышал, может быть...

– Он сам участвовал в поединке и убил своего двоюродного брата, Альрека сына Анунда, да, мы слышали, – Стейн кивнул. – Вот всем наука... Бергстейн, может, и не самый лучший родич, но он мне родич, и я вовсе не хочу, чтобы у нас тоже кончилось так. Мы от поединка лучше воздержимся.

Мужчины стали обсуждать события лета – вражду старого Бьёрна конунга с внуком, смерть Бьёрна, соглашение между его сыном Олавом и Эйриком, по которому Эйрику досталась южная и восточная часть владений – и острова между Уппсалой и морем тоже. Снефрид помалкивала, не желая выдавать свою причастность, хотя она все эти события знала лучше всех: они прошли у нее перед глазами, а кое к чему она и сама приложила руку.

К тому времени столы уже убрали, хозяева и гости расположились возле очага: мужчины с одной стороны, женщины с другой.

– Только бы им про сражения толковать... – пробормотала Стейнова жена, Това, сидевшая рядом со Снефрид. – Уж как я измучилась, пока он был в конунговом войске! Это сражение – говорят, там из трех кораблей два были очищены от людей этими берсерками! Хорошо, что наш корабль вовремя увели на север, ума хватило! Наши все целы остались, вот только недавно вернулись, как Олав с Эйриком помирились. Но что это за мир – теперь берсерк станет все равно что нашим конунгом! Если бы женщин спрашивали, я бы нипочем не согласилась на такого конунга! Ну, довольно об этом! – Ее тянуло поговорить, но она видела по лицу гостыи, что той не хочется обсуждать дела конунгов. – Нас это все не касается, наше дело – очаг, дети да хозяйство. Расскажи-ка мне лучше о тебе. Нечасто увидишь, чтобы женщина одна пускалась в море, потому мой Стейн и решил было, что ты жена Асварда. Асвард хороший человек, рассудительный и богатый, для любой женщины было бы удачей за него выйти.

Това бросила на Асварда уважительный взгляд. Лет ему было хорошо за сорок, но выглядел он отлично: в длинных, немного выющихся темных волосах и бороде еще не было седины, на обветренном загорелом лице с высоким узким лбом и крупным крючковатым носом ярко блестели живые серые глаза, и сразу было видно, что человек это бывалый, опытный и умеющий со всяким прийти к согласию.

– Это несомненно правда! – Снефрид знала Асварда всего один день, но он показался ей приятным человеком. – Однако у меня есть муж, и я пустилась в путь, чтобы отыскать его. Мне придется идти далеко, до самого Утгарда... как мне было предсказано.

– Неужели ты не боишься? – Това, едва ли бывавшая где-то далее торго в Бьёрко, недоверчиво заглянула ей в глаза. – Я бы не решилась – это же так страшно!

– Это страшно, но мне обещано сильное покровительство в моем пути...

Снефрид перевела взгляд на огонь, и снова вспомнилось печальное лицо Фрейи, ее сомкнутые на коленях тонкие белые пальцы, ее грустный голос. Опять ее поразило сходство их судеб, и не успела она подумать, как с языка само собой слетело:

– Не бывал ли в ваших местах человек по имени Од сын Торстейна? У него крупные черты лица, длинные русые волосы, глаза серо-голубые, и от взгляда их согревается сердце...

Опомнившись, она заметила, что вокруг стоит тишина. Огляделась: все в покое с изумлением смотрели на нее. Снефрид растерялась: она не могла вспомнить, что такое сейчас сказала. Да она ли это говорила?

Она спросила, не проходил ли здесь Од – пропавший возлюбленный Фрейи. Но зачем? Она вовсе не ищет Ода, ее муж – Ульвар, и она знает, где он находится...

Не успев додумать эти мысли, Снефрид уже знала ответ.

«Изменив облик, под видом обычной смертной женщины я расспрашивала людей о нем, но никто не знал его. Однако я не теряю надежды. Мир людей велик, и я продолжаю мои поиски. Каждый вечер я захожу в какой-то из домов, сажусь к очагу и разговариваю с людьми...» – так говорила ей Фрейи. Изменив облик, под видом обычной женщины... Она, Снефрид, сейчас *и есть* новый облик Фрейи – тот, в котором богиня ведет свои поиски. Это Фрейя спрашивает о нем, на этот вечер приняв облик Снефрид.

– Э... – начал Стейн, ошарашенный новой мыслью, но умолк.

– Х-ха! – вполголоса произнес Хлэ́двир.

– Ты сказала... *Госпожа*... что ищешь мужа? – Стейн наклонился вперед.

Слово «госпожа» он произнес так, как будто это имя и одновременно титул – имя Фрейи.

– Так и есть, – Снефрид слегка улыбнулась, лихорадочно соображая, как теперь держаться. – Он отправился в странствия... три лета назад, и вот теперь я...

Она замолчала, поняв, что продолжает говорить о Фрейе.

Но не только она знает сагу о пропавшем Оде. Ее знают все. Как и о том, что Фрейя ищет Ода, в измененном облике обходя людские дома.

– Глаза... – пробормотала Това, поспешно отодвигаясь на помосте. – Я сразу увидела... ее глаза...

Снефрид опустила ресницы. От отца и его предков ей достались глаза удивительного цвета – серебристо-серые, очень светлые, с легчайшим отливом лепестка фиалки. Даже Ульвар, еще пока ей было только десять лет, говорил, что ее подкинули альвы. А она в ответ объясняла, что никто ее не подкинул, а ее прапрадед родился от Скульд Серебряный Взор, дочери конунга альвов, которой Асбранд Снежный однажды дал приют в зимнюю ночь, когда она пришла к нему в облике безобразной старухи, заколдованная своей мачехой...

Видно, придется рассказать эту родовую сагу еще раз, подумала Снефрид. Но сказать ничего не успела. Стейн живо поднялся с места, приблизился к ней и почтительно остановился в трех шагах. Потом отвесил поклон и в волнении сдвинул шапку на затылок.

– Г-госпожа... Это великая честь для нас... что ты удостоила... посещением наше скромное жилище, – он говорил неуверенно, не зная, хватит ли у него учтивости для самой богини. – Мы готовы... предложить тебе все, чем владеем. Хотя и я не ждал... что однажды ты войдешь... хотя всем известно, что ты странствуешь по свету и можешь зайти в любой дом...

– Хотя сегодня и не пятница²... – пробормотала ошарашенная Това.

– Ваше гостеприимство очень приятно мне, – Снефрид улыбнулась.

Она вовсе не имела намерения притворяться богиней и тем более извлекать из этого какие-то выгоды. Но Фрейя и правда говорила ее голосом и в ее лице вошла в этот дом.

– Постарайся принять ее как следует, Стейн! – воскликнул еще более оживившийся Хлэ́двир. – Это же такой случай для тебя! Не каждый день в дом является богиня!

– Э... – Стейн оглянулся на него.

Понятно, что посещение богини – редкая удача для смертного, но так сразу и не придумаешь, чего попросить, чтобы не разгневать ее дерзостью и жадностью и не оказаться обращенным в жабу.

– Воспользуйся же этим случаем! – настойчиво посоветовал Хлэ́двир. – Путь Фрейи лежит в дальние края, другого такого не будет!

Даже Асвард, похоже, удивился, не говоря уж о самой Снефрид. Этим же вечером Хлэ́двир ясно дал понять, что невысоко ставит жену какого-то разорившегося беглого торговца,

² Пятница у германцев была днем, посвященным Фрейе.

бывшую любовницу Эйрика Берсерка, отосланную им прочь. Стоило бы ждать, что он поднимет на смех простодушных хуторян, принявших эту бабенку за саму богиню. Однако нет – Хлёдвир старался утвердить Стейна и его домочадцев в этой мысли. Но почему?

– Тебе бы следовало попросить ее о помощи в твоём деле, – Хлёдвир не заставил их долго мучиться от любопытства. – В твоей тяжбе с троюродным братом. Фрейя в близком родстве с альвами, ее хорошо призывать на помощь во всех делах, связанных с предками и наследством. Попроси ее, чтобы уладила ваши дела с наследством Харека. Чтобы ты остался доволен. Она же к тебе пришла, а не к Бергстейну, значит, ты более угоден богам!

Произнося эту речь, Хлёдвир поглядывал на Снефрид, и в светло-карих глазах его блесла неприкрытая радость. Можно было подумать, что он радуется за Стейна, которому выпал такой прекрасный случай. Но Снефрид видела в его взгляде явное злорадство: он надеялся выставить ее в глупом виде. Как может молодая женщина разрешить тяжбу, которую отказался решать старый, опытный конунг! Она улыбнулась в ответ.

– Это правда, госпожа, мне очень нужна твоя помощь в этом деле. – У Стейна прояснилось лицо. – Если бы ты могла убедить Бергстейна, что наш прадед желал наделить обеих дочерей равными правами... Та женщина, правда, была его рабыней, но его жена уже лет десять как умерла, когда родилась моя бабушка Дагню, так что он держал ее совсем как жену и наверняка хотел, чтобы ее потомки обладали всеми правами его наследников...

– Я не могу решать за вашего прадеда, тем более что он давно умер. Но я могу *спросить*, какова была его собственная воля.

– Спросить?

Между людьми на скамьях и помостах пролетел удивленный ропот.

– Ну конечно. Он ведь похоронен здесь, на острове?

– Да, у нас есть могильное поле и хёрг³, мы там приносим жертвы альвам.

– Если ты проводишь меня туда, я постараюсь вызвать дух вашего прадеда... Сэмунда, ты сказал?

– Да, Сэмунд Коготь.

– И он сам скажет вам, какова была его воля насчет наследства. Но будет лучше, если ты вызовешь твоего брата Бергстейна и он тоже услышит своими ушами.

Немного поспорили, когда это следует сделать. Приближалось новолуние, серп убывающей луны был тонок и давал мало света, но ждать дней девять-десять, пока он подрастет, Асвард Соболю отказался наотрез, да и Снефрид не хотела медлить в самом начале пути. Им предстояло пересечь море, и не стоило упускать хорошую погоду. В итоге Стейн послал сына-подростка верхом на хутор Бергстейна с требованием прибыть немедленно, если хочет увидеть, как покойный Сэмунд при посредничестве самой Фрейи разрешит их тяжбу.

– А ты, Хлёдвир, пойдешь с нами? – спросила Снефрид. – Ты сам это придумал, тебе ведь любопытно, что выйдет?

– Нет, я уж лучше останусь здесь! – Тот замотал головой. – Больно жутко – на ночь глядя ходить на могильное поле да звать мертвецов!

– А, так ты горазд только давать мудрые советы!

– Кто мудр, тот осторожен! – наставительно ответил Хлёдвир.

* * *

Начинало темнеть и до полуночи оставалось недолго, когда Стейнов сын прискакал с ответом Бергстейна: он, мол, не знает, что такое они затеяли, но к полуночи будет ждать на могильном поле. Собрались целой дружиной: Асвард Соболю, Стейн и кое-кто из его домочад-

³ Хёрг – куча камней, место жертвоприношений.

цев, Снефрид с Лейви и пятью его товарищами. Хлёдвир остался в усадьбе, но вышел их проводить.

– Какие же вы смелые люди! – громко рассуждал он с нарочитым восхищением. – Не всякий осмелится вот так выйти темной ночью на встречу с мертвецом! А что если он будет зол? А что если он набросится на вас?

– У нас есть чем его встретить, – Лейви показал рукоять меча.

– Самая смелая здесь ты, дорогая Фрейя! – Пользуясь сумерками, Хлёдвир зашел за спину Снефрид и прошептал ей эти слова почти в ухо. Ростом он был выше нее, и ему пришлось наклониться. – Не у всякой наложницы «морского конунга» хватит присутствия духа так величаво держаться, когда ее приняли за богиню. Надеюсь, ты и дальше не разочаруешь этих людей!

– Ты, Хлёдвир, хитер, но глуповат! – ласково сказала Снефрид, обернувшись к нему. – Ты не подумал вот о чем: такой мужчина, как Эйрик, королевского рода, отважный, прославленный, красивый собою и учтивый обхождением, – заслуживает того, чтобы ему подарила свою любовь сама богиня!

И, оставив его размышлять над этим оборотом дела, ушла к воротам, где ее почтительно ждали с оседланной лошастью Стейн и Асвард.

Стейн был несколько смущен тем, что может предложить Фрейе только лошадь – богиням полагается путешествовать в нарядно украшенной повозке, – но и так, верхом возглавляя небольшой пеший отряд, Снефрид чувствовала себя почти богиней. Могильное поле располагалось в половине роздыха к северу от Стейновой усадьбы; Сэмунд Коготь был самым знаменитым из погребенных здесь, поэтому место еще называли Сэмундовым полем. Когда добрались, уже перевалило за полночь и почти стемнело. На западе еще горели красные полосы, а на светло-синем небе засияли звезды и тонкий месяц проглянул, с любопытством наблюдая за шествием.

У края поля темнели несколько высоких поминальных камней; ни рисунка, ни надписи разглядеть было уже нельзя. Когда шествие приблизилось, один из камней вдруг зашевелился и окликнул:

– Кто там? Это ты, Стейн, или тролли гуляют?

– Ух! – Стейн, шедший впереди, вздрогнул от неожиданности, отшатнулся и чуть не упал на Асварда. – Это ты, Бергстейн, или карл из камня?

– Это я, но если ты меня зазвал сюда ради шутки, я тебя самого вколочу в синюю скалу на девять локтей!

Все остановились близ камней. Разглядеть упрямого Стейнова родича Снефрид не могла, но отличала его по хриплому голосу. Похоже, он был лет на десять старше Стейна. За его спиной шевелились еще двое «карлов».

– Никаких шуток! Фрейя в своих странствиях посетила мой дом и согласилась помочь нам разрешить эту тяжбу.

– Сама Фрейя?

– Это я! – дружелюбно сказала Снефрид с лошади. – Привет и здоровья тебе, Бергстейн!

– Откуда же она взялась? – Не в силах разглядеть сквозь мрак женщину в седле, Бергстейн все считал, что над ним шутят.

– Она приехала на корабле Асварда Соболя. Вот он сам.

– Здравствуй, Бергстейн! – поздоровался Асвард из темноты. – Это правда – мне доверена честь сопровождать Фрейю в ее путешествии.

– Да разве богини путешествуют так? Деревянные Фрейр и Фрейя сидят в святилище, а на весеннем тинге их выносят оттуда, водружают на повозку и возят вокруг Уппсалы. Я сам нынче весной видел.

– Неужели ты не знаешь, что Фрейя все время странствует, чтобы найти своего мужа, Ода? – напомнил Асвард. – Она заходит в дома к разным людям...

– И теперь вот она зашла к нам! – подхватил Стейн. – Не стыдно ли тебе задерживать богиню пустой болтовней! – напустился он на брата. – Она согласна помочь нам в нашем деле, а ты даже поздороваться с нею не хочешь?

– Ну, здравствуй... неведомая гостя! – неуверенно сказал Бергстейн. – Было б малость посветлее, я бы лучше разобрался...

– Пойдемте-ка займемся нашим делом, а то и хёрг не сыскать в такой тьме! – поторопил братьев Асвард. – Засядем тут до утра, а нам утром отплывать!

После дня пути по морю, в ожидании и завтра такого же дня, Асвард жаждал поскорее лечь спать, и это ночное приключение ему было некстати.

Дальше Бергстейн шел впереди, остальные – за ним. Лейви вел лошадь, чтобы не споткнулась о могильный холмик или камень. Прочие тоже шли с осторожностью; высокая летняя трава шуршала и цеплялась за ноги, и казалось, чьи-то невидимые мягкие руки хватают за щиколотки. Из тьмы на поле веяло холодом – как знать, что оттуда появится? Такое, чего и не увидишь? Вспоминались рассказы о мертвецах, которые лежат годами, не разлагаясь, только чернея и раздуваясь, пока не станут размером с быка... От малейшего звука, движения чуть в стороне пробивала дрожь. А красные полосы на закате все тускнели, будто солнце удалялось, оставляя людей во власти тьмы.

Хёрг еще было видно – куча камней, высотой в человеческий рост и длиной шагов в семь-восемь, темнела между невысокими курганами. С краю лежал приготовленный хворост, и троюродные братья разожгли костер. Стейн привез с собой ягненка – для вызова Сэмундова духа требовалась жертва.

– Пусть все отойдут подальше, – велела Снефрид, когда Лейви помог ей сойти наземь, – а вы вдвоем останьтесь и принесите жертву. Окропите кровью хёрг, а дальше смотрите, что будет.

Асвард и прочие отошли шагов на десять – так, чтобы если не видеть, то хотя бы слышать, что будет происходить. Невысокий огонь освещал хёрг – старинный, поросший мхом и лишайником. В темноте он казался больше, чем был на самом деле, и, словно гора, разделял мир на две половины. Серебряный месяц повис точно над его вершиной. Такие кучи камней десятками, сотнями лет впитывают жертвенную кровь, под ними зарывают сокровища, чтобы придать удачи всей хозяйской земле, из них выходят подземные жители – мертвецы или дворги. Не желая таких встреч, возле хёргов не гуляют в темноте. Ночной ветер усилился и нес угрозу, будто недовольное дыхание потревоженной Хель.

Кто-то из домочадцев держал факел и светил троюродным братьям, пока они резали ягненка, собирали кровь в старую бронзовую чашу и метелочкой из можжевельника брызгали на хёрг. Снефрид в это время постукивала в бубен, иногда издавая тихие заунывные вопли – призыв духа на жертвенную кровь. Следуя за стуком бубна, дух ее шел по темной земляной норе, навстречу ей веяло холодом. Эти звуки и прокладывали ей путь, и строили стену между нею и миром людей, будто каждый удар был камнем, положенным точно на место. Дух старого Сэмунда был довольно сильным – не зря тот до сих считался хозяином острова, хоть и умер много лет назад. Недовольный, что его потревожили, он тем не менее охотно принял силу жертвенной крови. Пока он насыщался, одновременно обретая слух в мире живых, Снефрид напевала, медленно расхаживая перед хёргом:

Сила Ванадис
Пребудет со мною,
Крепкой оградой
Меня защищает,

Волю покойного
Мне подчиняет...

Что-то шептала трава под ногами. Лунные лучи падали на вершину хёрга, будто дождь, вызывая к жизни уснувший росток духа.

И вот он услышал призыв. Холодное веяние усилилось. Снефрид опустила бубен на землю.

Время пришло
Мертвым воспрянуть,

– начала она, подняв руки с жезлом вёльвы над хёргом.

Сэмунда сон
Я нарушаю!
Сэмунд, проснись!
Я спрашивать буду!
В чем твоя воля
О девьем наследстве?
Дагню и Фастню
Равны ль в наследии?
Иль только старшей
Ты право вручаешь?

Дух был уже близко; Снефрид ощущала его как большое темное пятно, лишь высотой схожее с человеческой фигурой. Накатывало ощущение стойкого холода, цепящего тело и душу. Вот-вот возникнет чувство, будто ее и призрак отделяет от прочих прозрачная стена – она уже знала его по встрече с собственным покойным дедом, Хравном. И тогда призрак заговорит, но услышит его одна Снефрид; прозрачная стена поглотит все звуки внешнего мира...

– Ётунское копье! – хрипло охнул Бергстейн.

Ощущение близости духа разом исчезло. Разгневанная Снефрид открыла глаза, одновременно слыша стук камней. Что такое?

На вершине хёрга, прямо перед нею, слабо обрисованная светом месяца и звезд, возникла высокая темная фигура. Несколько камней со стуком скатились к подножию кучи, и оба брата отскочили на пару шагов. Снефрид застыла на месте, держа жезл поднятым. От неожиданности ее пробило холодом. Это еще что? Сэмунд явился не духом, а телом? Это очень плохо! Снефрид почти испугалась – с ходячими мертвецами-«немертвыми»⁴ она никогда не имела дела, а без опыта с такими гостями встречаться не стоит. Но почему же ее не предупредили, что Сэмунд *ходит*? Если мертвецу не лежать спокойно, это делается известно почти сразу, а он умер сто лет назад!

Однако ощущение близости Хель пропало начисто. Свежий ветер летней ночи, запах моря, крики чаек... Близ нее – *только люди*. Что же она такое видит?

И едва Снефрид собралась задать этот вопрос, как «немертвый» заговорил.

– Кто тревожит мой сон? – низким голосом, полуразборчиво произнесла фигура на вершине хёрга. – Кто не дает покоя старому Сэмунду Когтю?

⁴ «Немертвыми» (друзьями) в эпоху викингов называли покойников, способных ходить в прежнем теле.

Сэмунд Коготь? Снефрид ничего не понимала. Дух приходил и готов был ей ответить, но он исчез, его здесь больше не было. Его спугнула эта самая фигура на вершине. Которая, судя по всему, к миру мертвых не принадлежала.

Да и ходячие покойники *помажкивают!* Они могут заявляться в дом и садиться к огню, могут даже лезть в драку, но никогда не вступают в беседы! Для того и нужен сведущий человек, способный слышать духов!

– Это вы, мои правнуки, Стейн и Бергстейн? – продолжал этот сомнительный Сэмунд. Говорил он довольно невнятно, и тем не менее Снефрид расслышала в его голосе кое-что знакомое. – Пришли узнать мою волю насчет наследования земель? Это ты привела их... Фрейя?

– Это я привела их, – от прямого приглашения к беседе Снефрид не могла уклониться. – Если ты Сэмунд, то ответь: желаешь ли ты, чтобы потомки твоей побочной дочери Дагню получили земли в наследство наравне с потомками законной твоей дочери Фастню?

– Эти земли получит тот, кто не трус! – угрожающе заявил Сэмунд. – Где эти двое? Я их не вижу! Подойдите ближе, вы, если зоветесь моими потомками!

Он явно пришепetyвал, и от этого плохого владения человеческой речью было еще страшнее – будто говорит зверь, которому мешают клыки.

– Подойдите! – позвала братьев Снефрид, голосом призывая их к твердости. – Ответьте ему.

Жутко было приближаться, чтобы дать призраку возможность *увидеть* тебя. Тем не менее оба брата сделали несколько робких шажков к хёргу.

– М-мы здесь, – хрипло выдавил Бергстейн. – М-мы пришли...

– Мы пришли! – поддержал Стейн, и его голос от волнения, наоборот, стал тонким. – М-мы хотим знать...

– А я хочу знать, кто из вас не трус! – рявкнул Сэмунд. – Вы оба будете биться со мной! Кто устоит, кто покажет себя сильным и храбрым, как достойный мой потомок, тот будет владеть всеми моими землями!

Снефрид едва не ахнула: теперь она ясно узнала голос. Хлёдвир, как видно, положил в рот камешек, поэтому и кажется, будто у него заплетается язык, и речи звучат глухо, но она ясно различала уже знакомую самоуверенную и вызывающую повадку.

В ней вспыхнула злость. Это невероятная наглость – помешать ее ворожке ради того, чтобы просто обмануть троюродных братьев, посмеяться над всеми. Думая, будто она притворяется богиней, Хлёдвир решил притвориться мертвецом – но едва ли для того, чтобы ей помочь.

Первым порывом Снефрид было подойти к мнимому покойнику и сорвать с него этот темный плащ, в который он укутался с головой. Но она сдержалась, живо представляя злость, обиду, досаду братьев. Такое вольное обращение с родовым хёргом их несомненно оскорбит. Как она докажет, что не была с Хлёдвиром заодно? Что они не сговорились всех одурачить? Их будут считать парой обманщиков, да и Асварду достанется.

Чтоб ему в синюю скалу провалиться! У нее не осталось другого выхода, кроме как поддержать эту дурацкую игру и позволить Хлёдвиру притворяться дальше.

– Как ты желаешь сражаться? – кипя от гнева, обратилась она к поддельному Сэмунду.

– У меня здесь есть мое верное копьё! – С вершины хёрга скатилось еще два-три камня, и «мертвец» ловко спрыгнуть вниз, опираясь на длинное древко. – У вас есть оружие, а? Вы, два слюнтяя! Что застыли, как поминальные камни?

Стейн и Бергстейн беспомощно переглянулись – у них были только ножи, которыми режут скот.

– Я могу дать им секиру, – донесся из темноты голос Лейви. – У нас есть с собой.

– Пусть будут секиры, – согласился Сэмунд. – Ну, кто первый? Ты, Стейн? Бери секиру и выходи!

Мертвец воинственно взмахнул копьем. Сойдя с вершины хёрга, он тем не менее стоял на камнях у его подножия и оттого казался на две головы выше ростом, чем обычный человек. Снефрид вглядывалась, но совершенно не могла рассмотреть лица: похоже, Хлёдвир вымазал его сажей или закрыл куском ткани. Одежда на нем тоже была темной, и от этого казалось, что возле хёрга движется сама темнота. Неудивительно, что у правнуков Сэмунда тряслись поджилки.

Из мрака к почти затухшему костру вышел Лейви Рокот, рукоятью вперед протянул Стейну секиру, успокаивающе кивнул Снефрид – дескать, у нас все под присмотром, – и вновь ушел в темноту.

– Ну, давай! – Мертвец нацелил свое копьё на Стейна. – Покажи, что ты внук рабыни только по крови, но не по духу!

– Не робей, Стейн! – воскликнула Снефрид; у нее чесались руки самой наподдать этому прыткому покойнику. – Я с тобой! Сила Фрейи поддержит тебя! Нападай! Он вызвал тебя – твой удар первый!

Вооруженный секирой против копья, Стейн находился поначалу в невыгодном положении: «Сэмунд» не подпускал его близко и отводил острием копья робкие выпады.

– Смелее! – подбадривала Снефрид. – Вперед! Сближайся, тогда он не сможет тебя колоть!

Но эти призывы мало помогали Стейну; секира дрожала в его руках, выпады были неуверенными. А Сэмунд явно забавлялся: издавая резкие вопли, он прыгал туда-сюда, то вскакивал на хёрг, то спускался и делал быстрые выпады копьем. Судя по выкрикам, он уже несколько раз задел своего противника; Снефрид надеялась, что Хлёдвир не слишком заиграется и не нанесет Стейну серьезных увечий. Боялась она и того, что Стейн разберет, из какого мира на самом деле его противник. Да он среди ночи выгонит их всех из дома с позором, что выставили его таким дураком.

Но эти страхи были напрасны. Издав истошный вопль, Сэмунд прыгнул на Стейна и со всей силы ударил его в грудь. Снефрид вскинулась от ужаса – такой удар должен был убить. Однако, судя по крику, Стейн не получил серьезной раны – копьё было к нему обращено древком, – а только отлетел и упал в траву. Кое-как поднявшись, он не собрался с духом для продолжения схватки, а бросился прочь. Сэмунд выл ему вслед, как раздосадованный зверь.

– Внук рабыни! – кричал он. – Позор! Рабская кровь! Беги, беги, жалкая тварь! Чтób ётуны забрали таких наследников!

Но вот шум травы под ногами Стейна стих.

– Кто тут еще? – слегка задыхаясь, Сэмунд вернулся к хёргу, величаво опираясь на копьё, и темнота вилась вокруг него, будто плащ. – Еще кто-то желает... отстоять право на мое наследство? Ты, Бергстейн? Давай, не робей! Покажи, что хоть в тебе течет настоящая кровь Старого Сэмунда! На тебя – вся надежда живых! Если увижу, что и ты такая же козявка, мокрица, жаба брюхатая, ящерица бесхвостая, ётуново дерьмо, как этот слизняк, я... я заберу с собой в Хель все мои владения! Весь Гусиный остров завтра на заре погрузится на дно моря, и я буду править им в Хель, как правил, пока жил здесь! Если увижу, что никто не достоин...

– Что пенять на детей – ты сам их такими наделал! – прервала его выведенная из терпения Снефрид. – Не бойся, Бергстейн, ничего такого я не допущу! Даже если он одолеет тебя, я сама против него выйду! Ну, подбери секиру и покажи ему, что ты мужчина! Не робей – мертвецы гораздо бахвалиться, а как дойдет до дела, то силы в их сгнивших руках окажется не так уж много!

– За женщин мне за мои сорок лет еще прятаться не доводилось... – пробормотал Бергстейн, и Снефрид почувствовала, что он пришел в себя.

Пошарив в траве, Бергстейн нашел оброненную секиру. Он был более опытным бойцом, чем его брат, а главное, более хладнокровным. Понимая, что даст ему преимущество против

копья, он старался поднырнуть под древко и сблизиться, чтобы достать противника. А если достанет, мельком подумала Снефрид, достойной наградой Хлёдвиру за его шалости будет, если его сейчас зарубят! Это враз отобьет у него охоту дурачить людей!

Хлёдвир сразу ощутил, что нынешний противник не чета прежнему. Теперь он уже не выл и не бранился, сберегая дыхание; лет на пятнадцать моложе, он ловко скакал, не давая Бергстейну подойти, и отмахивался копьем. Но Бергстейн упорно наступал, действуя осторожно, насколько мог, плохо видя противника в темноте. Однако постепенно он загнал «Сэмунда» снова на хёрг и у подножия остановился: лезть наверх он все же не посмел.

Забравшись на вершину хёрга, покойник издал хриплый вопль. Было слышно, то он тоже дышит с трудом.

– Хватит! Довольно! Теперь я вижу... что хоть одного мужчину мне удалось родить! Объявляю мою волю... Пусть моими землями владеет Бергстейн. А все, кто живет на Гусином острове... пусть вечно воздают ему почести, иначе завтра на заре... все они переселились бы под холодные волны, во владения Эгира и его девяти коварных дочерей. Прощайте!

Скинув вниз еще несколько камней, мертвец исчез, будто втянулся в хёрг. Снефрид не сомневалась, что если взобраться наверх и пошарить там, то легко можно найти мнимого покойника, распластавшегося, будто ящерица. Бесхвостая.

– Поздравляю тебя, Бергстейн! – сказала она. – Ты выиграл тяжбу, и все мы – свидетели воли Сэмунда.

– Ну и прыткий же он... тролляка! – бормотал Бергстейн, шапкой утирая пот. – Благодарю тебя за поддержку, госпожа! Если бы не твои заклинания, он меня одолел бы!

– Идемте же скорее в усадьбу, проверим, добрался ли до дома Стейн! – заторопила спутников Снефрид. – И надо скорее рассказать Хлёдвиру, чем все кончилось – он уж верно умирает от любопытства!

Лейви хмыкнул, помогая ей сесть в седло.

– А если не умирает, я сама его убью! – сердито прошептала Снефрид.

* * *

Мнимому покойнику этой ночью повезло больше всех. Когда ходившие к хёргу, вместе с Бергстейном, вернулись в усадьбу Стейна, его самого там не оказалось. Напуганная Това принялась кричать, что мертвец настиг ее мужа и прикончил. Про Хлёдвир даже никто не вспомнил – нужно было идти искать хозяина. Стейновы домочадцы и люди Асварда разобрали факелы и широкой цепью пошли назад к погребальному полю, перекрикиваясь и зовя хозяина. В усадьбе осталась одна Снефрид, на случай если тот все же вернется сам и ему понадобится помощь.

Проводив поисковую дружину, Снефрид вернулась в дом, вошла в теплый покой – и тут же увидела чью-то голую спину. Некто высокий, стоя к ней задом, стягивал рубаху. Снефрид окинула взглядом эту спину – широкие плечи, мускулистые руки, довольно тонкий стан. Длинные светло-рыжие выющиеся волосы были собраны в пучок на шее и связаны ремешком.

Узнав обладателя спины, она прикусила губу от негодования. Ей хотелось закричать, даже ударить его чем-нибудь, но она сдержалась – богиня не может вести себя, как обычная вздорная бабенка.

В это время Хлёдвир обернулся. На груди и на плече его темнели кровоподтеки и багровые следы ушибов – он не вышел из поединков невредимым, и вид этих ран порадовал Снефрид.

– А, это ты, богиня! – Хлёдвир криво ухмыльнулся; он еще не успокоил дыхание, видно, бежал в темноте со всех ног, чтобы оказаться дома не позже других. – Ну как, не обмочила подол со страху, когда твои заклинания сработали?

Снефрид всегда была находчивой женщиной, но сейчас слишком много слов просилось на язык. Так вот что он о ней думает? Что она из тщеславия прикидывается колдуньей?

– 3-зачем ты это сделал? – изо всех сил стараясь выглядеть спокойной, спросила она, но негодование прорывалось дрожью в голосе. – Зачем ты влез в это дело?

– Хотел тебе немножечко помочь, – так же улыбаясь, Хлёдвир бросил свою мокрую от пота рубаху и направился к Снефрид. – Было бы обидно притащить столько уважаемых людей ночью на поле, чтобы ты помахала там твоей палкой и ничего из этого не вышло.

В ответ Снефрид лихорадочно расхохоталась.

– Если я... – Смех мешал ей говорить, и от этого речь звучала далеко не так внушительно, как ей бы хотелось. – Помахала палкой... Какой ты добрый! Если я скажу, что дух Сэмунда пришел и готов был заговорить со мной, ты ведь не согласишься?

– Я-то не такой дурачок, как эти все, – Хлёдвир подошел к ней почти вплотную, и она попятилась. – Зато теперь у них есть решение, о тяжбе можно забыть. Они должны быть мне благодарны.

– Стейн пропал! Он не вернулся домой! Что если он в темноте свернул себе шею – тебя и это позабавит?

– Кто виноват, что он такой трус? Лежит где-нибудь под камнем и скулит от страха. Найдут его, не переживай.

– Ты помешал... – Снефрид сглотнула и сердито уставилась на Хлёдвир. – Ты помешал людям узнать правду. Дух сказал бы, какова была его воля на самом деле. Но после такого срама я больше не пойду его тревожить. Теперь это просто опасно.

– Так ты хочешь сказать, что настоящая сейд-кона? – Хлёдвир снова придвинулся, так что она ощутила запах пота от его полуобнаженного тела.

– Я могла бы узнать правду. А ты навязал им ложное решение и навек лишил Стейна наследства. Считай, что ты ограбил невинного человека ради забавы.

– Человек с заячьим сердцем не заслуживает никакого наследства. Он доказал, что внук рабыни. Но если тебе его так жаль, расскажи им, какую шутку мы с ними сыграли... вдвоем, – Хлёдвир протянул руки, будто хотел ее обнять, и Снефрид опять отошла. – Ну куда же ты бежишь? Я-то знаю, как это у настоящих сейд-кон. Поколдовав, они до смерти хотят любви, чтобы восстановить растроченные силы. Если ты и правда вызвала дух, то теперь тебе нужен живой мужчина. Вот он я перед тобой. Воин мой закален в немалом числе сражений, но никогда не откажется от новой закалки⁵.

– Живой? – недоверчиво переспросила Снефрид. – Ты был очень убедительным мертвецом. Я бы поверила, если бы не видела их раньше.

– Ох, после конунга тебе простой человек не годится? Думаешь, мой воин чем-то хуже того, что у Эйрика? Его-то уж больше у тебя не будет. Эйрик, хоть и берсерк, больше не желает тебя видеть, после того как другой любовник пытался тебя прирезать чуть ли не у него на глазах.

– О! – Удивленная Снефрид вытаращила глаза. – Да где же ты набрал этих нелепых слухов? Надеюсь, ты не дорого за них дал, потому что не стоят они ничего.

– Все Бьёрко знает про ваши дела, – холодно сказал Хлёдвир, и его глаза стали жесткими. – Оттого Эйрик и отослал тебя на край света, чтоб не позорила его перед людьми?

– Тебя-то это уж точно не касается, – сдержанно сказала Снефрид. – Тебе бы стоило побеспокоиться о своих делах. Что если Стейн и Бергстейн узнают в тебе того мертвеца, с которыми сражались?

⁵ Принятая в то время метафора сексуальной связи.

– Я скажу, что это ты уломала меня помочь тебе, ведь на самом деле ты вызывать духов не умеешь. И это тебе стоило бы побеспокоиться, чтобы меня не узнали. И чтобы я сам случайно не проговорился о нашей веселой шутке...

Хлёдвир снова придвинулся и взял ее за плечи. Он глубоко дышал, хотя после бега по пустошам уже должен был успокоиться, его светло-карих глазах Снефрид видела напряжение и решимость.

– Оставь меня в покое, Хлёдвир, – негромко сказала она. – За меня есть кому постоять.

– Ну и где же они? – Хлёдвир решительно обнял ее и притиснул к себе, давая ей убедиться, что его «воин» и впрямь готов к жаркому бою. – Когда они вернутся, можешь пожаловаться, а я скажу, что ты после колдовства так жаждала мужчину, что сама на меня набросилась.

Он наклонился, намереваясь ее поцеловать; Снефрид слегка отвернула голову и прошептала ему в ухо:

– Хлёдвир, я и правда умею вызывать духов. И передавать. Не советую испытывать это на себе. Я владею духом Одина-Бурого – ты знаешь, что это такое? Он разорвет тебя изнутри, ты взбесишься, будешь кидаться на стены, а потом тебя зарубят, как бешеного пса.

Голос ее звучал мягко, почти ласково. Прижатая к Хлёдвиру, она ощутила, как по его плечам прошла дрожь.

– Хочешь меня запугать? – Он наклонил голову, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Предупреждаю. Ты, видно, из тех мужчин, что желают каждую красивую женщину и потому сами себя убеждают, что она распутна. А убедив себя в этом, полагают себя вправе применять силу. Но многим приходится об этом пожалеть.

– А ты, стало быть, целомудренна, как... как... как все девы Гевьюн вместе взятые, хотя едва ли эта мать великанов может научить девушек скромности. Это после того как жила и с Эйриком, и с его братом, и еще с другим их братом, который убил второго?

– Ну у тебя и мысли! – рассердившись больше за братьев Эйрика, чем за себя, Снефрид хотела оттолкнуть его, но Хлёдвир ее не выпустил, и она уперлась ладонями ему в грудь. – Этими выдумками ты себя тешил весь долгий день на море?

– А теперь я хочу потешить моего воина.

– Ты сам просил, – мягко сказала Снефрид, подалась к нему, потянулась к лицу и поцеловала в губы.

И слегка дохнула в него той силой, что с ночи полнолуния жила в глубинах ее существа, растворенная в крови.

Хлёдвир даже не успел обрадоваться, что вроде как добился своего: в нем будто взвыл дикий зверь. Душу залило ощущение жуткой темной силы, цепящей, разом вырвавшей власть над духом и телом.

Отлетев от Снефрид, Хлёдвир упал на земляной пол; от толчка и она едва не упала и привалилась к стене. С задушенным криком Хлёдвир покатился по полу, ударился о помост, потом об очаг. Черная сила кипела в нем, полностью лишив его власти над собой; все жилы и мышцы разрывала боль. Чужая мощь издала хриплый низкий рев, рвавшийся из его безвольно открытого рта, и глаза пучились от ужаса.

Снефрид жадно наблюдала за ним – она владела силой Одина-Бурого совсем недавно и не видела ее действия на людей. Хлёдвир катался по полу, размахивая руками, будто пытался уцепиться за что-нибудь и вновь обрести опору, вырваться из пут этой темной силы, но не мог – она была внутри.

Через несколько мгновений Снефрид взмахнула над ним жезлом вёльвы и позвала: назад! Глубоко вдохнула.

Хлёдвир застыл, скрючившись на полу. Черная сила покинула его, но и всякая другая тоже. Даже настоящий, выученный берсерк теряет силы после того, как в него войдет Один-

Бурый и воодушевит на яростный бой. Простой же человек после прилива этой силы становится глиняной чашкой, ударом камня разбитой вдребезги.

Осторожно обойдя Хлёдвир, Снефрид удалилась в женский покой. Понадеялись они провести ночь с удобством! Но уж Хлёдвир ее больше тревожить не будет.

Стейна нашли: убегая через поле совсем в другую сторону, он попал в яму, вывихнул ногу и чуть с ума не сошел от страха, что мертвец его поймал и тянет под землю. Даже не мог отозваться на крики, и сыскали его, когда осветили ту яму факелом. На носилках из жердей и двери его принесли домой, и Асвард с Бергстейном вправили ему ногу. О наследстве Сэмунда он больше и слышать не хотел, но Бергстейн, тронутый его неудачей, пообещал, что отдаст несколько выпасов из своей доли. Снефрид пропела простые целебные заклинания, достав свой березовый «целящий жезл», и Стейн, успокоившись, заснул.

– Тихая выдалась ночка! – бормотал Асвард, когда все наконец стали устраиваться спать. – Вон уже и светает! Кетиль умно поступил, что остался в гостевом доме!

Хлёдвир молчал, сонно мигая, и выглядел точь-в-точь как человек, который с самого вечера спал глубоким сном и пропустил всю суету.

* * *

Асгард

...Когда Дрожащий Путь привел меня к воротам Асгарда, Хеймдалль уже ждал. Он был в обличье красно-рыжего быка и вид имел весьма грозный. Заступил мне дорогу и стал бить копытом землю, наклоня огромные золотые рога и угрожающе фыркая.

– Привет и здоровья тебе, Хеймдалль! – сказала я. – Зачем ты принимаешь столь грозный вид? Я пришла издалека и очень устала, хочу поскорее найти приют и отдых. Не настолько же асы лишены чести, чтобы забыть законы гостеприимства!

Однако он не слушал, а все так же наступал на меня, нацелив свои острые, сверкающие рога мне в грудь и угрожающе пуская пар из ноздрей. Под тяжестью его копыт Дрожащий Путь затрясся еще сильнее.

Я взмахнула жезлом – и бык исчез. Хеймдалль принял свой обычный облик – очень крупного мужчины с широченной грудью и могучими мышцами. Красно-рыжая бычья шкура теперь была накинута на плечи. На правой руке его, держащей копье с золотым наконечником, было сразу девять пальцев – видимо, по одному от каждой из тех девяти дев, что стали его матерями. Лицом он был бы недурен – широкий прямоугольный лоб, нос с небольшой горбинкой, длинные белые волосы, обливавшие его плечи, спину и грудь сотнями пенных ручьев, – если бы не очень сурово насупленные брови над синими глазами и не плотно сжатые губы, которые, казалось, никакая сила не разомкнет ни для улыбки, ни для поцелуя. Если не считать того его похода по человеческим жилищам, даже мне неизвестно, чтобы он хоть раз за всю свою вечность кого-то поцеловал. Те, кто появился на свет раньше меня, этого не умеют: любовь и все способы ее выражения пришли в мир лишь со мной.

– Чего тебе здесь надо? – спросил он, недовольный превращением – все же в облике существа, наделенного разумом и речью, гораздо труднее направить оружие на женщину, чем когда ты всего лишь бык. – Убирайся отсюда! Я тебя знаю. Ты – Хейд, ты только и знаешь, что этим вот жезлом творить всяческое зло, как в обычае у вас, вещих жен! Ты довольна себя показала. Ступай отсюда, иначе получишь этим вот копьем прямо в твое нечестивое сердце!

По человеческим меркам, его облик был совсем не стар, но древность сказывалась в каждом его слове, каждом движении – по-великаньи мощном и неуклюжем. Однако его древность не означала дряхлости, и он достойно нес обязанности стража Асгарда.

– Ах, Хеймдалль! – Я покачала головой. – Ты ведь самый старший из жителей Асгарда. Ты существовал еще до асов и даже до ванов. Ты посадил Мировой Ясень и вырастил его из

крохотного семечка, чтобы девять миров могли разместиться в его ветвях и корнях. Почему же ты так унился, что стал стражником асов при вратах, будто раб? Благодаря тебе существуют все миры, и Асгард тоже, а ты ютишься на самом его краю, у ворот!

– Я создал мир, и я его охраняю! – так же хмуро сказал он. – От таких, как ты! Убирайся, ну!

И поднял копьё, наставив острие мне в грудь.

Я подняла жезл и негромко запела. Однако он и правда боялся меня, потому что немедленно нанес удар.

Золотое копьё ударило мне в сердце, как молния. Всю меня охватил жар, грудь пронзила боль, кровь вскипела, пламя одело меня... и опало. Я стояла перед воротами Асгарда, а земля вокруг меня была усыпана прахом моего прежнего облика. Теперь я тоже стала собой. Только я вся была цвета пепла – платье, волосы, глаза.

– Это ты! – Хеймдалль отшатнулся, и теперь ему пришлось использовать копьё как посох для опоры. – Диса ванов!

– Рада, что ты меня не забыл, – я улыбнулась. – А ведь сколько веков прошло с тех пор, как мы с тобой сотворили все человеческие роды.

– Мы с тобой? – Он опять нахмурился. – Ты лжешь! Я сделал это один!

Я расхохоталась. Он так стар и должен знать, откуда берется все живое, но почему-то не видит дальше собственного носа.

– Да уж, конечно, когда ты ложился в постель третьим сначала с Прабабкой и ее мужем, потом с Бабкой, потом с Матерью и Отцом, меня с вами не было – тебе так казалось. Но сам подумай – что может на свете родиться без участия самой Жизни? Ничего. Я уже была там, когда ты пришел, во всех этих домах, в крови прабабок, бабок и матерей. Мы с тобой вместе сотворили все населяющие Мидгард роды. Так неужели ты преградишь мне путь, когда я иду, чтобы позаботиться о счастье наших с тобою общих земных потомков?

Он задумался, опираясь на копьё, и, в бычьей шкуре, составлявшей всю его одежду, выглядел как старый пастух, всю жизнь ходивший за скотом – из тех, что жили тысячи и десятки, может, даже сотни тысяч лет назад. Сколько раз я наблюдала, как такие мирно умирали, сидя на камне и привычно опираясь на посох, пока их стадо паслось, не замечая, что пастух уже его не видит.

Хеймдалль сошел с места и посторонился.

– Ты слишком хитра, и мне не под силу преградить тебе путь. Ступай, но знай – там внутри ты встретишь противников посильнее меня!

Я улыбнулась ему и прошла мимо. Едва я вступила в ворота Асгарда, как все во мне изменилось: белизна пепла сменилась солнечным цветом золота. Платье, волосы, даже глаза – все сделалось золотым, кожа приобрела золотистый отлив. Будто солнце, двигалась я меж палат Асгарда, пока не вышла на Поле Света, где вечно колыхались травы, будто волнующие ветром волны. Передо мной был Чертог Радости, окруженный садом с пурпурной листвой, под золотой крышей. Кто скажет, что мне здесь не место?

Когда я вошла, они уже ждали меня там все, рассеявшись на свои троны: мужчины с одной стороны, женщины с другой. По углам жались валькирии, пытаясь спрятаться друг за дружку – думали, я пришла потребовать их назад. На главном престоле сидел Хёнир – огромным ростом он выделялся даже среди них. Продолговатое лицо, узкий высокий лоб, небольшие глубоко посаженные глаза, нахмуренные темные брови, золотистая борода, буйные длинные пряди волос цвета светлого пламени. Звезда прирученной птичкой сидела у него на плече, слепя взор каждого, кто пытался взглянуть ему в лицо. Он был воистину прекрасен и вид имел очень величественный. Им можно было залюбоваться, но я знала, зачем ему эта звезда. Если суметь взглянуть сквозь сияние, то видна некоторая растерянность в его серо-голубых глазах. Он хорош в открытой схватке, но когда надо рассуждать, взвешивать, решать, искать пути к согласию,

прикидывать последствия и подставлять плечи под груз ответственности – он теряется и нуждается в советах. Не знаю, почему именно он сменил Тюра на этом престоле. Возможно, вместо калеки асы выбрали самого совершенного телом. А может... тому, кто его сюда усадил, как раз нужны были тайные несовершенства его духа.

Возле Хёнира сидел Тюр – тот, что лишился звания верховного правителя асов, когда потерял руку, – а за ним Мимир. Один разместился после Мимира. Сейчас он имел вид красивого мужчины средних лет, со светлыми волосами, черными бровями и яркими голубыми глазами. Он будто бы сидел в общем ряду, но вокруг его неприметно клубилась тьма, будто плащ, и в ней посверкивали звезды. Благодаря этой тьме я поняла: он опасается меня. Этот тайный страх не шел к его красивой внешности – сама эта внешность была щитом, за которым он прятался, но тьма, его истинная сущность, так и сочилась сквозь этот миловидный облик.

При виде меня все они встrepенулись, но никто не нашел слов. Бегло оглядываясь, я видела, как мое сияние золотит их изумленные лица.

– Привет и здоровья вам, асы! – сказала я. – Привет и здоровья тебе, владыка Асгарда!

– Кто ты? – осторожно спросил Хёнир – будто не знал.

Мимир придвинулся к нему и что-то шепнул.

– Мое имя – Гульвейг, и думаю, что найду у вас здесь хороший прием.

– Я так не думаю! – закричал Локи. Ему трон не полагается, и он сидел просто на скамье, с детьми асов. – Не ты ли учишь людей, альвов и dwarгов жажде золота, из-за чего они совершают немало преступлений? Убийств, краж и ограблений!

– Кто это собирается меня упрекать? – удивилась я. – Тот, кто, томимый похотью, три года жил с ётуншей и породил троих детей, которые сделаются губителями света? Ты, Один, погибнешь в схватке с Волком Фенриром, а ты, Тор, – с Мировой Змеей. Ты, Тюр, лишился руки и главенствующего положения по вине одного из этих детей – твоего пасынка, раз уж его родила твоя жена. Вы знаете это, и все же позволяете их отцу сидеть с вами на одной скамье, за одним столом!

– Как ты смеешь пророчить нам гибель, гнусная ведьма!

С ревом Тор вскочил на ноги и метнул в меня свой знаменитый молот...

Как будто я сказала что-то такое, чего они сами не знали. И не знали, что это правда.

Удар был куда сильнее, чем от Хеймдаллева копья. Пламя разом охватило меня – я даже не успела ощутить боль, как белая вспышка опала.

Я снова стояла среди облака пепла от прежнего облика. Я снова стала собой, но теперь напоминала первую зеленую проталину среди снега. Белая кожа, серебристые волосы, зеленое платье. А глаза – черные, как «глазки» на стволе берез.

По палате пролетел громких вздох – в нем смешались испуг и восхищение. Один подался вперед, впиваясь в меня глазами, остальные отшатнулись.

– Так вот кто ты... – медленно выговорил он. – Невеста Ванов...

– Та гнусная ведьма, что родилась от похотливого союза родных сестры и брата! – Из-за его престола высунулся Локи, еще более бледный, чем раньше, а его черные волосы стояли дыбом. Черты его лица, и без того не слишком привлекательные, сейчас были в таком беспорядке, будто он с трудом удерживал на себе человеческий облик. – И сама блудит с собственным братом!

– У меня не наберется столько похоти, ты ведь украл у меня большую часть! – улыбнулась я ему. – Я и раньше ее столько не имела, чтобы вождельть ётунов, а ты в этом не знаешь себе равных!

– Оставь его! – Один махнул рукой на своего побратима, и тот снова спрятался. – Зачем ты пришла?

– Ты прекрасно знаешь зачем. – Я приблизилась к нему, сделав несколько шагов по тающему пеплу. – Ты нарушаешь мои права и бесстыдно вмешиваешься в круговорот жизни и

смерти. Ты похищаешь людей, запираешь их здесь, у себя, чем мешаешь им возродиться, и нагло обкрадываешь будущее человеческих родов – тех, что сотворили мы с Хеймдаллем, пока о вас, асах, никто в Среднем Мире еще и не слышал. Тебе, Хёнир, как верховному владыке Асгарда и вождю асов, я приношу жалобу на твоего брата.

– Я похищаю людей! – Один привстал, опираясь на подлокотники. – Я запираю их? Я впервые научил их тому, что такое слава! Я даровал им *бессмертие*, в то время как ты умеешь давать столько *смерть*! Спроси у любого из моих людей, что они предпочтут: смерть или бессмертие, вечный пир, вечную битву, вечную славу?

– Дарю я не только смерть, но и жизнь! – Я положила руку на свой золотой пояс, в который были вставлены буро-красные «камни жизни». – Две стороны кольца неразделимы, и всякий двигался от начала к концу, а оттуда, не сбавляя хода, к новому началу. Я принимала новорожденных и провожала умерших, чтобы они не сбились с пути и вскоре снова вышли на свет. Ты – тот, кто прервал это вечное движение. У тех, кого ты забрал к себе, никогда не будет возрождения. Они проведут у тебя всю вечность, отпущенную роду людскому. У каждого из них будет только *одна* жизнь, хоть и бесконечно длинная. В то время как их сородичи, идущие моим путем, проживут сотни жизней.

– Зачем им сотни безвестных жизней, не отмеченных ничем, кроме рождения, свадьбы и смерти? Жизни, в которых небольшая разница между мужем и женой, трусом и храбрым? Жизни, где для возрождения нужно пройти через Туманные Поля и все ужасы Хель? Спроси любого, здесь или на земле, – какую участь они предпочтут? Вечная слава бессмертна! Я научил их задумываться, *зачем* они живут! Я научил их искать *смысл* в их жизни.

– В их жизни и без тебя есть смысл!

– Конечно – нарожать себе подобных, и побольше. Чем они были лучше овец, зайцев, червей и букашек? Я научил их познавать самих себя и стремиться к высшей славе.

– Если каждый из мужчин будет думать только о собственной вечной славе – о том, что ранняя славная смерть намного лучше долгой жизни на пользу своему роду, – род человеческий прервется! Я требую, чтобы ты не вмешивался в мои дела и оставил людей в покое!

– Ты не смеешь ничего у меня требовать! Мы, асы, намного выше вас! Вы – всего лишь трава в поле и деревья в лесу, а мы – разящие удары грома и огненные мечи молний! Мы научили людей отваге, доблести, чести! Я научил их *стремиться стать лучше*, подняться над собой, несведущим, бессмысленным. Совершать подвиги во имя славы и слагать песни о великих деяниях. Не будь меня – они только и умели бы, что ковыряться в земле да бездумно плодить себе подобных, будто животные. Я первый во вселенной сумел сойти с колеса жизни и смерти, мне это дорого обошлось, но я узнал тайны, которые тебе и не снились. И я открыл людям тайны пути к богам.

– Так наслаждайся ими сам, зачем ты отнимаешь мою власть?

– Вы, ваны, боитесь, что если люди найдут способ к нам приблизиться, то увидят, что вас особо и не за что почитать. Вы – лишь мелкие духи, родовые и племенные, духи источников, рощ и разных урочищ, и никто из вас не в силах высунуть носа из своей лужи.

– Но мы сберегаем души людей, помогаем им возрождаться и умножать свой род, а вы похищаете их из рода и из всего человеческого племени, делая своими вечными рабами! Ты крадешь у меня даже моих валькирий – избирающих на смерть, принудил их предать меня и потворствовать твоим кражам... Благодаря тебе люди стремятся стать лучше – но ты с твоим побратимом начал *делить* умерших на достойных и недостойных, и эти недостойные со временем...

Я даже не успела увидеть, как он схватил свое копье и метнул в меня. Вспышка была ослепительна, но я успела ощутить, как все мое существо обращается в сияющий прах и разлетается по сторонам, до самых краев вселенной...

* * *

...Медленно-медленно я приходила в себя. Удар Одинова копья был слишком силен. Один соединяет в себе слишком много разных сил и заметно превосходит возможности, что отпущены на долю изначальной его природы. Будь я той же породы, что и он, мне пришел бы конец. Но моя сила вплетена в сами основы существования вселенной, и убить меня, пока существует она, не под силу никому.

Очнувшись, я была очень слаба. Крошечная лужица талой воды среди снега поверх глубоко промерзшей земли. Я лежала где-то в темноте, а рядом со мной раздавался тихий шепот.

– Фрейя! Очнись! Ты не можешь умереть совсем. Уже год во всех девяти мирах никто и ничто не рождается и не умирает. Те, чьи силы иссякли, не могут уйти и ведут существование *немертвых* – люди, животные и даже растения.

Это была Эйр – врачевательница из числа служанок Фригг, приставленная ухаживать за мной. Она помогла мне встать, и постепенно ко мне стали возвращаться силы.

Но увы – далеко не полные. Пока я была без чувств, Один наложил на меня свои чары, и я не могла больше покинуть Асгард без его позволения, сделалась почти беспомощной. Эйр отвела меня в дом Фригг, и здесь я стала жить среди ее служанок. Тогда я напоминала всего лишь тень себя прежней.

Болотные Палаты изобилуют женщинами, и все заняты делом. Многие века Фригг собирала своих служанок – это те, кого приносили в жертву, топя в болотах, от девочек лет двенадцати до молодых женщин. По большей части они ходят в мешковатых платьях из клетчатой шерсти, сколотых парными застежками на плечах, а волосы их убраны в прически из сложно уложенных кос. Попадают и мужчины, и даже старухи – колдуньи и ворожеи, чем-то не угодившие своему конунгу или селению, действительные или мнимые виновницы неурожаев и болезней. Здесь бесчисленное множество очагов, мельниц, ступок, прялок, ткацких станов, котлов для пищи и для окрашивания тканей, и все это постоянно вращается, стучит, кипит и булькает. Фригг – богиня женских посвящений (на этом она и сошлась с Одином), и потому хранит мудрость и тайны всех женских искусств и умений. Только Фулла, младшая сестра Фригг, ничего другого не делает, только охраняет ларец с драгоценностями – которые Фригг тоже получила в разное время как жертвы, брошенные в болото, – и носит этот ларец за ней, если Фригг покидает дом.

Я затерялась среди прочих женщин и выполняла любую работу, какую мне дадут. Фригг делала вид, что меня не замечает, но, конечно, пристально за мной следила.

Не знаю, сколько прошло времени, и шло ли оно вообще. Однажды, когда я доила коров, ко мне явился Локи. Охота сеять раздор и рушить порядок текла в его жилах вместо крови, и он не мог не воровать даже у того, кто был его другом и союзником. Для этой встречи он принял вид вполне благообразный – приятное лицо с золотистым загаром, только глаза слегка косили внутрь и были такого жидкого голубого цвета, что, казалось, сейчас вытекут на нос.

– Что я вижу? – заявил он, прислонившись к двери хлева и скрестив руки на груди. На одной руке у него было шесть пальцев, чего он сам не замечал – сказывалась великанская природа, от которой ему не избавиться, как ни старайся. – Сияющая Невеста Ванов исполняет должность скотницы? Иной была ты, впервые явившись в Асгард – платье твое было из золота, волосы из золота, и даже в гневном взоре сверкало расплавленное золото...

– Дай пройти, – с ведром в руке я хотела выйти, но он загораживал мне дорогу.

– Постой! – Он схватил меня за вторую руку. – Неужели ты смирилась? Не хочешь отомстить?

– Моя месть тебя не касается. Пока не осуществится. – Теперь я взглянула на него. – Тогда и узнаешь, хочу ли я отомстить. Кому и как.

Видно было, что он испугался – даже не грядущей мести, а моего спокойствия.

– Но при чем здесь я? – Он снова загородил мне дорогу, не давая его обойти. – Это не я нанес тебе удар! Это все он! Он боится тебя, вот и хочет уничтожить. Но я не такой. Ты мне даже нравишься. Правда, ты же такая красивая женщина! – Он заискивающе заглянул мне в лицо, ловя мою руку.

– Да уж! – Я едва не засмеялась. – Ты умеешь это оценить.

– Я-то умею...

– Не надо быть красивой, чтобы тебе понравиться. Можно даже быть великаншей – кровь тянется к своей крови, да?

– Ты это знаешь по себе! – Поняв, что я над ним смеюсь, он злобно прищурился. – Это ведь правда, что в Ванахейме ты живешь с твоим братом, будто жена с мужем? О, ничего дурного, я знаю, у вас ведь так принято!

– Это все же лучше, чем принято у вас... у великанов, где один, помнится, заключил брачный союз между собственными ногами! – Я мило улыбнулась прямо ему в лицо. – Дай мне пройти. А то госпожа будет меня бранить!

– Нет, погоди! – Он опять загородил мне дорогу, расставив руки, будто хотел обнять. – Не будем ссориться. У нас ведь общий враг...

– Кто это? – безмерно удивилась я.

– Ты знаешь кто. У кого тысяча имен, но нет охоты называть хоть одно. У кого тысяча ликов, но ни в одном он не может быть тебе приятен.

– Разве он тебе враг? А я думала, вы побратались.

– Мы-то побратались. Но разве он умеет быть кому-нибудь братом? Не считая того случая, когда он ушел странствовать и оставил свою женушку в наследство двум своим родным братьям – вот они весело проводили время втроем, пока он где-то бродил в своей дурацкой шляпе...

– Я ничего не хочу знать про эти игры.

– Он умеет ценить и уважать только самого себя. Вся власть и почет – только ему, а если хочешь и себе немного уважения, то приходится виться ужом...

– От твоих пакостных речей молоко в ведре скиснет.

– Да постой же ты! Я не просто так все это говорю. Хочешь, – он придвинулся ко мне вплотную и зашептал, дыша жаром мне в ухо, – хочешь, я помогу тебе бежать отсюда?

От удивления я не нашла ответа, и он, обрадованный, продолжал:

– Я сумею! Сумею это устроить! Я могу принять любой облик и просочиться в любую щель. Я превращу тебя в перо, а себя – в птицу и унесу тебя отсюда, куда ты пожелаешь. В любой из миров. И там мы с тобой сможем быть счастливы, вдали от этого подлеца...

– Мы с тобой несомненно будем счастливы, – начала я так серьезно, что он даже было поверил, – при условии, что *между нами* будет располагаться не менее двух-трех миров.

Он взглянул мне в глаза и отшатнулся. Не думаю, что он увидел там презрение – он увидел мое спокойствие и твердую уверенность, что я обойдусь без него.

– Ну и оставайся жалкой скотницей! – Вот теперь он отошел от двери и освободил дорогу, презрительно кривя свои тонкие губы. – Посмотрим, найдешь ли ты хоть кого, хоть одного великана, кто не побрезгует тобой, когда от тебя пахнет навозом!

– Одного-то уж точно найду! – Я выразительно взглянула на него и прошла со своим ведром наружу.

Я-то знала, почему мне следует оставаться здесь.

Этот приступ я отбила легко, но с другим пришлось труднее. Я не сомневалась, что второй тоже будет. Они ведь не просто так побратались: они оба – великаньего рода, и стремления у них одни.

Было совсем раннее утро, Суль еще зевала, пока сонные кони вяло тащили ее колесницу на небосклон. Я вычистила большой очаг в палате и вынесла золу наружу, на кучу, на краю березовой рощи вокруг Болотных Палат. В этой роще вечно царила осень в расцвете ее красоты, листья берез круглый год были золотыми, и это было самое дальнее место, куда мне можно было уйти – дальше не пускали чары. Высыпав золу из ведра, я обернулась и увидела того, кто эти чары наложил.

Сегодня он выглядел гораздо моложе обычного. Я даже было подумала, что это Бальдр, тем более что выражение лица у него было на редкость приветливое. Продолговатое скуластое лицо с прямоугольным лбом, прямые русые брови, а глаза под ними – цвета темного янтаря и в них переливается жидкий огонь. Волосы светлые, золотистые; пряди от лба зачесаны на стороны и заплетены в две косы, прочие спущены на спину. Золотистая, опрятная борода. Одежда его была вся зеленых оттенков, будто ко мне явилась целая роща, а в руке он держал пучок полевых цветов. Он ведь знал, как я скучаю по зеленым лесам Мидгарда и Ванахейма – не смогу пройти мимо. Сам Бальдр не мог бы быть прекраснее, если бы не слишком острый взор – обжечься можно. Лишь глянув ему в глаза, я уже знала – это вовсе не Бальдр.

Остановившись передо мной, он медленным, выразительным взглядом окинул меня с головы до ног и обратно. Выглядела я, как самая неряшливая пора весны – когда снег уже сошел, открыв всю прошлогоднюю гниль, вся грязь оттаяла, но трава еще не выросла и не скрыла эти останки. Волосы мои напоминали ворох прелой листвы и бурой палой хвои, в них с трудом пробились лишь три-четыре скрюченных побега сон-травы, окутанных серебристым пухом, но не имели сил расправить лепестки.

– Сожалею, что встречаю тебя в столь неприглядном виде, – с искренним сочувствием сказал он.

Если не знать, что он-то всему виной, можно было бы и поверить.

– Сожалею, что встречаю тебя, – в тон ему ответила я.

– Не скучаешь по дому?

– Нет, отчего же? Всякий знает, что Асгард – прекраснейший из миров, а Болотные Палаты – наилучший из домов. Мне повезло, что теперь я могу жить здесь.

– Это занятие не очень тебе подходит, – он кивнул на ведро, из которого я высыпала золу.

– Не хуже всякого другого.

– От тебя самой зависит сменить это положение на другое, получше.

– Да что ты говоришь, господин! Я всего лишь бедная служанка, благодарная за кусок хлеба.

– Ты одна из самых прекрасных и могущественных женщин в мире. Когда ты в полной силе, ни одна из богинь Асгарда, а тем более великанш, не может сравниться с тобой. Сейчас ты не владеешь своей силой полностью, и это ощущают на себе все семь наделенных разумом миров. Везде неурожай, скот приносит мало приплода, у людей родится мало детей, а у альвов – и вовсе никаких. Чтобы род их не прервался, они вынуждены искать себе жен среди смертных, а там их не очень-то привечают. Приходится им тайком пробираться к женщинам, пока мужья не видят, и накладывать чары, чтобы жены приняли их за мужей...

– Вижу, тебе это хорошо знакомо! Печально будет, если род альвов прервется, а людской – оскудеет, – грустно кивнула я. – Но что же тут можно сделать?

– Я знаю хороший выход. – Он слегка придвинулся ко мне, и я ощутила жар его янтарных глаз, как будто к моей щеке поднесли горящий уголь. – Я не могу снять чары и вернуть тебе твою полную силу, пока ты враг мне.

– Но если природа наша столь различна, едва ли между нами возможен мир.

– Отчего же нет? Существа с различной природой недурно уживаются вместе... да и различия меж нами не так уж велики. Все мы желаем процветания человеческим родам – и альвам, и двергам... Да, что касается двергов...

Он посмотрел на мой пояс, но тот сейчас выглядел очень тускло, «камни жизни» погасли.

– Рассказывают, этот пояс тебе сделали четверо братьев Брисингов. А в уплату пожелали провести с тобой ночь – все четверо. И раз этот пояс на тебе, что каждый может видеть, стало быть, ты приняла это условие.

– Я даже знаю, кто это рассказывает. Тот, кто сам хотел бы повести со мной ночь, а лучше четыре, и не может об этом не думать. А раз не может не думать – не может не говорить, ибо он не из тех, кто умеет держать свой язык на привязи. Так что обличает он этим не меня, а свои похотливы помыслы.

– Хорошо, что ты так думаешь, но трудно будет убедить людей... Дыма без огня не бывает, скажут они. Всякому так забавно воображать светлую богиню в постели с маленькими черными карлами, что об этом так и тянет поговорить!

– Рада, что у вас есть столь важный и увлекательный предмет для беседы, – устало ответила я. – Но если мне придется выслушивать полный пересказ непристойных бесед, что ведутся у тебя в доме, то участь моя и впрямь станет тяжелой!

– Ты можешь ничего этого не выслушивать. Только пожелай – и положение твое переменится. Из служанки ты станешь госпожой.

– Чего ты хочешь? – Держа в опущенных руках грязное ведро, я посмотрела прямо в его пылающие глаза.

– Будь моей женой. Я построю тебе отдельный дом, верну валькирий, чтобы прислуживали. И возвращу тебе твои силы, чтобы твое лицо вновь засияло, как солнце, а волосы стали золотыми.

– А как же госпожа Возлюбленная?

– Она будет жить в своем чертоге, а ты – в своем. Вы станете равными и будете почитаемы одинаково людьми, асами и альвами.

– Нет, – надменно ответила я, будто собиралась торговаться. – Только полный обмен. Я стану госпожой в Чертоге Радости и сяду на ее престол среди жен асов, а она перейдет в служанки и будет выносить золу с очагов.

– Это невозможно! – резко ответил он. – Ее родня ничего такого не допустит.

Как будто я не знаю, что Фригг с ним самим состоит в отдаленном родстве и против их общей родни он ни в коем случае не пойдет.

– Тогда каждая из нас останется там, где сейчас, – так же резко ответила я и толкнула его ведром. – Дай мне пройти, иначе хозяйка будет бранить меня за лень! Скажет, я целыми днями ничего не делаю, а только болтаю с мужчинами!

Он было посторонился, я хотела пройти, но он схватил меня за руку, не побоялся испачкаться о ведро. Притянул к себе, склонился к моему лицу и зашептал:

Длань твоя в моей ладони,
Взор моим окован взором,
Я твоей владею волей
Сердце сетью уловляю.

Нет тебе покоя ночью,
Девы дни тоскою полны,
Коль меня любить не будешь
Доброй волей и навечно.

Как кора в костре сгорает,
Как солому ломит сила,
Сгинешь ты, погибель примешь,

В жажде жаркого желанья.

Струи рек в моря стремятся,
К Хрёду⁶ мчатся Фрейи мысли.
Не найдешь ни в чем удачи,
Не ответив Твегги воле.

Восплает лоб от жара,
Холод льда скует колени
На заре иль на закате,
Коль мою нарушишь волю...

Он и правда был гораздо сильнее, чем все они вместе взятые. Вся сила вселенной, которой он когда-то отдал себя, теперь пришла ему на помощь. При первых же словах его закликая на меня будто упали ледяные оковы; не только члены, но и мысли мои оказались скованы. Меня кружило вихрем, а я была легковесна и бессильна, будто сухая травинка. Могучий огонь одевал меня и сжигал волю, голова пылала, ноги стыли, а моя кровь устремилась куда-то в черноту, унося последние искры сознания.

От меня ничего не осталось – ведь я и есть воля к свободному росту, а его он пытался подавить своими чарами. Я сгорела, будто пучок сухой сломы, упала к его ногам кучкой черного пепла...

А когда я медленно поднялась и встала на колени, он отшатнулся и не сдержал крика.

Лицо мое стало бурым, как сгнившие листья, волосы – спутанными и пегими, а лицо покрыли морщины, глубокие, будто борозды, оставленные плугом на важной земле. Я сделалась старой, как сама Фьёргюн в последние дни осени. Больше он не хотел моей любви...

⁶ Хрёд, Твегги – имена Одина.

Часть вторая

Средний Мир, Восточное море

Наутро погода испортилась: поднялся ветер, натянул дождевые тучи, на море шло волнение. Снефрид знала причину: Сэмунд Коготь гневался на чужаков, которые потревожили его и высмеяли. Она лишь надеялась, сидя на корме Асвардова корабля и кутаясь с головой в толстый плащ, что дух успокоится, когда дерзкие чужаки уберутся с глаз. Хлёдвир она утром видела только мельком, пока завтракали, возвращались на Гостинный остров и готовились к отплытию; он ее вовсе не замечал, и она надеялась, что надолго отбила у него охоту к ней вязаться.

Волнение на море продолжалось весь день. Как и вчера, корабли двигались по проливам, то на веслах, то под парусом, между множеством довольно крупных населенных островов, где виднелись дерновые крыши домов, пасущиеся козы и овцы, рыбацьи лодки, сушилки и развешанные сети. Часть островов была необитаема, и только сосны сбегали к воде по гладкой бурой скале. Но вот миновали большой остров Мёя – невысокий, неровный, поросший деревьями и кустами поверх серовато-бурой каменной шкуры. На нем уже не было жилья, паслись только козы и овцы, привезенные туда с большой земли. За ним в восточном направлении показалось открытое море. Снефрид смотрела туда с волнением. Впереди, как сказал ей Асвард, лежала еще одна кучка «внешних» скал, где они проведут нынешнюю ночь, а после этого им предстоит настоящий суточный переход через открытое море.

Остались позади островки восточнее Мёи. Волнение было не сильным, однако у Снефрид захватывало дух от самой мысли, что они находятся так далеко от берега, в полной власти прихотливой Ран. В своих более ранних путешествиях по морю ей не случалось терять берег из вида, и теперь она осознавала, что просто плавать на корабле – это одно, а плавать, не имея перед глазами земли даже в отдалении – это совсем другое.

Но вот наконец, еще до вечера, показались рассеянные по сероватому волнистому полотну плоские скалистые островки. Среди серовато-бурого гладкого камня тускло зеленели клочки нанесенной ветрами земли, покрытые мхом и скудной травой, далее виднелись стайки сосен. Здесь не жил никто, кроме чаек. Тем не менее на одном из островов имелся довольно большой дом для проезжающих – без хозяев, совершенно пустой и порядком обветшавший под вечными ветрами. Был и причал, заметно покосившийся, так что мужчины снимали Снефрид и Мьёлль с корабля на руках.

Но вот они на каменном берегу. Ветер трепал волосы и одежду, и Снефрид была рада поскорее укрыться в доме, какой бы он ни был. Закрепив корабли у причала, люди Асварда принялись таскать в дом нужную для ночлега поклажу – спальные места, котлы, припасы, привезенную с Гусинога острова бочку воды. Здесь уже приходилось полагаться только на себя, на здешних островах можно было найти лишь топляк для костра да немного половить рыбы.

Внутри дом оказался еще более запущенным и неудобным. Здесь явно давно никто не бывал, отовсюду тянуло плесенью, крыша протекала в нескольких местах, прямо на земляном полу валялся всяческий мусор. Для Снефрид отыскиали самое сухое место, Мьёлль принялась устраивать для нее постель из привезенных с собой шкур и одеял. Стали разводить огонь, и в затхлом воздухе поплыл дым. Туда-сюда ходили люди Асварда, наступая друг на друга: одни хлопотали по хозяйству, другие устраивали себе места для сна.

Снова закутавшись в плащ, Снефрид вышла. Вокруг дома тоже кипела суэта: вся сотня человек с трех кораблей в доме поместиться не могла, половине предстояло ночевать снаружи, и теперь они раскладывали костер позади здания, где стены прикрывали от ветра, ставили шатры. Кто-то бродил вдоль берега, собирая топляк, и сносил к дому влажные, обгрызенные волнами обломки дерева. Здесь были по большей части коряги и стволы, смытые Норрстёмом с других островов и берегов Озера, но попадались и доски – надо думать, от разбитых кораб-

лей. Глянув на них, Снефрид содрогнулась. Она знала, что Асвард и его спутники уже не раз пересекали Восточное море, но с непривычки ей было страшно ему довериться.

Чтобы размяться после долгого сидения, она пошла вдоль берега. Остров был невелик, но увидеть его весь не получалось из-за возвышенной скалистой части. Снефрид хотелось получше осмотреться, взглянуть на море с высоты. Она пошла вокруг скал, отыскивая тропку на вершину и стараясь не наступить в лужи. Наверняка такая тропка есть, и на самом высоком месте островка всю ночь будут нести дозор. В такой дали от обитаемых мест существовала опасность встретиться с викингами, и торговым людям, даже идущим с большой дружиной, приходилось остерегаться.

Совсем недавно самым опасным из этих викингов был Эйрик. Любопытно, как все пойдет теперь, когда из угрозы он превратился в защиту отданных под его власть островов, берегов Озера, восточного побережья Свеаланда? Уменьшится опасность для торговцев или увеличится, когда на освободившееся место ринутся другие «морские конунги», помельче?

Ветер усиливался, серые волны сердито накатывали на берег, будто норовя облизать его весь своим широким холодным языком. Одним, другим, третьим, четвертым – бесконечно, пока скалы, сосны и песок не окажутся в ненасытной пасти морских великанш. Небо тоже посерело, затянутое тучами. Не случилось бы бури, с тревогой подумала Снефрид; ладно бы вчера, пока они были на Гусином острове, но застрять на несколько дней на этом голом камне совсем не хотелось.

Она шла вокруг скалы, поглядывая под ноги – на ракушки, камни, разные щепки, рыбы головы и кости, сухие и свежие водоросли, – сама не зная, что хочет здесь найти. Дома Снефрид жила на немалом удалении от моря и не видела его, пока Эйрик не увез ее к Бычьему заливу, и теперь море завораживало ее. В лицо летели капли воды – не то от волн, не то из серых туч. Снефрид засунула под чепчик выбитые ветром пряди. Стоило бы вернуться, но ей не хотелось в дымную и душную суету неуютного дома, набитого людьми – и так придется провести там всю ночь.

Пройдя еще немного, Снефрид обогнула скалу и с удивлением увидела впереди дом. Даже не сразу поняла, что это такое: невысокая бревенчатая хижина из стволов кривых здешних сосен, с замшелой дощатой крышей, с черной щелью оконца казалась не построенной, а выросшей здесь. Значит, остров все же обитаем? Ветер трепал сети, развешанные на просушку. Выходит, кто-то живет здесь, перебиваясь рыбной ловлей да, может, птичьими яйцами. Неудивительно, если от такой жизни в таком месте у здешних обитателей чешуя вырастает по всему телу. Отсюда и берутся рассказы о людях-тюленях...

Новый вихревой порыв ударил в лицо, и Снефрид покачнулась. А потом на голову обрушился ливень. Ахнув, Снефрид вспомнила, как далеко зашла – пока вернется в дом, промокнет до костей. Огляделась – нельзя ли укрыться поблизости под скалой? Может, этот дождь будет коротким.

И тут же ей бросилась в глаза человеческая фигура в дверях той хижины. Снефрид вздрогнула от неожиданности – несмотря на сети, хижина выглядела пустой, как будто ее обитатели ушли в море и вернутся не скоро. Однако на пороге стоял старик с длинной седой бородой и взмахами руки звал ее к себе. Показывал на небо – дождь, ты промокнешь! Наверное, ему лучше знать, как долго длятся такие дожди. Подхватив полы плаща, Снефрид бросилась бежать по важному песку. Старик отодвинулся от дверного проема, позволяя ей войти, и Снефрид впрыгнула в темноту хижины.

Потоки холодной воды, порывы ветра и шум непогоды остались позади. Старик закрыл дверь, воцарилась тишина. В обложенном камнем очаге на земляном полу горел яркий огонь, возле него сидела старуха с пряжей. Над огнем висел небольшой черный котелок, в нем что-то варилось – конечно, рыба, о чем говорил и запах, что еще здесь может быть?

– Я с тех кораблей... – задыхаясь после бега, начала Снефрид, хотя кроме как с кораблей, которые жители наверняка видели, ей было неоткуда взяться. – Привет и здоровья вам, добрые люди...

– Садись, обогрейся, – старуха показала ей место напротив. – Дождь кончится до темноты, ты успеешь вернуться, не намокнув.

– Спасибо вам, – Снефрид села и расправила полы плаща, чтобы просохли.

– Скоро будет готова похлебка, – старик заглянул в котелок. – Ты, известное дело, привыкла к каше и козьему сыру, но коз тут нечем кормить.

– Вы, должно быть, иногда вымениваете у проезжающих рыбу на хлеб?

– Бывает и так. Но вот видеть женщину, которая так свободно разгуливает по острову одна, нам еще не доводилось.

Старик сел напротив Снефрид и пристально взглянул на нее. Был он высок, плотен; темное, выдубленное ветрами лицо покрывали крупные глубокие морщины; на лбу и переносице они напоминали таинственные, никому на свете неведомые руны. Густые волосы и длинная борода походили на пепел догоревшего костра с остатками углей – в них смешались и белый, и все оттенки серого, и черный.

– Ты не похожа на невольницу, которую везут в Серкланд продавать. Откуда же ты здесь взялась?

– Я разыскиваю моего мужа. – Снефрид сложила руки на коленях и подумала, что ей, вероятно, еще сорок раз придется рассказать свою сагу; к концу путешествия она будет как знаменитые сказители, которых на праздники приглашают в богатые усадьбы и они способны повторять излюбленные сказания даже во сне. – Он отправился в странствия, и несколько лет у меня не было о нем никаких вестей...

Она стала говорить медленно, оценивая каждое слово. Ни к чему, пожалуй, и здесь спрашивать про Ода – едва ли он мог попасть на этот обломок скалы, оброненный великанами в море.

– Но потом я узнала, что он решил поселиться в далекой стране на Восточном Пути, и отправилась к нему.

– Так значит, ты встала на путь Фрейи?

Ну вот. Видно, избежать этого невозможно: услышав, что одинокая женщина ищет по свету мужа, всякий сразу думает о Фрейе.

– Я не хотела этого! – вырвалось у Снефрид; она вовсе не желала, чтобы ей и здесь стали воздавать почести, как богине. – У меня не было иного выбора – в родном краю я лишилась всего, меня преследовали недруги и еще более опасные люди, и мне пришлось бежать оттуда... Я едва не погибла...

– Отчего же не было? Ты могла всего этого не делать. За твоим мужем остался большой долг, но пока он жив, никто не мог спрашивать этих денег с тебя. Ты могла объявить о разводе с ним, выйти за другого, и никто не посмел бы больше тебя беспокоить. Ты была бы состоятельной хозяйкой, муж любил бы тебя, соседи уважали, и на всю жизнь уделом твоим стали бы покой и достаток. Что тебе помешало?

Старик наклонился вперед, через полутьму хижины вглядываясь в лицо Снефрид ясными, как серебро, пронизательными глазами. А Снефрид сидела застыв, будто скованная чарами. Да, она изрядно прославилась в округе Лебяжий Камень, но как вести о ее делах могли дойти сюда, за множество переходов?

– Но раз уж ты не хотела столь заурадной доли, – продолжал старик, – а искала славы и богатства, что мешало тебе выйти за Эйрика Берсерка? Он – человек слова, он взял бы тебя в жены и сделал королевой над частью Свеаланда, а потом, быть может, и во всей стране. Зачем ты от него ушла?

– От-куда ты знаешь? – с трудом подавляя дрожь, едва не стуча зубами, выговорила Снефрид.

О ее делах с Эйриком могло быть известно в вике Бьёрко, откуда остров Алсну хорошо видно. Но здесь, через два дня пути, к тому же в такое время, когда корабли не ходили? С тех пор как Эйрик предложил ей обручиться – в тиши спального чулана, за прочно запертой дверью, – ни один корабль еще из Озера на восток не ушел! Асвард и его люди – первые. Да и на Алсну Снефрид и Эйрик ни одному человеку не рассказывали о той своей беседе.

От изумления у Снефрид закружилась голова.

– Мне рассказал мой сын, – невозмутимо, с легкой усмешкой на бледных губах ответил старик.

– Сын? Кто же твой сын – всезнающий мудрец Мимир?

– Нет. Да вон они, мои сыновья, – старик кивнул в угол. – Хравн Белый и Хравн Черный.

– Они родились одновременно, вот мы и дали им одно имя на двоих, – добавила старуха.

На первый взгляд, когда Снефрид только вошла, хижина показалась ей совсем тесной, пригодной не более чем для двоих жильцов. Теперь же, когда глаза ее привыкли к свету огня, хижина оказалась больше. И кроме старика со старухой в ней обнаружили еще люди – на спальном помосте напротив Снефрид, дальше от двери, сидели два парня и дружелюбно улыбались ей.

Снефрид вздрогнула. Как она могла сразу их не заметить? Двое молодых мужчин – не серые козлята, которых не заметишь под лавкой, пока не начнут шевелиться. Парни были очень похожи и весьма хороши собой – красивые открытые лица, блестящие глаза, – только у одного волосы и борода были темными, а у другого совсем светлыми.

– Каждую ночь я отпускаю их побродить по свету, и они узнают много любопытного, – продолжал старик. – И как Эйрик предлагал тебе обручиться, они тоже слышали. Правда, Хравн Черный?

– Это правда, – немного смущенно улыбаясь – его уличили в подслушивании, – ответил тот, что с темными волосами. – Эйрик сказал, что, мол, может, вам стоит обручиться, чтобы он мог оберегать тебя и не допускать, чтобы ты подвергалась опасности. А ты ответила, что, мол, не нужно, потому что у тебя есть настоящий муж и ты должна отыскать его.

– А потом еще раз, – вступил в беседу второй сын, светловолосый, – Эйрик сказал, что глупо уезжать за море, когда здесь все наладилось и вам досталась половина страны. А ты сказала, что теперь, когда все наладилось, ты больше не нужна ему и можешь следовать за своей судьбой.

– Потому что раз уж норн приговор таков, что тебе придется бежать до самого Утгарда, то нужно выполнять, – подхватил темноволосый. – Судьба все равно заставит выполнить то, что было врезано в кору Ясеня, и если противиться, то она возьмет с тебя более высокую цену...

– Ты врешь, этого она не говорила! – Светловолосый толкнул его в плечо. – Это ей говорила тетка, еще давно, пока она жила дома и тетка только уговаривала ее принять жезл вёльвы!

– Нет, она говорила! – Хравн Черный повернулся к брату. – Говорила, что должна бежать до Утгарда, где замок встретится с ключом, а иначе ей не будет счастья, и она еще принесет несчастье всему Свеаланду, заделавшись его королевой, но не исполнив собственной судьбы!

– Этого я не говорила! – закричала Снефрид, видя, что братья уже вовсю пихают друг друга и вот-вот подерутся. – Но может, это и правда...

– Хватит, горлопаны! – Старик привстал и пригрозил пристыженным сыновьям. – Раскричались! Уже стемнело, вам пора! Отправляйтесь.

– Но еще ведь... – начал Хравн Белый, глянув за оконце.

– И там дождь! – жалобно подхватил Хравн Черный.

– Теперь ничего не происходит особенного, Бьёрн и Эйрик больше не сражаются, нам негде...

– Ступайте, я сказал! – Старик прервал их, гневно нахмурившись.

Оба парня встали, Хравн Черный потянул было свою рубаху с плеч, но брат толкнул его и показал на Снефрид. Оба молча вышли. У порога Хравн Черный обернулся, приветливо кивнул Снефрид и даже подмигнул.

Дверь за ними закрылась. Очень скоро из оконца донеслось хлопанье крыльев, хриплый вороний крик...

Старуха вышла наружу и сразу вернулась, неся охапку одежды...

У Снефрид гудела голова, отказываясь понимать увиденное. Билась одна мысль: лучше убраться отсюда побыстрее. Если уже ночь, ей давно пора к своим. Асвард, Лейви, Мьёлль и Лунан – все давно заметили, что она исчезла, и пошли ее искать. Вот-вот кто-нибудь из них войдет – больше на всем острове ее негде скрыться, кроме этой хижины, – но лучше ей самой вернуться к дружине. Даже если дождь еще идет, лучше добежать и просушиться в доме, наверное, огонь уже развели как следует...

И едва она вдохнула, собираясь поблагодарить и попрощаться, как снаружи послышался шум. Кто-то уже идет!

Без стука отворилась дверь, но вместо Асварда или кого-то из его людей Снефрид увидела двоих совершенно незнакомых молодых мужчин.

Эти двое были повыше ростом и лет на пять-семь постарше тех, что ушли, однако такие же худощавые и мускулистые. Разглядеть их сложение удалось без труда – на них не было вовсе никакой одежды, на обнаженные плечи наброшены волчьи шкуры. Довольно густые русые волосы на груди и ниже, странные, нечеловеческие лица, застывшие резкие черты, неподвижные взгляды. Волосы длинные, распущенные и спутанные. Оба тяжело дышали, явно были уставшими, на коже блестели капли воды.

Конечно, за два дня Снефрид не сумела запомнить даже тех людей Асварда, что плыли с ней на одном корабле, но эти двое явно были другой породы. Такой, с которой лучше вовсе не встречаться.

– А вот и вы! – Старуха поднялась навстречу вошедшим. – Устали, бедные. В такую погоду только и бегать по свету! Нет бы ты, старик, хоть раз дал им спокойно посидеть дома! Зимой и летом приходится им все ноги стирать в кровь ради твоего любопытства!

– Ничего! – Старик ухмыльнулся. – Здравее будут.

Снефрид сидела застыв, едва смея дышать. Она плохо понимала, где находится и тот ли безымянный остров лежит за оконцем, на который она прибыла с людьми Асварда. Она догадывалась, кем может быть этот старик, его старуха, их сыновья – все четверо. Но эти догадки бродили где-то в дальних углах головы, на опушке сознания, не давая мыслям проявиться. Она не испытывала страха, а скорее неуверенность, понимание, что нужно быть очень-очень осторожной и внимательной. Эта встреча – из тех, где одно-единственное слово может всю жизнь человека повернуть к счастью или несчастью. Но если к старику и старухе она притерпелась – поначалу те выглядели такими безобидными! – то эти двое были очень опасны, и это бросалось в глаза. Не хотелось, чтобы они ее заметили, хотя они, разумеется, заметили чужую женщину в своем доме сразу. Не зря они так дергают носами, хотя и не глядят на нее.

– Ульв Белый и Ульв Черный! – пояснил для нее старик.

Видно, и эти родились одновременно. Два новых сына подошли к лохани и стали умываться, сбросив шкуры на пол. Старуха поливала им из кувшина, потом дала пить. Пили они жадно, проливая на грудь, тяжело дыша, и в этом дыхании слышался хриплый рык.

– Идите оденьтесь, – старуха подтолкнула их куда-то в угол. – У нас женщина в гостях.

Оба Ульва отошли, потом вернулись к огню, одетые как люди. Снефрид мельком подумала, не те ли штаны и рубахи они надели, которые остались после Хравна с братом. Если пары братьев носят одежду по очереди, то двух рубах хватит на всех четверых.

Старуха указала этим двоим на места возле очага:

– Садитесь, еда готова!

Над очагом обнаружилась баранья туша, уже поджаренная. По всему дому плыл запах жареного мяса, и Снефрид ощутила, как сильно проголодалась – после завтрака на Гусином острове она среди дня поела только хлеба с водой, но казалось, что это было лет десять назад. Однако к этой бараньей туше ее ничуть не тянуло. Она могла бы поклясться чем угодно, что когда она вошла, никакой туши над очагом не было, и у нее на глазах старик не резал и не свеживал барана. Поешь такого мяса, а потом живот разорвет, и оттуда вывалятся мох и камни.

Старуха тем временем заботливо угощала усталых сыновей. Старик отрезал им по огромному куску, они хватали горячее мясо руками и вгрызались, не пользуясь ножом или блюдом. Обглоданные кости бросали в черную шкуру, разложенную на полу у них под ногами. Снефрид старалась на них не смотреть: в их жадном насыщении было нечто нечеловеческое. Не попадись им баран – и тебя съедят, даже жарить не станут... Глядя на это, Снефрид не смела подать голос и напомнить, что ей пора идти.

– Ну, рассказывайте, что повидали? – спросил старик, когда эти двое насытились и обглоданные кости уже не так часто падали в шкуру. – Ты, Ульв Белый?

Снефрид заметила, что эти двое тоже, как и первые, были похожи, но не совсем одинаковы: у одного темно-русые волосы и темно-серые глаза, у другого волосы светлее, а глаза скорее зеленые.

– Сейчас уже любопытного не много, отец, – хрипло заговорил зеленоглазый. – Люди, что собирались в войско, все разъезжаются по домам. Поживы нам больше не будет.

– На осенние пиры назначена свадьба Бьёрна Молодого, – таким же хриплым голосом подхватил другой. – А в конце зимы у него родится сын. Говорят, станет великим мужем.

– Тебе должно быть это любопытно, – старик взглянул на Снефрид. – Ты ведь знаешь Бьёрна Молодого?

Оба парня при этом тоже глянули на Снефрид, и ее передернуло под этими взглядами – острыми, пристальными, пронзающими насквозь.

– Но кто может знать, что он вырастет великим мужем, когда дитя даже еще не шевелится в утробе? – ответила она. – Лишь когда оно родится, норны нарекут ему судьбу...

– А откуда норны знают, какую судьбу ему наречь? – возразил старик. – Кто им подсказывает? Чью волю они оглашают?

Снефрид задумалась.

– Фрейя? – осторожно предположила она. – Ведь она – Великая Диса, владычица норн... Оба парня дружно хмыкнули.

– Нет, – сказал старик, как будто недовольный. – Пока в мире правили ваны, в нем ничего не менялось. Женщины рожали детей от кого попало, эти дети тоже рожали детей, подростки уходили в лес, добывали волчью шкуру и возвращались, чтобы тоже рожать детей. Твоя Фрейя только и знала, что учить мужчин и женщин похоти, лишь бы рождалось как можно больше детей, у кого попало от кого попало. И так оно шло бы до самого Затмения, если бы не появились три вешние девы и не принесли людям *судьбу*. Нечто такое, что только твое. Такое, чего нужно достигать всю жизнь, а не один раз. Пока не пришли асы и не научили мужчин быть героями, а женщин – восхищаться героями. Великую судьбу может дать только Один...

– Но ты не прав! – от возмущения Снефрид даже забыла свое решение быть осторожной. – Фрейя сама любит *одного* человека! Одного, того, кто ей дороже всех на свете! Для похоти годится кто угодно, но она уже сколько лет ищет одного-единственного, кто мог сделать ее счастливой!

– Потому что мудрые асы даже ее научили *любви*! – ответила ей старуха.

Пока сыновья ели, старуха вновь принялась за пряжу, и Снефрид вдруг заметила, что никакой кудели на палке у хозяйки нет, а нить она вытягивает из оконца, прямо из серой дождевой хмари.

– Но она страдает!

– Она была счастлива и надеется быть счастливой вновь. У нее появился *путь*.

– Но хоть когда-нибудь она найдет Ода? – в волнении воскликнула Снефрид, в безумной надежде разрешить одну из самых важных тайн божественной судьбы. – Она будет счастлива вновь?

– А почему ты так за нее волнуешься? – хмыкнул старик, и оба его сына тоже ухмыльнулись, глядя на Снефрид с выражением насмешливого одобрения; ей показалось, что одобряют ее как годную добычу, и она в досаде отвела от них взгляд. – Зачем тебе идти по ее следу, ты же разумная женщина, умеющая управлять своими желаниями. Ты получила ценнейший дар – дух Одина-Бурого, и он уже тебе пригодился. Забудь эту безумную сучку! Возвращайся на Алсну. Эйрик будет тебе очень рад, и на тех же осенних пирах вы справите свадьбу. Ты станешь королевой! А уж мы... твои друзья позаботятся о том, чтобы тебе и Эйрику всегда сопутствовали удача, победа, богатство, слава и счастье!

Снефрид молчала, глубоко дыша, охваченная смятением. Старик говорил так, будто у нее нет другого настоящего пути, кроме того, который он указал. Остальное, что она там себе навдумывала – дурной путаный сон. Ульвар? Меренланд на Восточном Пути? Пересечь море в поисках того, кто покинул ее много лет назад? Да как еще туда добраться? Ждет ли ее Ульвар? Нужна ли она ему? И что он может ей дать – уж точно не больше, чем королевская усадьба! Да она сошла с ума, что пустилась в эту дорогу!

– Я была бы бесчестной женщиной, если бы, имея живого мужа, который ничем меня не оскорбил, вышла бы за другого, – ответила она наконец. – Я даже не могу объявить о разводе, потому что у меня нет больше той лежанки, порога дома и двора усадьбы, где мы жили. Мне суждено искать прежнего мужа, а не заводить новых.

– Муж тебя ждет? – недоверчиво переспросил старик. – Ничем тебя не оскорбил? Ну-ну. Он разве *приглашал* тебя к нему приехать?

– Нет, – почти прошептала Снефрид. – Но он же не мог думать, что я отважусь на такое путешествие, что сам Эйрик Берсерк найдет мне попутчиков, которым можно доверять, и даст шестерых хирдманов, которые уже бывали на Восточном Пути. Но он будет рад, я уверена...

– Фрейя слишком прочно завладела ею, – хрипло сказал один из сыновей, кажется, Ульв Черный.

– А как ты думаешь – разве Од просил Фрейю искать его? – спросил старик. – Будет ли он рад, если она его найдет?

– Если бы хотел, сам бы давно ее нашел, – вставил Ульв Белый.

– Но, может, он попал в беду...

– Может, и попал. – Старик так пристально смотрел на Снефрид, что она усомнилась, об Оде он говорит или об Ульваре, но спросить не посмела. – Но и она могла бы никуда не ходить. Кто ее гонит? Могла бы спокойно сидеть у очага, – он кивнул на старуху, – прясть да ждать сыновей вечером домой...

Снефрид невольно взглянула на старуху, а та – на нее; в отблесках огня Снефрид заметила, какие черные у той глаза... и стало жутко от этой малоподвижной фигуры, такой обыденной... жутко и душно.

С кем она вообще разговаривает – о делах, о которых никто, кроме нее, не может знать? Со своими тайными мыслями?

– Но я не могу вернуться к Эйрику, – растерянно ответила она. – Асвард едет на восток, и мне...

– Да Фенрир с ним, с Асвардом! Пусть он плывет своей дорогой. Побудь пока у нас, мои сыновья тебя развлекут... беседой. А там, вот увидишь, не пройдет и дня, как сюда причалит корабль, идущий прямо в Бьёрко. Я уж устрою, что тебя возьмут на него и доставят с почетом, будто ты уже королева.

Зачем этот старик, кто бы он ни был, пытается ее смутить? Не просто вернуть к Эйрику, а сбить с пути? Истинного пути, ведущего к истинной ее судьбе?

«Не потеряй своего пути... – вспомнился ей печальный голос, и взгляд разноцветных глаз, голубого и черного. – Я сама пойду за тобой следом, и если ты найдешь свою любовь, ты поможешь мне найти и мою. И в девяти мирах под кроной Ясенья станет чуть больше счастья...»

Мало ли чего этот старик наговорил! Так или иначе, но Фрейя ищет свою любовь, единственную, способную дать ей счастье. Она нуждается в помощи Снеффрид, и в этом нет ничего удивительного – сила любого бога иссякнет, если люди не будут силой своих душ подкреплять его на пути. Бог исчезнет, если не останется никого, способного его понять. А вместе с Фрейей исчезнет любовь – та сила, что способна вести за моря...

– Спасибо, что дали мне переждать непогоду, – Снеффрид встала с места. – Но теперь мне пора идти, мои спутники, надо думать, давно уже меня ищут.

Она поклонилась хозяевам и направилась к двери. Старуха встала, оставив веретено, и последовала за нею.

Снаружи, к удивлению Снеффрид, еще не было темно, а наоборот, небо прояснилось и посветлело. Видно, старуха обратила в пряжу все тучи, вот небо и очистилось, мельком подумала Снеффрид.

– Фрейя – она бывает разная, – сказала старуха за спиной у Снеффрид, пока та выходила за порог. – Она бывает юной девой, избегающей воинов – всех воинов, – и оберегающей свою чистоту, и тогда ее зовут Гевьюн. Ни за что, говорит она, я не прикоснусь ни к одному *воину*, если меня не принудят силой. Фрейя бывает молодой женой, обезумевшей от страсти, и тогда ей нет покоя – она готова идти за моря, лишь бы снова получить своего воина в объятия. Когда же мужчина укротит ее, она садится к очагу прясть, покорная его воле, кормит его детей, и тогда ее имя – Фригг. Тогда она если и идет мужу наперекор, то лишь тайком, используя хитрость. Той же завладела неистовая Фрейя, влюбленная Фрейя, и, видно, не отпустит, пока страсть ее не будет удовлетворена.

Снеффрид обернулась, дрожа. Старуха смотрела на нее без всякого выражения, ее глаза и при свете дня были черными, а в морщинистом лице мелькало... некое сходство, от которого на Снеффрид накатила жуть.

– Возьми, – старуха сунула ей в руку что-то круглое, гладкое, довольно плоское. – Тебе пригодится. И ступай отсюда. А то знаешь, волки ловят овечек, не спрашивая, хотят ли те быть пойманными.

– Спасибо, милая матушка, – пробормотала Снеффрид, сжав кулак и даже не поглядев, что ей дали.

– Ступай, я пока постерегу их.

Старуха плотно закрыла дверь хижины и привалилась к ней спиной. А Снеффрид торопливо пустилась бежать к скалам, придерживая полы плаща, чтобы не путались под ногами.

– И помни! – раздался за спиной крик старухи. – Они найдут твой след – на земле, на море, на небе.

Было еще светло, однако Снеффрид одолевал дикий страх, что она заблудилась на этом голом острове, что она обогнет скалу и не увидит никакого гостевого дома, ни кораблей, ни покосившегося причала, ни людей Асварда... Что она так и будет бегать вокруг острова, круг за кругом, пока не лишится сил и не рухнет на камни, но больше не найдет оставленных спутников... Что они уплыли отсюда три года назад, так и не дождавшись ее, потому что эту хижину не видел никто, кроме нее... Что эти силы, которые были так добры и сдержанны с нею, вырвутся наружу в другом, грозном облике и поглотят ее – она ведь перед ними не более пушинки... Что волки помчатся по следу и настигнут ее в три прыжка...

Но вот она обогнула скалу и с облегчением увидела гостевой дом, корабли и людей. Ничего не изменилось: кто-то собирал топляк, кто-то ставил шатры, причем за время ее отсут-

ствия работа особенно не продвинулась. Стараясь держаться как обычно, Снефрид вошла в дом. Ей попался Асвард, но вовсе не хотелось спрашивать у него, что за старик живет на острове. Скорее всего он скажет, что ни единого человека, никаких хижин тут нет.

Зато Мьёлль не потратила времени даром и уже соорудила для Снефрид лежанку из овчин. Огонь разгорелся, и Снефрид, сев к нему поближе, поняла, что очень замерзла, будто вовсе и не сидела в хижине у горящего очага.

Только сейчас она осознала, что сжимает в кулаке подарок старухи. Осторожно разогнула пальцы. На ладони ее лежал круглый, почти плоский камень. Цвета он был, сколько она могла разглядеть при огне, красновато-бурого, с одной стороны чуть сужался, а с другой имел небольшую плавную выемку. И для камня он был слишком легким, но что это, Снефрид не поняла сразу.

«Это дивокамень, – сама собой явилась мысль. – Твоей тетки, только ты не догадалась его взять из ее ларя».

– Что у тебя там – нашла на берегу? – Кетиль Пожар вытянул шею, заглядывая к ней в ладонь.

– Да, нашла... камень красивый... – пробормотала Снефрид.

– Давай, шевелись, Орм, сейчас дождь хлынет! – кричал кто-то кому-то возле дома. – Сам будешь весь мокрый спать!

Значит, здесь дождь не шел, отметила Снефрид. А в сотне шагов отсюда – лил стеной.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Что же это было? К кому она попала, с кем говорила? Не приснился ли ей этот старик, так много о ней знающий, и его старуха, и две пары сыновей – два Хравна и два Ульва?

Но дивокамень по-прежнему лежал у нее в ладони, она ощущала его гладкую прохладу, способную умирять страдания и оберегать жизнь. Говорят, из дивокаменей и составлено то знаменитое ожерелье Фрейи. Значит, старуха, кто бы она ни была, желает ей удачи на пути неистово влюбленной Фрейи...

* * *

– Э, да это ворон!

Услышав над собой хриплый, усталый голос Асварда, Снефрид подняла тяжелую голову. Все тело затекло. Долгую ночь она пыталась спать сидя, скорчившись на своем месте ниже сидения кормчего на корме и привалившись к Мьёлль. Давным-давно рассвело, но это не означало наступления утра; глаза слипались, виски ломило, все суставы болели, и к тому же перед рассветом сильно похолодало. Разве что волнение на море улеглось, но на смену ему явился густой туман. Холодный, промозглый, он залезал под толстый плащ и чепчик, кончик носа у Снефрид застыл, руки и ноги оледенели. Но даже подвигаться в тесноте корабля было нельзя, приходилось терпеть, сжавшись в комок.

Вчерашним ранним утром три Асвардовых корабля покинули безымянный островок, который Снефрид про себя называла островом Старика. Чтобы не потерять дивокамень, она в тот же вечер при помощи льняного лоскута пришила его к своему запасному поясу, сотканному из простой белой шерсти, и спрятала в ларь. О своем приключении она не обмолвилась ни словом. Утром она отважилась, пока вещи переносили из гостевого дома к кораблям, снова дойти до скалы; разумеется, никакой хижины из кривоватых сосновых стволов на другой стороне острова не оказалось. Окажись она там, Снефрид удивилась бы сильнее. Исчезновение же хижины со всеми шестью обитателями подкрепило и догадки Снефрид, и намерение помалкивать об этом.

Когда отходили от Старикова острова, дул попутный ветер, а волны были такой величины, что на большом корабле, как Асвардов «Соболь», их можно было не замечать. Пред-

стоял долгий переход через открытое море, когда до наступления ночи не получится достичь суши. Ближайшие острова в восточном направлении лежали вблизи противоположного берега, и увидеть их предстояло лишь на рассвете следующего дня, когда открытое море останется позади.

Сам дневной переход прошел без происшествий, кроме того что Снефрид впервые увидела, как на корабле готовят пищу. Обычно горячую кашу или похлебку мореходы ели только утром и вечером, на стоянках, среди дня довольствуясь хлебом, сыром, вяленым мясом, которое можно жевать сколь угодно долго, но в суточном переходе Асвард велел сварить похлебку из крупы и солонины, и Снефрид с Мьёлль сами занялись этим – им все равно было больше нечего делать. Для этого люди Асварда сначала вынули одну из палубных досок близ мачты. Потом на мачту установили палку с рогулькой (рогулька надевалась на мачту) – палка называлась «выстрел». Ее дальний от мачты конец прикрепили веревками тоже к мачте, а боковыми оттяжками – к бортам, чтобы не вращалась. К палке-«выстрелу» подвесили большущий железный котел и в нем развели огонь. А над этим котлом подвесили другой котел, поменьше, и уже в нем кипятили воду. Искры и стреляющие угольки через отверстие от вынутой доски летели в трюм, где вечная сырость мешала им наделать пожара. Туда же свесил ноги сидевший возле «выстрела» Лунан, следивший за костром. Снефрид восхищалась хитростью и в то же время простотой этого приспособления, а среди целого дня на морском ветру горячая похлебка была очень кстати.

Потушив огонь, угли выбросили за левый борт, приспособление разобрали, его части убрали обратно в трюм. Вечером подкрепились хлебом, сыром и водой. Асвард стремился за долгий день середины лета пройти как можно больший участок пути, поэтому корабль шел, пока было что-то видно, и даже потом, когда стемнело и выглянули звезды. В темноте усталая Снефрид наконец задремала.

Когда она проснулась, корабль стоял, а вокруг был густой туман. В темноте ветер стих, нельзя было даже оглядеться, и Асвард, как обычно здесь бывало, переждал до рассвета. Корабль стоял на якоре, люди, кроме нескольких дозорных, спали на палубе и между скамьями, положив головы на свои мешки и друг на друга, укутавшись в толстые плащи.

В полудреме Снефрид показалось, что она слышит хриплый птичий крик. Вон он раздался снова. Моргая, Снефрид обернулась на звук.

– Вон там, – шепло проговорил у нее над головой Асвард.

Снефрид посмотрела на него: усталый, невыспавшийся, с его темными длинными волосами и бородой, он сам напоминал ворона. Морщины стали глубже, под глазами набухли мешки.

Перед мачтой мелькнула крылатая тень, и Снефрид ахнула. Вырвавшись из тумана, ворон присел на борт в нескольких шагах от нее. Крупная птица, угольно-черная, гладкая, поводила головой, глядя на Снефрид то одним круглым и блестящим, как мокрый камешек, глазком, потом другим. Ворон снова поднялся в воздух, сделал круг над палубой и устремился вперед. Из тумана донесся крик.

– Ворон! – подтвердил Хамаль Берег, моргая спросонья: они с Лейви дремали на ближайших к корме скамьях. – Выходит, земля уже где-то близко.

– Похоже, он нас зовет за собой, – пробормотал Асвард. – Эй, ребята, просыпаемся! Дойдем до берега, там поспим.

Взяв из-под своего сидения рог, Асвард затрубил. Люди стали просыпаться, толкать и будить соседей, подниматься. Асвард затрубил снова, из тумана ему ответили два других корабля. Ворон вился возле переднего штевня, иногда присаживался на резную звериную голову, дожидаясь, пока люди придут в себя и возьмутся за весла. Всем хотелось поскорее оказаться на твердой земле, развести огонь, обогреться, приготовить еды, а потом уж поспать в шатрах или просто на подстилках у костра, главное, вытянувшись на воле.

– Поднять якорь! – крикнул Асвард, потом, пока люди тянули трос, взглянул на Снефрид: – Уж не сам ли Один прислал нам эту птичку?

– Может, и так, – стуча зубами, согласилась она.

И подумала: после той встречи есть ли у нее право ждать благосклонности Отца Богов? Вроде бы она с ним не поссорилась, хоть и не приняла его совета возвращаться. Какое ему, казалось бы, дело до жены какого-то разорившегося торговца, доберется она к нему за море или нет? Однако кто знает, чего Всеотец хочет на самом деле? Только он сам, больше никто.

– Якорь чист! – крикнули спереди.

Поднятый якорь закрепили тросами на борту, люди взялись за весла. Ветра не было, туман стоял стеной, но из него то и дело доносился крик ворона, и Асвард правил, следуя за ним. У Снефрид обрывалось сердце от волнения: посланец Одина вел корабли через туман, а в таких случаях за стеной тумана всегда ждет путников нечто необычное. Куда они причалят? Прямо к Асгарду?

Но вот подул ветер, туман стал редеть. И стало видно, что земля уже близко – синеватая полоса низкого, плоского берега.

– Вот он, Дневной остров, – сказал у нее над головой Асвард. – Вот мы и переправились через море, хвала Эгиру, Ран и Ньёрду!

Снефрид окинула взглядом посветлевшее небо, но ворона нигде не увидела.

* * *

Остров Дагэй – Дневной остров, или остров Дня – назывался так потому, что лежал в полном суточном переходе от Готланда или от крайних скал перед входом в Озеро. Был он весьма велик – глазом не окинуть, – но заселен мало. Возможно, люди опасались здесь селиться именно потому, что остров лежал прямо на оживленном морском пути, и все корабли, идущие из Северных Стран на Восточный Путь или в обратном направлении, останавливались здесь, и для любого «морского конунга» эти места оказались бы легкой добычей.

– Южнее находится Эйстланд, – рассказывал Асвард еще вчера, по пути, – примерно в роздыхе отсюда лежит огромный остров, Эйсюсла, он плотно населен эйстами, но на Дневной они пока не суются.

– Это мирный народ?

– Да я не сказал бы. Когда как. На наше счастье, у эйстов нет никаких конунгов, у них каждым селением правят свои хёвдинги. Но их власть не наследственная – кто сумеет внушить к себе уважение, тот и хёвдинг. Наши конунги издавна заходили сюда, когда отправлялись воевать на Восточный Путь. Слышала про Ингвара сына Эйстейна? Он был очень воинственный человек, воевал и с данами, и на Восточном Пути. Когда ему удалось с данами заключить мир, он пошел сюда на многих кораблях. У эйстов своих кораблей нет, но они собрали огромное пешее войско и встретили его там, южнее, на Эйсюсле у берега. Состоялась битва, и Ингвар был разбит, он сам погиб. Говорят, эйстов все же удалось отогнать, люди Ингвара собрали тела и похоронили на двух кораблях: на одном конунга с его приближенными, а на другом всех остальных, человек сорок или пятьдесят. Насыпали два кургана. Думаю, они и сейчас там стоят. А сын его, Анунд, потом тоже собрал войско, и ему больше повезло – он напал на Адальсюслу, то есть на саму землю эйстов, она лежит еще южнее этих островов. Там он разбил их, разграбил землю, взял большую добычу и с нею вернулся назад.

– Так что же – у нас с ними война? – Снефрид в испуге задрала голову, чтобы на него посмотреть. – Не опасно ли туда плыть?

– Это было давно, лет двести назад, – успокоил ее Асвард. – Инглингов-то уже нет.

– Потомки Бьёрна Железнобокого связаны с Инглингами по женской ветви. Поэтому они сохранили кое-какие их имена. Анунд, к примеру.

Снефрид подавил вздох, вспомнив задорного красавца Анунда, погибшего хоть и славной, но слишком ранней смертью.

– Опасно ли туда плыть, знает только Один, – добавил Асвард. – Эйсты – народ весьма воинственный, и не угадаешь заранее, когда у них найдется какой-нибудь вождь, который пожелает разбогатеть и прославиться, напад на торговые корабли. Поэтому мы и ходим сюда большими дружинами.

– Если, на наше несчастье, какой-нибудь «морской конунг» пошалил здесь незадолго до нашего прибытия, то они вполне могут попытаться отомстить нам, – сказал Лейви Рокот.

Лейви и пятеро его товарищей, отправленных Эйриком охранять Снефрид в пути, получали плату и от него, и от Асварда как гребцы, поэтому поездка для них выдалась очень выгодной.

Первый же взгляд на берег сказал Снефрид – она пересекала море, здесь все по-другому. На северном побережье имелось несколько высоких скалистых участков с обрывами белого известняка, но по большей части Дневной остров был низким и плоским, совсем не похожим на привычные ей серовато-бурые скалы Озера, по крутым обрывам которых сосны и домики карабкались на изрядную высоту. Асвард провел корабль в обход острова, на восточную сторону: останавливаться было предпочтительнее под ветер, чтобы при отходе ветер был попутным.

На восточной стороне имелось немало удобных бухт, и в них тоже стояли гостевые дома, а далее, за лиственным лесом, лежали кое-какие хутора, тоже, как он сказал, принадлежавшие людям северного языка. Корабли встали у причала, перекинули сходни, и Снефрид сошла на землю – с таким чувством, будто вступает в новый мир. Казалось, здесь, за морем, даже земля под ногами должна быть какой-то иной. Однако, глядя, как спокойно сходят с кораблей мужчины и тут же отходят в сторонку справить нужду, она улыбнулась своему волнению: Лейви и его товарищи, Асвард и его фелаги, а еще сотни людей, которых она не знает, проделывали этот путь много раз, иные – каждое лето, и для них тут нет никакого иного мира. Такое же небо, облака, чайки, морская вода, трава и кусты...

Да и сами они с Мьёлль, сойдя на серовато-белый известняковый берег, первым делом пустились бегом к ближайшим зарослям. Мужчинам хорошо: они справляют нужду прямо с борта (в особо важных случаях обвязавшись тросом, который крепят к противоположному борту), а женщинам приходилось пользоваться ведром, которое потом выливалось за левый борт. Движение подбодрило Снефрид, кровь быстрее побежала по жилам, стало теплее, и она разжала онемевшие руки, выпуская полы плаща, в который куталась с вечера.

Когда Снефрид вернулась к кораблям, еще больше приободрившись, люди Асварда и его фелагов уже переносили вещи на берег. Гостевые дома оказались заняты – кроме ходивших через море, здесь хватало и других торговцев, местных. Люди Асварда раскинули стан на берегу, среди множества старых кострищ, по сторонам устраивались люди Хлёдвир и Кетилия. Хлёдвир подошел, обменялся парой слов с Асвардом, но Снефрид скользнул равнодушным взглядом, будто не заметил. Видно, все еще не знал, как обходиться с нею после случая на Гусином острове: не то злился, не то опасался. Неважно – лишь бы держался поодаль. Возможно, он впервые в жизни наткнулся у женщины на отпор, которому не мог ничего противопоставить.

Встало солнце, заиграло блеском на поверхности моря, лес в отдалении запестрел оттенками зелени, и на душе повеселело. Повесело теплом, сменившим утреннюю прохладу. «Я за морем!» – твердила себе Снефрид, оглядываясь, и сама не верила. Она пересекала Восточное море! И хотя до конца водного пути было еще далеко – предстояло проплыть на восток вдвое больше, чем они уже проплыли от самого причала Бьёрко, а путь через Гарды в Меренланд и вовсе терялся в тумане у границ Утгарда, Снефрид постепенно начинала верить, что все это можно осуществить не в мечтах, а наяву. Если это удалось Ульвару, почему не может удалиться ей?

Для Снефрид поставили шатер, Мьёлль устроила ей постель, и она, погревшись у костра, наконец-то легла отдохнуть. Улегшись на овчины в шатре, поворочалась – лежать было жестко, – но расправить усталые члены и расслабить мышцы уже было наслаждением, и она заснула почти мгновенно. В последний миг ей вспомнился ворон в туманном море, но и это показалось добрым знаком. Один ничего не делает просто так – может быть, хотел намекнуть, что будет о ней заботиться? Ведь как Эйрик – «человек Одина», так и она, принявшая дух Одина-Бурого, тоже теперь принадлежит Отцу Ратей. Хотя о «женщинах Одина» ей ранее слышать не доводилось...

Где-то в глубоком полусне ее охватило странное ощущение: казалось, что рядом, прижавшись к ней, кто-то лежит и даже обнимает ее. Вероятно, мужчина – ей так показалось. Открыть глаза она не могла: веки были налиты тяжестью, но при этом было чувство, что глаза не помогут – это существо, что лежит с ней под одеялом, нельзя увидеть глазами. Ощущения его близости были странными: тело его было плотным, но при этом казалось проницаемым – вроде устойчивого и мощного порыва ветра. И эти объятия... было похоже, будто теплый, ласковый ветер обвил ее всю, с головы до ног, и так замер. Было не страшно, но очень странно...

«Что это?» – с усилием просила она, но только в мыслях.

«Не бойся, – сказал голос, и она ощутила что-то вроде ласкающего движения по всему телу, как будто мягкое крыло огромной птицы погладило ее сразу всю, от головы до ног. – Я не причиню тебе вреда».

Голос тоже, кажется, был мужским. Звучал он очень дружелюбно, почти ласково, и тем не менее все существо Снефрид пронизала дрожь.

«Кто ты?» – мысленно ответила Снефрид, в ужасе от самой мысли, что пытается вступить в разговор с этой сущностью. Пусть та и кажется – или притворяется – дружелюбной, но все же...

«Мы виделись, – голос усмехнулся, и Снефрид подумала, что эта сущность, кажется, молода. – И еще увидимся. Я буду тебе помогать».

По ее телу снова прошла волна ласки, а вслед за этим он исчез. Пропало ощущение, что рядом с ней под одеялом кто-то лежит, и уже казалось сном то, что он здесь был...

Проснувшись, Снефрид сразу открыла глаза и огляделась. Никого, кроме Мьёлль, в шатре, разумеется, не нашлось. Сама она плотно была укутана в одеяло, и не верилось, что кто-то мог пролезть в этот кокон, не потревожив ее. Кто-то приходил к ней во сне – уж точно, не человек. Вспоминая свои ощущения, Снефрид была уверена: ее посещал мужчина, причем молодой и приятный в обращении. Но кто это мог быть? Легче всего было отнести это посещение к пустым снам, но в это Снефрид совсем не верила. Она совершенно ясно помнила то ощущение: тесные объятия невидимого гостя, каким-то образом охватившие все тело сразу, несли ей тепло и защищенность, обещали полную безопасность. Этот приветливый голос, ощущение близости дышали каким-то родственным чувством, будто они с этим существом были тесно связаны чем-то общим. Все приходившие в голову догадки выглядели несостоятельными, и скоро Снефрид отказалась от них: не стоит копаться в домыслах, когда истина, вероятно, скоро обнаружится. Гость из полусна обещал помогать ей, а значит, они еще встретятся, и она узнает о нем больше.

Когда Снефрид выбралась из шатра, уже миновал полдень, солнце заливало прибрежные луга. Близ кораблей почти все спали, Лейви и пятеро его товарищей легли перед ее шатром, будто сторожевые псы у хозяйского ложа. Сегодняшний день отводился для отдыха после переходов – на Дневном острове всегда устраивалась первая в этом пути дневка. Одни улеглись на кораблях, другие на подстилках прямо на земле у костра – привычных путешественников не смущала жесткая земля, лишь бы с неба не капало. Летом, как сказал Асвард, здесь чаще всего погода солнечная.

Разбудив Мьёлль, Снефрид отыскала поодаль от стана прикрытую кустами заводь, где они обе смогли окунуться в море. Расчесав волосы, она заново заплела косы и вернулась в стан посвежевшая и довольная. Там обнаружилось оживление: часть людей проснулась и плескалась в море, двое свежевали барана, подвесив тушу на стойку из жердей.

Откуда баран взялся, скоро стало ясно. Возле Асвардова шатра обнаружился Хлёдвир и с ним незнакомый мужчина в нарядной рыжевато-красной шерстяной рубаше и коричневом, сложенной вдвое плаще, накинутом на плечи и застегнутом крупной бронзовой застежкой. Кивнув им на ходу, Снефрид ушла в свой шатер привести в порядок вещи, а когда снова вышла посидеть на солнышке, возле шатра ее ждало целое посольство: Асвард – с несколько озадаченным видом, Хлёдвир – с видом тайного торжества, и тот незнакомец – явно растерянный. По сторонам от входа в шатер стояли Лейви и Хамаль, опираясь на копыя и всем видом давая понять, что охраняют сокровище. В глубоко посаженных, узких, темных глазах на скуластом лице Лейви Снефрид ясно различила усмешку. Его только забавляло то, что Снефрид стали принимать за Фрейю. А вот Асвард явно не знал, как к этому отнестись.

– Э ... Госпожа, – Асвард не решил, каким именем уместнее ее называть, и произносил это слово как имя. – Вот этот человек, – незнакомец поклонился, – Сигфус Барсук, здешний бонд, очень просит... очень хочет с тобой побеседовать...

– Просит Госпожу Ванадис уделить ему часть ее драгоценного времени для небольшой беседы, – с явным удовольствием подхватил Хлёдвир. – Если только она не занята более важными делами. Великая нужда посетила их дом, и никто, кроме госпожи Фрейи, не может ей помочь! Но для богини не составит труда сотворить то, что смертным рукам не под силу!

– Приятно видеть человека, который так глубоко почитает богов! Несомненно, они воздадут тебе, Хлёдвир, за такую преданность. – Снефрид ласково улыбнулась ему, потом посмотрела на Сигфуса. – Не нужно давать мне таких громких имен. Мое имя – Снефрид, я еду к моему мужу, Ульвару, в Гарды. Но если я могу чем-то помочь, то с удовольствием это сделаю. Привет и здоровья тебе, Сигфус. Что привело тебя к нам?

Сигфус выглядел лет на тридцать пять; это был вполне приятный мужчина, среднего роста, плечистый, стройный, с продолговатым, вдавленным у виском лицом, широколобый, темно-русыми волосами и обычной при этом рыжеватой бородкой. Большие серые глаза имели тревожное выражение, лицо было бледным, вид утомленным. Снефрид сразу почувствовала: он не просто так пришел, у него какая-то беда.

– Привет и здоровья тебе, Госпожа... Снефрид.

Сигфус в смятении вглядывался в нее, пытаясь понять, может ли быть правдой то, что он услышал от Хлёдвира. До того он думал, что боги ходят по земле лишь в старинных преданиях, но когда пришла настоящая нужда, потянуло поверить в чудо. А женщина, стоявшая перед ним, со светлыми, как серебро, глазами, с лицом приветливым и величественным, вполне могла оказаться и богиней.

– Я решился... обратиться к тебе... твои спутники сказали... – Сигфус оглянулся на довольного Хлёдвира, – что наши края посетила...

– Я вижу, у тебя какая-то печаль на сердце, – Снефрид помогла ему сразу перейти к делу.

– Да, госпожа, это моя жена... Она, видишь ли, должна родить... но уже сутки, со вчерашнего утра, и женщины говорят... Говорят, что дела ее плохи, а у нас пятеро детей... те, которые выжили. И я услышал, что к нам приехала... сама Фрейя, – Сигфус вновь бросил взгляд на Хлёдвира, – и я подумал: может, она... то есть ты, услышала, как ее... тебя целую ночь призывали...

– Сам Один послал нам навстречу ворона, чтобы мы могли поскорее достичь берега и помочь вам, – Снефрид успокаивающе кивнула ему. – Я постараюсь помочь, чем смогу. Подожди, я возьму кое-какие вещи.

Назад она вышла с котомкой, где лежал пояс с пришитым к нему «дивокамнем». «Тебе пригодится», – сказала Старуха, а она-то знает будущую судьбу всякого не хуже самого Старики... Там же были оба ее жезла – из березовой ветки, который они сделали когда-то вместе с теткой Хравнхильд, и бронзовый, полученный от нее в наследство.

Сигфус приехал верхом и привел еще одну лошадь. Сел на нее Лейви – он отказался отпускать Снефрид одну в незнакомый дом, – а она устроилась позади него. Ехали через веселый лиственный лес, по дороге беловатого известняка, из которого и состоял Дневной остров. Для Снефрид, привыкшей к неровной, гористой местности, странно было видеть землю совершенно плоскую, без гор, холмов и возвышенностей. «Все равно что ехать по огромному блюду, – сказала она Лейви, и тот насмешливо хмыкнул. – Хотелось бы знать, *кому* нас на этом блюде подают!» Лишь немногие торчавшие из травы серые валуны напоминали ей родину. Лесок сменился лугом, где паслись овцы, промелькнули пашни, засеянные ячменем, потом опять потянулись луга. Сигфус сказал, что на острове много пастбищ, но и леса довольно густые. В них есть даже крупные звери – медведи, рыси, а в море – тюлени.

По пути Лейви обернулся к Снефрид:

– Этот красавчик, Хлэдвир, теперь так и будет бегать по хуторам и всем рассказывать, что ты – Фрейя. И здесь тоже, – он кивнул на едущего поодаль Сигфуса. – Кто его за язык тянул? И здесь, и на Гусином острове. Не пора ли ему как-то язык укоротить? А то он и тебе не даст покоя, и нас всех однажды втравит в неприятности.

– Я не Фрейя, но и правда могу кое-чем помочь. А после моря я уже отдохнула. Если боги дают человеку некие способности, он должен применять их на пользу людям, ведь так?

– Думаешь, богиня должна бегать по хуторам и помогать разродиться жене каждого бонда? Заняться ей больше нечем?

– Если подумать... – Снефрид подумала, – то *чем* богине еще заняться? Браниться с Локи, доказывать, что она не спала с четырьмя карлами и собственным братом? Вожделеть каких-то новых украшений? Эти занятия скорее для обычной вздорной бабенки, не способной сделать ничего полезного. И *кто* будет помогать жене каждого бонда, если не богиня? Никто другой в иную глушь не доберется.

– Ну, тебе виднее, – хмыкнул Лейви. – Ты у нас богиня...

Они проехали чуть более роздыха, как показалась усадьба. Дом и несколько строений возле него были сложены из того же известняка, покрыты соломой. Вокруг бродили овцы, перед домом играли трое или четверо детей.

– Это все твои? – спросила Снефрид у Сигфуса, когда Лейви спрыгнул с седла и помог ей сойти.

– Да, это наши... средние. – Сигфус привычно пересчитал детей взглядом. – Имба присматривает за ними. Имба! – закричал он, и из дома показалась девушка лет пятнадцати, в перекошенном переднике и растрепанными волосами, держащая на руках орущего ребенка лет двух. – Это предыдущий... Имба, ну что?

– Не знаю, – большеглазая девушка, похожая на отца, бросила на приезжих настороженный взгляд. – Сигга там с ней, она больше не приходила.

– Пойдем, это в бане.

Лейви остался возле дома и даже, кажется, завел разговор с недоверчивой девушкой, а Снефрид хозяйин проводил в маленькую тесную баню на краю усадьбы, возле пруда, где плавали утки и виднелись мостки для стирки. В бане большую часть пола занимал вымощенный камнем очаг, а на двух сдвинутых лавках, устланных грязной соломой, лежала роженица. При ней сидела старуха служанка, Сигга. Она рассказала, что у Катлы это не то седьмые, не то восьмые роды, что в ее годы нелегко – она была ровесницей мужа, а выглядела, изнуренная, даже старше, – и недавно схватки совсем прекратились.

– Ты давала ей крапиву? Или зверобой?

– Давала, госпожа, но только она совсем слаба, бедняжка.

– Завари снова. У меня есть дивокамень, и сейчас у нас дело пойдет на лад, – бодро заверила Снефрид.

– Ох! – Сигга всплеснула руками. – Вот это кстати! У нас на всем острове дивокамня ни одного нет. Был у одной женщины, но она умерла и забрала его с собой. А ведь ей говорили – мол, в Хель он тебе не понадобится, там никто не рождает. А она говорила, что ее заберут к себе альвы, и там ей очень даже понадобится. Это правда – раза два или три к ней приходили за помощью для таких женщин, которые не людского рода женщины...

Снефрид едва ее выпроводила. Ей уже случалось помогать при родах, и она видела, что роженица очень измучена, но помня, от кого был получен дивокамень, верила в благополучный исход.

– Откуда ты взялась, госпожа? – Сама Катла слабо моргала, сомневаясь, не мерещится ли ей эта незнакомая женщина – красивая, уверенная, с такими светлыми глазами, то вспоминались рассказы об альвах. – Ты – из рода альвов?

– Да, немного. Сами Один и Фригт прислали меня тебе на помощь! – Снефрид пожала ее вялую руку. – Вижу, что тебе пришлось нелегко, но скоро все кончится.

– Ты – диса? – Катла уже слабо отличала явь от бреда и верила, что видит тех, кого живые не видят.

– Я – Снефрид. Соберись с силами, осталось недолго. Видишь, – Снефрид вынула пояс и развернула его. – Это дивокамень, его прислала для тебя сама Фригт. Он поможет, и скоро дитя уже будет у тебя в руках.

Поясом с дивокамнем Снефрид осторожно обмотала Катлу, и та робко пощупала зашитый в льняной лоскут дивокамень.

– Теперь давай руку.

Угольком Снефрид нанесла на ладони Катлы три повивальные руны: Ансуз, Йера, Манназ, а потом и себе. Сосредоточилась, взяла свой «целебный жезл», подняла его над Катлой и заговорила нараспев:

Славьтесь, асы!
И асиньи, славьтесь!
Силы могучие,
Руки целящие
Даруйте нам!
Дисы-праматери,
Помощь подайте нам,
Фрейя, приди!

Закрыв глаза, Снефрид целящим жезлом рисовала в воздухе над Катлой эти же три руны, сосредоточивая вокруг нее силу рождения – силу земли, богини Йорд, зеленой травы, что лезет сквозь старую листву, едва лишь сойдет снег, силу ростка, ползущего из-под камня навстречу солнечному свету. Она видела этот росток – сперва маленький и бледный, он все тянулся вверх, наливался зеленью, пускал почки, веточки, листики, пока не превратился в могучий ствол и крона его не зашумела над всем миром...

Откуда-то издалека донесся вскрик усталого женского голоса...

Когда Сигга вернулась с дымящимся горшочком, схватки уже возобновились. Головка то показывалась, то скрывалась, у матери никак не хватало сил вытолкнуть ребенка. Привыкшая принимать козлят и ягнят, Снефрид знала, как надо действовать. Наклонившись над Катлой, Снефрид вдруг увидела напротив себя другую женщину, не Сиггу. Та подняла голову, и Снефрид тихо ахнула – она узнала Хравнхильд. А вернее, это была спе-диса в молодом облике ее

покойной тетки. На миг Снефрид застыла в изумлении: она несколько раз видела спе-дису, но никак не ждала ее здесь – та ведь была создана оберегать Эйрика, а это дело его никак не касалось.

Значит, теперь это ее, Снефрид, спе-диса, и будет помогать ей во всякой нужде. Баню, ее бревенчатые стены, даже саму лежанку Снефрид видела как в тумане, зато Хравнхильд – ее продолговатое лицо, большие синие глаза, черные брови дугой, – различала необычайно ясно. Спе-диса подала ей знак – нужно работать. Надавливая кулаками на дно матки, они стали подталкивать дитя к выходу.

Еще несколько усилий – и младенец выскользнул на соломенную подстилку. Катла издала глухой стон – ее покинули последние силы. Снефрид тоже перевела дух – самое трудное позади. Сигга перевязала пуповину и забрала ребенка. Оставалось дожидаться послета.

– Кровь больше не идет, – сказала Снефрид, обтирая Катле потное лицо. – Значит, у тебя ничего внутри не повреждено. Разрывов нет, зашивать ничего не надо. Сейчас выйдет послед, и все будет закончено.

Обмыв ребенка, Сигга завернула его в пеленку и держала, готовясь дать матери; новорожденная кричала, и Катла слабо поводила глазами на этот звук, но сил поднять руки у нее не было. Наконец послед вышел. Отдав ребенка Снефрид, Сигга прибрала его и принесла теплой воды, чтобы обмыть роженицу, но охнула:

– Опять кровь! Смотри, так и льется!

Снефрид отдала ей дитя назад и ощупала живот Катлы. Матка была мягкая – «кисель», как говорят повитухи, и Снефрид быстро огляделась, отыскивая Хравнхильд.

Диса все еще была здесь, стояла подле лавки. Встретив взгляд Снефрид, показала руками, будто что-то мнет. Вспомнив, что в таких случаях делают – опыта у нее было меньше, чем у тетки, – Снефрид принялась разминать живот Катлы, чтобы укрепить матку. Иначе кровь не остановится, и женщина умрет.

Ранен Бальдр стрелой острой,
Фригт пришла к нему и Фрейя,
Крови чары сотворили,
Резал Рёгнир⁷ руны раны,

– приговаривала она, сама удивляясь, откуда знает этот заговор.

То и дело Снефрид поглядывала, что происходит, но кровь не унималась. Тревога нарастала. Лицо Катлы делалось все бледнее, черты заострились. Не нужно было искать и щупать бычьи жилки, чтобы понять – вот-вот жизнь ее покинет. Снефрид никак не удавалось оживить матку – видно, восьмые роды для немолодой женщины оказались не по силам. Сигга, тоже видя, к чему идет дело, качала кричащую девочку и загодя жалела, что придется той остаться сиротой.

Камень Сурт лежит на море,
Девять змей лежат на камне,
Пусть не будет им покоя,
Им не спать и не проснуться,
Пока кровь у Катлы льется,
Пусть она скорей уймется!

⁷ Рёгнир (Вождь) – одно из имен Одина.

Выговаривая слова заклинания в одном ритме с движениями рук, Снефрид остро жалела, что некому помочь ей стуком в бубен. Кого позвать на помощь, не Сигту же! Но и так до нее доносился равномерный стук, очень похожий на удары в бубен; это она слышала замирающий ток крови в жилах Катлы, удары сердца, все более слабые.

«Помоги мне!» – мысленно воззвала она к Хравнхильд, отчаянно боясь, что каждый следующий удар окажется последним.

Тут же до слуха донеслись знакомые удары – это запел старый бубен Хравнхильд, теперь принадлежащий Снефрид. Он выбивал четкий, сильный ритм, будто подтягивая к себе удары слабеего сердца, и те, следуя за ним, продолжались, отвечали...

В спину повеяло холодом. Снефрид обернулась и увидела, что в бане появилось еще одно существо...

От неожиданности Снефрид выпрямилась, опустив забрызганные кровью руки. На месте очага появилось маленькое озеро, обложенное белым камнем. Его поверхность кипела, испускала туман, а на этом тумане стояла женская фигура, укутанная в серовато-голубое покрывало. Верхний его конец закрывал и лицо, и тем не менее Снефрид сразу ее узнала.

Она была так уверена, как если бы новая гостья была ее родной сестрой. Снефрид знала ее целую вечность. И знала, зачем она пришла.

В этот миг в ней самой что-то изменилось; Снефрид не осознала это, лишь ощутила. Само ее тело стали каким-то очень легким, прозрачным, но в то же время исполненным мощи – будто ветер. Кровь заискрилась в жилах; теперь она могла изливать огненную силу из ладоней и пальцев. Три повивальные руны на ладонях, уже давно стертые, вспыхнули снова и засияли ослепительным светом.

«Урд... – услышала она свой собственный голос, но губы ее не шевелились, голос звучал в голове, однако она точно знала, что ее слышат. – Урд, уходи! Оставь ее здесь».

Дева Источника покачала головой – мягко, но неумолимо. Кровь медленно вытекала из тела Катлы, будто стремясь влиться в этот самый источник – тот, из которого вытекает и куда возвращается всякая живая кровь во вселенной.

Урд, уходи!
Тебя изгоняю!
Чрева росу⁸
Я затворяю.
Камень лежит —
Ни раны, ни крови,
Воронов брага
Больше не льется.

Голос Снефрид окреп, и она сама каким-то краем мысли удивилась уверенной властности, зазвучавшей в нем, а еще словам, которых раньше не знала. Она опустила руку, и сила, текущая в ладонях, остановила кровавый поток.

Дева Источника пошевелилась и протянула руку в сторону Катлы. И Снефрид ясно увидела, как тело лежащей женщины колеблется, раздваивается: одно продолжало лежать, а второе, прозрачное, стало отделяться от него, приподниматься, как туман над землей.

Урд, уходи!
Тебя изгоняю!
Тучную телку

⁸ Роса чрева, брага воронов – кеннинги крови.

Тебе я отдам,
Если в обмен
Ты Катлу оставишь.
Ливень ресниц⁹
Тебе подарю я,
Если исчезнешь,
Катлу не тронув.

Она слышала, как голос ее отдается по бане... по тьме той подземной тропы, где находились три женщины: она, Урд и Катла. Жена Сигфуса уже не лежала на соломенной, залитой кровью подстилке – она стояла, безвольно опустив руки и закрыв глаза. За одну ее руку держалась Снефрид, а к другой тянулась бледная рука Урд. Тянулась, но пока не могла коснуться, хотя их разделяло самое малое расстояние.

Урд, уходи!
Тебя изгоняю!
Острым мечом
Тебя зарублю я,
Коль тронешь ты Катлу!
Голову с плеч
Тебе я снесу,
Коль ее не оставишь!

В другой руке Снефрид был ее жезл... она помнила, что брала жезл, но вдруг в руке оказался настоящий меч! Этим мечом она преградила путь норне Урд, но та все еще тянула руку, мягко и неумолимо качая головой.

Урд, уходи!
Тебя изгоняю!

Голос Снефрид загремел как гром, отдаваясь от тьмы со всех сторон множеством волн эха – «болтовни dwarfa», – будто сотни dwarfov сидели там, невидимые, наблюдая, чем кончится поединок норны и богини. В ней кипели гнев и решимость, а главное, удивительное ощущение собственной силы – она была вправе приказывать Деве Источника и способна исполнить угрозу.

Жезлом укрощенья
Ударю тебя,
Изгоню тебя в Хель,
Коль ты не отступишь.

Три нужды ты познаешь
И девять несчастий,
Змей тебя будет
Неистовый жалить.

Волки терзать тебя

⁹ Ливень ресниц (Фрейи) – золото.

Станут отныне,
Вороны кости
Твои раскидают.

Станешь служанкой ты
Мерзостным троллям,
И турсам ужасным
Ты будешь женою.

Ты разгневала Фрейю,
Урд неразумная,
Навлекла ты богини
Неистовый гнев!

Где-то наверху раздался крик ворона – гневный, угрожающий. Жезл вёльвы засиял в руке Снефрид, из бронзового сделавшись золотым; ее руку окутали золотые, мерцающие нити. От взмаха жезла фигура Урд побледнела, а потом втянулась в источник под ногами. Светлые струи взметнулись еще раз и улеглись.

Снефрид очнулась, стоя посреди бани, с жезлом вёльвы в руке. Чувствовала она себя странно, как никогда в жизни. Ей уже случалось вступать на воздушные тропы и даже выдерживать сражения, но еще никогда ей не казалось после этого тесно в собственном теле. Как будто нечто огромное силой втиснули в очень маленькую, неподходящую для него, хрупкую оболочку.

Раздался тихий звук, в котором Снефрид не сразу узнала детский плач. В ушах у нее шумело, все звуки доходили как через плотное одеяло. Она закрыла глаза, но увидела бушующее море пламени.

– Дай... мне ее... – ответил на этот плач слабый, хриплый голос.

Открыв глаза, Снефрид повернула голову. Катла, еще бледная, силилась привстать. Кровь унялась, и она хотела покормить наконец ребенка.

– Госпожа и в самом деле Фрейя... – пробормотала Сигга, бочком протиснувшись мимо Снефрид. – Она ведь уже совсем умерла... совсем уже похолодела... вот я думала, горе будет бедняге Сигфусу, да с шестью детьми останется один...

– Я не Фрейя, – прошептала Снефрид; говорить в полный голос у нее не было сил. – Но Фрейя *была* здесь...

Она огляделась. Дисы Хравнхильд больше не было рядом, но Снефрид ощущала на себе ее взгляд откуда-то издалека. В синих глазах был испуг и потрясение, как будто даже спедиса не ожидала того, что увидела.

Что она увидела? Этого Снефрид не знала, но зато хорошо поняла в этот миг, почему одержимость Одним у берсерков сменяется ощущением полного бессилия. Пока Сигга передавала Катле ребенка и хлопотала, чтобы обмыть ее и переменить солому, Снефрид села прямо на пол возле лавки... и все исчезло.

* * *

Когда Снефрид открыла глаза, взор ее какое-то время блуждал в полутьме, останавливаясь на разных предметах и постепенно узнавая их. Овчины, плащи, одеяла... Мешки и мешочки с разными пожитками... Миски с ложками, чашки, кувшинчик... Эта женщина... Мьёлль... рабыня. В последнюю очередь она узнала себя. Она – Снефрид, дочь Асбранда Эриля и Виглинд, дочери Хравна. Она замужем за Ульваром и едет через Восточное море,

чтобы поселиться вместе с ним. Сейчас она где-то на первой трети этого пути, на Дневном острове... А вовсе не... Не та прекрасная Невеста Ванов, которая рассказала ей часть преданий о себе, позволив увидеть часть ее жизни ее собственными глазами...

В тот день у нее были совсем черные глаза. Ее платье было цвета весеннего снега перед тем, как он растает, но и так она казалась прекраснее и желаннее всего на свете тому, с кем так сурово говорила...

А она, Снефрид... Вчера она ездила на хутор и там принимала роды у жены здешнего бонда...

Уложенная в доме на хозяйскую постель на Сигфусовом хуторе, Снефрид проспала почти до вечера, а потом, когда Лейви привез ее обратно в корабельный стан, опять заснула.

Когда утром она выбралась из шатра на воздух, ее встретили мощные порывы холодного ветра и весьма неприятное зрелище серого неба. Хорошая вчерашняя погода исчезла – слизнуло холодным языком бури. Море, что еще вчера прикидывалось мирным, ласковым и безопасным, явило другую свою суть – неудержимой стихии, что гневается без всякого повода, не внемлет никаким уговорам и посулам, может раздавить человека, как мошку, даже не заметив. С морем нельзя договориться, морю нельзя доверять. И, ощутив себя в полной зависимости от этой недоброй стихии, на острове, что казался таким маленьким, таким ненадежным укрытием, Снефрид почувствовала себя очень неуютно. Теперь отсюда и не выбраться, пока гнев морских великанов не утихнет. Двадцать пять лет она благополучно прожила на твердой земле, почти не видя моря, а теперь вот судьба отдала ее в полную его власть.

Стан был тих, никто не спешил вставать.

– Почему все спят? – спросила Снефрид у двоих сонных дозорных возле еле тлеющего костра, прикрытого от ветра щитами.

– На море буря, – один махнул рукой в северную сторону. – Здесь мы от нее прикрыты, а в море творится ётун знает что. Сегодня не уйти.

В бухте вода оставалась довольно спокойной, но приобрела грязно-серый оттенок и оделась белой пеной. Ветром пену рвало и разносило мелкими клочьями, но немедленно из глубины вылетал новый покров, растягивался по поверхности волн и снова рвался – будто бесчисленные пальцы морских великанов неустанно плели сеть, тут же сердито рвали ее, недовольные своей работой, и с той же спешной небрежностью плели снова. Длинные, во всю ширь берега, валы катились на сушу, норовя ее слизнуть и проглотить, влажный ветер доносил облака брызг до шатров, и у Снефрид скоро вымокло лицо и волосы. Возле больших камней столбы брызг взмывали вверх, и каждый раз при виде этого у Снефрид обрывалось сердце – вот-вот перед ней предстанет, выйдя из белого водяного облака, одна из дочерей Эгира, а еще хуже – сама Ран. Небо было сплошь затянуто синева-серыми тучами.

Снефрид ушла обратно в шатер и снова забралась под овчины, чтобы согреться. Было похоже, что так ей придется пролежать весь день. Хорошо хоть, толстая ткань шатра, из овечьей шерсти, отталкивала воду и внутри было сухо.

У других тоже было мало охоты вылезать из-под своих овчин, и только к полудню, когда проснулся Асвард, стан немного ожил. Сигфус Барсук в благодарность за помощь подарил Снефрид барана, и теперь его зарезали, стали варить мясо и готовить похлебку. Закутанная в плащ с головой, Снефрид сидела у костра. Котлы долго не закипали – несмотря на стену из щитов, жар из-под них выдувало ветром, и тепло ощущалось слабо, но все же тут, на воздухе, было веселее, чем в тесном полумраке шатра.

Устав сидеть, она прошлась вдоль моря, разглядывая полосу песка, что лизали волны. На глаза ей попался продолговатый камешек цвета яичного желтка, покрытый ноздреватой коркой. Снефрид подобрала его, в удивлении разглядывая, а потом сообразила – да это же янтарь!

Ее будто пробило молнией. Она держит на мокрой ладони слезу Фрейи – одну из тех, что богиня уронила в море, пока искала своего Ода. Снефрид подняла глаза к хмурому небу, сердце ее переполняла горячая любовь и сочувствие. Богиня проходила здесь, по этому берегу – а может, высоко в воздухе над ним. Снефрид сжала находку в кулаке, полная острым чувством близости с богиней – не во сне, а наяву.

Бродя по берегу, там, куда не доставали мокрые языки волн, Снефрид высматривала другие слезы богини. Казалось, роды у Катлы она принимала давным-давно. Она вспоминала ту баню и все, что в ней делала, с чувством, будто побывала в далекой волшебной стране, в каком-то другом из девяти миров. Но в каком? Она помнила, как спорила с норной Урд, отгоняя ее от умирающей женщины, и ее остро пробиало холодом. Да как бы она посмела? Откуда бы у нее взялись силы и право грозить самой норне, Деве Источника, в чьей власти все живущие, смертные и бессмертные? Она сама тогда была вовсе не Снефрид. В ней была совсем другая... женщина? Богиня? Та самая, чьими глазами она видела сон? Снефрид вздохнула: принимать в себя эти силы было трудно, она чувствовала утомление... но тут же подумала: а разве Фрейе легко? Она носит в себе эти силы и служит их источником. Ей тоже трудно. Может быть, она хочет... поделиться, чтобы облегчить свою ношу?

Но заклинание от истечения крови, которое эта пришелица произносила ее устами, Снефрид запомнила хорошо и не сомневалась, что оно ей еще когда-нибудь пригодится... «Резал Рёгнир руны раны...»

В шатер Снефрид вернулась, держа в кулаке пять или шесть окаменевших слез Фрейи – разных оттенков желтого, потемнее и посветлее, покрытых твердым песчаным налетом, обкатанных морем до гладкости и более угловатых. Один из них был даже похож на дивокамень, только посветлее и гораздо меньше. Находка эта чрезвычайно ее радовала – Фрейя будто подтвердила, что она идет верным путем. Открыв ларь, Снефрид стала искать лоскут, чтобы их завязать, и вдруг сообразила, что не видит пояса с дивокамнем. Спрятав янтарные слезы, она уже не шутя взялась за поиски, но напрасно.

– Может, ты его в том доме забыла? – сказала Мьёлль.

– Нет, я хорошо помню, что убрала в мешок. Как же я могла бы забыть такую важную вещь?

– Так он и должен быть в мешке!

– Но видишь – его тут нет. – Снефрид показала мешок с недоуменно открытой пастью. – Жезлы оба на месте, а пояса нет!

Вдвоем они перерыли все пожитки в шатре, приподняли подстилки, но пояса не нашли. Снефрид всерьез обеспокоилась. Пояс-то, собственной работы, стоит недорого, таких у нее было еще три, но дивокамни – огромная редкость. Изредка их приносит морем, но многим за всю жизнь не удастся увидеть ни одного. Потерять такую вещь было бы верхом нелепости, но Снефрид была уверена, что не теряла его. Так куда же он делся?

– Может, у тебя его там... украли? – намекнула Мьёлль, глазами показывая куда-то в сторону. – У них-то нету...

Снефрид припомнила: Сигга, старуха служанка, говорила ей, что на всем острове нет ни одного дивокамня. Был у какой-то женщины, здешней повитухи, которая якобы принимала даже у альвов, но она забрала его с собой в могилу: мол, еще пригодится...

Но неужели у нее украли это сокровище на хуторе Сигфуса? Снефрид вспоминала истомленное тревогой и ожиданием, но светящееся от радости лицо Сигфуса, когда вечером он взял новорожденную на руки, чтобы обрызгать ее водой – нарочно ждал, чтобы гостья проснулась и сама увидела, как он даст дочери имя Снефрид. Если уж Госпоже угодно называть себя так, имя младшей дочери всю жизнь будет служить напоминанием о ее посещении. «Следующих родов Катла может не пережить, а меня здесь уже не будет, – тихо сказала ему Снефрид на прощание. – Ты понимаешь? Постарайся, чтобы она больше не беременела». Сигфус закивал:

дескать, понимаю, не мальчик. Катле еще нельзя было вставать, но, держа на руках дочь, которая благодаря Снефрид не осталась сиротой, она смотрела на гостью с глубокой признательностью. Даже суровая Имба робко улыбалась ей, а двое младших, привычно цеплявшихся за ее подол, таращили на гостью глаза, понимая, что видят нечто необычное.

Разве мог кто-то из этих людей обокрасть ту, в ком они видели богиню?

– Да нет же, я помню, что клала пояс в мешок и мешок после этого не выпускала из рук! – говорила она Мьёлль, сидя посреди разбросанные пожитков в шатре. – И в стане у нас никого из чужих не было!

– А может... – Мьёлль боязливо оглянулась, – это украла та женщина...

– Какая?

– Ну, та, что была у них и умерла... что принимала у альвов?

– Которая умерла? Привидение, что ли?

– Ну! Если кто общается с альвами, ему нетрудно стать привидением!

– Ох, нет! – Снефрид отмахнулась. – Это уж слишком! Мой род ведется от конунга альвов, но никто из нас не становился привидением.

Кроме Хравна, ее деда по матери, но он не принадлежал к роду Скульд Серебряный Взор...

Но даже после всего случившегося Снефрид не верилось, что ее обокрало привидение умершей повитухи с Дневного острова!

Вечер настал такой же хмурый, стемнело раньше обычного, и Снефрид ушла от костров спать. Но и засыпая, все думала, куда же мог деться дивокамень.

И вдруг, когда она уже погружалась в сон, ее осенила мысль.

А что если это Старуха забрала назад свой дар? Снефрид даже села на подстилке. Старуха подарила ей дивокамень, зная, что он скоро пригодится. А теперь, когда нужда миновала, забрала назад. Ей, Старухе, надо ведь не об одной Катле заботиться!

Эта мысль несколько успокоила Снефрид – отдать дивокамень назад было далеко не так обидно, как потерять его по невнимательности. Но до конца тревога не отступала. Если завтра погода наладится, они уплывут с этого острова, и она, быть может, так никогда и не узнает...

Вслушиваясь в шум ветра над шатром, Снефрид заснула... а потом проснулась... или нет...

* * *

Асгард, Башня Врат

...Когда я вошла, он играл со своими псами – бросал кость, они мчались за нею наперегонки и дрались за право принести ее назад хозяину. Сегодня он принял вид мужчины лет тридцати с небольшим – безупречно правильные черты лица, глубоко посаженные карие глаза под черными бровями. Каштановые волосы, длиной чуть ниже плеч, красиво выются над прямоугольным лбом, такая же борода одевает твердую, даже угловатую нижнюю челюсть. Загорелый торс, сужающийся к поясу, широченные плечи, увитые узловатыми мускулами – он ждал меня и сотворил то, что, как он думал должно мне понравиться. Облегающие штаны так спущены, что видно тазовые кости и дорожку из волос, убегаящую в низ живота, но грудь гладкая – чтобы растительность не мешала различать каждый выпуклый мускул так ясно, будто на нем нет кожи.

А меня попрекают, будто я готова продаться за украшения. Что такое вот этот его облик, как не украшение, пусть для этого он не одевается, а наоборот, раздевается?

Но главное, что притягивало взгляд – огромный шрам от копья на его груди. Тот самый, который он получил, когда висел на дереве, жертва сам себе. От вида этого шрама я содрогалась – это был зримый, неизгладимый знак его сути и его сил, давших ему возможность соперничать

со мной и понемногу забирать себе все больше власти в Асгарде. Это был знак его первоначального звания среди асов – звание бога посвящений, бога, через страдания тела уводящего дух к высшей мудрости. Этот шрам всегда имеет такой вид, будто он еще свежий, багровый, и он не заживет никогда. Я думаю, он всегда испытывает боль – это источник его силы и плата за нее. То, что держит его между землей и небом, между жизнью и смертью, кружит голову и наполняет вдохновением, давшим ему имя.

По первому же взгляду, который он на меня бросил – многозначительному, торжествующему, – я поняла, что явилась не напрасно.

– Он у тебя? – сразу спросила я.

– О чем ты? – Он выразительно изогнул бровь, изображая недоумение – но не слишком старательно.

Он сидел на нижней ступеньке своего престола, одной рукой держался за поднесенную псом кость, расставив колени – поза самая изящная и непринужденная. Даже он, обладатель самого изощренного ума во вселенной, не может не раздвигать колени, увидев меня, но сам этого не осознает.

– О моем поясе. Он у тебя. – Теперь я уже не спрашивала.

– Да нет, зачем мне твой пояс? – Он выпустил кость, отряхнул руки, поднялся по ступенькам своего сидения и уселся, так что мне приходилось заирать голову, чтобы смотреть ему в лицо. – Зачем мне твой пояс? Я ведь не женщина и рожать не собираюсь.

Он даже засмеялся такому нелепому предположению.

– Зато сотни и тысячи женщин – собираются. Отдай мне пояс, если не хочешь стать их убийцей. Воевать с рожаящими женщинами! Тебе самому не стыдно, до чего ты докатился? Это вот так ты пытаешься завладеть всем миром? Сам будешь ходить к роженицам? И забирать их младенцев еще до того, как они испустят первый крик? Этого ты хочешь?

– Сколько вопросов! – Он поднял руку, заслоняя лицо, будто от дыма. – Ты будто жена, у которой муж не ночевал дома!

– Я хотя бы не лезу в чужие дела! Мы же с тобой договорились. – Я старалась взять себя в руки и говорить спокойно, но меня трясло от ярости, и я сжала кулаки. – Мы заключили договор: ты получаешь тех мужчин, что посвящают себя тебе, а я – остальных. Против всякого договора ты переманил к себе почти всех валькирий, у меня теперь живут только дисы...

– Я не виноват, если девушкам у меня больше нравится, – он улыбнулся так обольстительно, что у любой земной женщины дрогнуло бы сердце. Его нынешний облик был пронзительно хорош, и он рассчитывал на это. Вот только шрам все портил – разве что Хель он мог бы внушить страсть. – У меня им веселее. Чего хорошего сидеть среди баб за прядками, когда можно слушать рассказы о подвигах и наблюдать сражения, в которых мужчины являют свою доблесть! А при девушках и мужчины сильнее стараются один другого превзойти. Ты сама можешь убедиться. Сколько раз я тебя приглашал к нам на пир! Зайди хоть один раз, может, тебе понравится!

И подмигнул мне. В чем ему не откажешь, так это в упорстве. Истинно великаньем...

– Ты зря ломаешься, – он понизил голос и даже слегка наклонился ко мне со своего престола. – Все убеждены, что ты давным-давно моя – и в Асгарде, и в Мидгарде, и где угодно.

– Я знаю, кто разнес эти слухи, – я старалась говорить спокойно, но презрение против воли кривило мне губы и сказывалось в голосе. – И кто ему приказал это сделать.

– Ты *уже* ничего не потеряешь, если будешь со мной поприветливее. Зато очень много приобретешь.

– Пока я хочу приобрести одно – мой пояс. И если ты сейчас же мне его не отдашь, я пущу слух, – я прищурилась, – что ты по ночам переодеваешься в платье жены, надеваешь мой «пояс рожениц» и в таком виде пляшешь перед своими друзьями. Твое любимое оружие ведь можно обратить и против тебя!

Он расхохотался – так искренне и самозабвенно, что даже откинулся на спинку престола и раскинул руки. Но я хорошо знаю мужчин, – кто сможет в этом со мной тягаться, даже из их числа, – и ясно слышала в его смехе принужденность. Ему было не так весело, как он хотел показать.

– Никто тебе не поверит! – Отсмеявшись, он выпрямился, и его нежно-карие глаза приобрели холодное, жесткое выражение.

– Неважно, – я улыбнулась. – Такой рассказ всех позабавит, все будут передавать его из уст в уста и вот так же громко смеяться! Локи первый постарается разнести его по всем девяти мирам.

– Будут передавать, – он почти перебил меня, – что за глупости придумала Фрейя, из обиды, что я не обращаю на нее никакого внимания!

– И пусть! Сначала они будут говорить, мол, Фрейя выдумала, будто Один переодевается в женское платье и носит «пояс рожениц». Потом станут повторять: а говорят, что Один переодевается в женское платье! Не успеешь оглянуться, как все будут знать, что «Один переодевается в женское платье», а кто знает, тот почти верит! Если у вас прошла эту чушь про меня и четырех карлов, то и про тебя в женском платье пройдет не хуже! Люди скажут, что мы все тут в Асгарде один другого стоим! И кто окажется в выигрыше? Турсы?

– Женщина, ты меня утомила! – Он оперся на подлокотник и смотрел на меня пытливо, как на редкое насекомое. – Чего тебе надо, в конце концов? Заскучала со своими унылыми пряхами?

– Мне нужен мой пояс. Ты ведь хочешь, чтобы на земле благополучно рождались новые воины? И если ты не собираешься и в самом деле сам ходить помогать им, то верни мне мою вещь.

Он помолчал. В его лице что-то изменилось, и я подумала: вот, ему надоела эта игра, сейчас пойдет настоящий разговор. Но только если он опять за свое...

– Знаешь конунга Хёгни сына Хальвдана, из Дании?

– Знаю, конечно, – ответила я: и точно, пошел другой разговор. – И что тебе до него?

– Я ему немало помогал в свое время. Благодаря мне он воевал и на Восточном Пути, и на Западном, подчинил себе чуть ли не двадцать других конунгов во всех концах света.

– Это ваши дела. Меня они не касаются.

– Он так зазнался, что стал считать, будто ему во всем свете нет равных.

– Чему ты удивляешься? Он, как видно, берет пример с тебя. Он ведь твой человек?

Он не ответил, но по лицу я видела, что угадала. Хёгни принес ему клятву верности, принял боевой клич «Один владеет мною!», даже носит золотую подвеску с его изображением и надписью: «Хёгни – человек Одина».

– Я хочу, чтобы ты нашла ему достойного противника. Например, Хедина сына Хьярранди. Я хочу, чтобы они сошлись в битве, вызванной смертельной враждой, и чтобы поединок их вошел в предания!

– Постой... – Я кое-что вспомнила и вытаращила глаза: ему все же удалось меня удивить. – Они же побратимы!

– Да, – он кивнул. – Тем больше им будет славы, если они сойдутся не на жизнь, а на смерть.

– Зачем тебе это? – Я даже сделала шаг к его престолу и встала возле нижней ступеньки.

– Они уже не раз состязались и убедились, что ни один из них ни в чем не уступает другому. На этом они и примирились – это ведь ты их тогда помирила?

– Да, я. Меня просили об этом Хервё́р и Хильд, жена и дочь Хёгни.

– Ну а теперь ты их поссоришь. Ты сделаешь так, чтобы одна из этих женщин погибла ужасной смертью, а вторая потеряла честь и увидела, как те двое будут биться насмерть. Вот тогда они убедятся, что без моей помощи ни одному из них не одолеть другого. Вот тогда они

поймут, от кого исходит истинная сила и победа! И они, и все живущие ныне и в грядущих веках!

Он встал на ноги; от его фигуры веяло величием, голова мало не упиралась в кровлю. Глаза его засверкали черным огнем, в лице проявилась его истинная суть: упоение смертью и славой, которые не ходят одна без другой.

Я помолчала.

– Это нужно *тебе*... – сказала я потом. – А винить в их раздоре будут *меня*... И ныне живущие, и в грядущих веках. Скажут, что это я научила их злобе, коварству и предательству. Потому что я сама полна ими – ведь мне их раздор не нужен. К чему мне рушить мир между достойными людьми, который я сама и сотворила? Хедин уже скоро посватался бы к Хильд и женился на ней, как положено, и их побратимство было бы скреплено родством, и они прожили бы жизнь счастливо, в чести и славе...

– Сага о них была бы слишком короткой, – он снова сел и взглянул на меня глазами мастера, который придумал, как улучшить изделие. – Посватался, женился! Жили долго и счастливо! Ты многие тысячи лет делала так!

– Сотни тысяч лет, – подтвердила я.

– Как тебе не надоело? Поколение за поколением, все одно и то же! Ты – женщина, ты умеешь только... – он скривился, – умиляться вашему бабьему счастью. Ты не понимаешь, что истинная слава достигается не счастьем, а ужасом! О тех сотнях тысяч, что родились, женились, родили детей и умерли, никто уже не помнит, даже их собственные потомки через три-четыре поколения. Счастьем нельзя создать долгую славу. А я хочу помочь этим двоим обрести славу навсегда, понимаешь ты! Я оказываю им милость. Ну скажи, я ведь отлично все придумал!

Вот сейчас он был по-настоящему красив: в его глазах горело вдохновение, лицо сияло упоением полета мысли. Прекрасного, будто полет орла на широких крыльях. Сейчас он восхищался не собой, а красотой своего замысла. В такие мгновения я даже почти... нет, не любила его, но понимала, что в нем можно любить.

Если бы только замыслы его не были тем красивее, чем более ужасную участь готовили ни в чем не повинным смертным. Его вдохновленный разум, давший ему имя, рождает много таких замыслов...

– Да и тебе будет приятно показать, на что ты способна, – он взглянул на меня и улыбнулся, будто и правда хотел порадовать. – Тут не обойтись без твоего умения... туманить людям разум и награждать безумием.

– Я этого не делаю.

– Расскажи это сотням тысяч обезумевших от любви! Я и сам от тебя пострадал. – Его губы улыбались, но глаза были холодны. – Помнишь?

Милую ждал я,
Таясь в тростниках,
Дороже была мне,
Чем тело с душой,
Но моею не стала¹⁰...

– Помнишь, как ты выставила меня на посмешище? Обещала, что вечером я получу то, чего хотел, но исчезла, а к ложу своему привязала суку.

– А вы пустили слух, будто эта сука и была я, что Фригг превратила меня, чтобы наказать и блудливого мужа, и потаскуху-соперницу.

¹⁰ Речи Высокого, пер. А. Корсуна.

– Вот видишь, как мы оба находчивы? Мы друг друга стоим! Зато тебя теперь называют сестрой суки, но я не держу на тебя зла, – милостиво закончил он. – Благодаря тебе люди научились сочинять любовные стихи. Так ты поняла меня? Я хочу, чтобы те двое сошлись в поединке и чтобы он продолжался вечно.

– Вечно?

– Да. Ты ведь уверяешь, что только тебе одной должна принадлежать власть над жизнью и смертью, а я зря вмешиваюсь и отнимаю твои права? Вот и докажи это. Ты поссоришь их, сделаешь так, что великие злодеяния нельзя будет искупить никак иначе, кроме как смертью, но сделаешь так, что оба противника будут оживать, пусть бы даже они разрубили друг друга от плеч до пояса. Чтобы это длилось и длилось, много-много лет. Чтобы не осталось на земле человека, альва, аса, вана, дверга, турса, ни одного существа не осталось, кто не знал бы этой ужасной саги.

– И который не ужаснулся бы... твоей жестокой власти?

– И твоему коварству заодно. Видишь, я готов с тобой поделиться всем, что только у меня есть хорошего. И ты несправедливо поступаешь, что... не хочешь разделить со мной...

«Лежанку», – подумала я.

– Мою власть и славу.

– Мне *приходится* делить с тобой мою власть. Как одинокому путнику приходится делить свое имущество с грабителем.

– Но если все равно приходится, не лучше ли покориться, и тогда нам всем будет хорошо? – Он взглянул на меня так, будто любовно упрекал в неразумии.

– Поклянись... – с колебанием ответила я, не зная, стоит ли ему верить, – что вернешь мне пояс, если я сделаю то, чего ты желаешь...

– Для меня? – Он в ожидании подался вперед.

В его глазах заблестела надежда. Он уже забыл о тех несчастных, которых обрек на вечную славу. Сколько власти и славы не заberi, от себя не уйдешь. Он – из рода великанов, а великаны не могут не желать меня, моего живоносного тепла. И как они не могут не стремиться ко мне, так я не могу желать их в ответ. Мы как вода и огонь – от нашего слияния мы оба изойдем на пар и сгинем.

– Для Хедина и Хёгни.

Он откинулся на спинку, с разочарованием, даже обидой на лице.

И как они все не видят, что кое в чем он, великий Всеотец, обладатель тысячи ликов и имен, недалеко ушел от ребенка?

– Ты ведь этого хотел?

Он помедлил, справляясь с собой, потом медленно повернул ко мне лицо.

Он не сказал ни слова, но правый глаз его вдруг исчез, оставив черную дыру – бездонную и безграничную, как бездна.

«Клянусь моим отданным глазом», – вот что это означало. А его второй глаз, тот глаз, которого у него больше нет, если подумать, одна из самых дорогих вещей во вселенной. С него началось умение мыслить. Для всех, даже для меня, хотя я не так-то хорошо этим умением владею.

– Договорились, – только и сказала я.

Мне не нужно клясться. Я слишком высоко ценю свою достоинство, чтобы лгать. И он об этом знает.

Я повернулась и пошла прочь.

– Фрейя! – раздалось за моей спиной.

Зачем-то я повернулась. В голосе его слышалось искреннее чувство – я не верю ему, но он порой так хорошо притворяется, что красота этого притворства почти заменяет правду.

– Но ведь я... И ты сама обретаешь вечную славу благодаря мне, – сказал он, будто подносил подарок. – Если бы не я, у тебя бы не было даже имени, так у твоих бесчисленных дис. О тебе было бы нечего рассказать – ни вanam, ни асам, ни людям. А теперь каждый дверг не спит ночами, изобретая разные искусные поделки и надеясь, что они тебе понравятся и ты наградишь его так же, как тех четверых...

– Чего на самом деле не было.

– Но если бы они в это не верили, на свете было бы гораздо меньше сокровищ.

Я отвернулась и вышла за дверь. Вернусь сюда только в то день, когда смогу забрать мой пояс. И нужно спешить. Всякий день где-то заканчивается срок ожидания и женщина вскрикивает, ощутив первый позыв будущих схваток...

* * *

Средний Мир, Восточное море, Дневной остров

Проснувшись, Снефрид прекрасно помнила свой сон. Бывает, что во сне переживаешь целую сагу, и кажется, что все в ней четко и крепко связано, но как проснешься – связи и образы тают. Она же могла бы рассказать обо всем увиденном. У Фрейи тоже однажды украли ее пояс с «камнями жизни». Сделал это Локи, подученный Одином, который хотел вынудить ее поступить по его воле, поссорить двух прославленных конунгов, которые были не только друзьями, но и побратимами. Осознав это, Снефрид не на шутку испугалась. Фрейя не случайно именно сейчас рассказала ей о том деле – у нее, Снефрид, тоже вчера попал пояс с дивокамнем. Означает ли это, что его украли? Скорее всего, да. И что будет дальше? Что потребуют с нее похитители за возвращение пояса?

От беспокойства не в силах больше лежать, Снефрид, натянув башмаки и кафтан, выбралась из шатра. Но снаружи ничто ее не порадовало: за ночь погода не улучшилась, небо не прояснилось, напротив – шел мелкий дождь. Прохладный воздух был напоен свежестью влаги настолько, что казалось, его можно зачерпнуть ковшом и выпить. Морские великанши все так же плели пенную сеть и рвали ее, недовольные своей работой. Три больших корабля покачивались у причала, будто три привязанных дракона, жаждущих вырваться и уплыть на волю. Дозорные пытались разжечь костер поярче, ветром несло клубы серого дыма.

Как и вчера, время среди знобкого ненастья тянулось бесконечно. Но нельзя же спать круглые сутки, тем более на жестком ложе из овчин, брошенных на каменистую землю! Те люди из корабельных дружин, у кого не было шатров, ушли под защиту ближайших зарослей и там сделали себе шалаши: на кораблях слишком качало. Над кострами висели котлы с похлебкой из толченого ячменя и остатками вчерашнего барана, но под ветром кипение то и дело пропадало. Снефрид сидела у костра, но лишь иногда, когда ветер дул в ее сторону, вместе с дымом на нее веяло рваными волнами тепла. Казалось, она срослась с плащом, как с собственной шкурой, и не верилось, что когда-нибудь можно будет обходиться без него.

В двух других станах – у Хлёдвир и Кетиля – дела шли примерно так же, люди бродили туда-сюда, кто по разной надобности, кто просто от скуки. Кто-то под навесом из паруса играл в кости на щите, и Снефрид поглядывала туда краем глаза, вспоминая Ульвара. Он с детства был привержен этой забаве, она-то и навлекла на них все трудности. Если бы он не проиграл на Готланде весь груз пушнины стоимостью в три с лишним сотни серебра, который принадлежал ему только на треть, ему не пришлось бы скрываться, идти в сарацинский поход, в котором он пробыл три года, а потом поселиться в Меренланде – на самой границе Утгарда. Не возьми Ульвар в тот далекий уже день, три лета назад, черный роговой стаканчик с костями в руки, сейчас Снефрид жила бы на хуторе Южный Склон, полученном Ульваром от отца, доила бы коз, делала бы сыр и пряла шерсть, как все обычные женщины... Но в тот день норны от Ульвара отвернулись. Да и когда они ему улыбались, улыбки их были весьма ехидны...

Задумавшись, Снефрид не сразу заметила, что возле нее остановились двое – Асвард и Кетиль Пожар. Кетиль был из троих фелагов старшим по возрасту – ему было, пожалуй, за пятьдесят. Довольно рослый, он с годами огрузнел, хотя не слишком; его продолговатое лицо еще сильнее вытянулось, когда волосы попятились почти до затылка, зато рыжевато-пегая борода была так пушиста и длинна, что он заплетал ее в две косы по сторонам подбородка, достигающие середины груди и такие толстые, что они украсили бы и голову какой-нибудь небогатой девушки. Нрава Кетиль был приветливого, и казалось, что многочисленные морщины на его загорелом лице образовались от привычки часто улыбаться.

Но сейчас и Кетиль, и Асвард выглядели озадаченными и встревоженными.

– Снефрид, ты бы сходила... – начал Асвард и оглянулся на Кетилья.

– Что случилось?

– Друг наш Хлёдвир... нездоров, – сказал Кетиль.

– Сильно нездоров!

– Ему требуется помощь. Такая особенная помощь... – Кетиль неопределенно поводил в воздухе руками. – Думается, ты, Снефрид, сможешь ему помочь лучше, чем кто-либо другой.

– Хлёдвир захворал?

Снефрид встала на ноги, придерживая вокруг себя полы плаща, чтобы ветер не подлез под них. Вспомнила: кажется, с самого утра она Хлёдвиря ни разу не видела.

– Что с ним?

– Думается, тебе лучше пойти и посмотреть самой.

– Никогда такого не видел... – добавил Асвард. – Его вроде как мучают духи...

– Духи?

– Происки это каких-то dwarves... иначе такой хвори у человека быть не может!

– О боги! Я сейчас!

Снефрид прихватила из шатра свой целящий жезл – орудие изгнания духов – и торопливо направилась вслед за двумя фелагами через свой стан в соседний, к шатру Хлёдвиря.

Хлёдвир, как положено хозяину корабля и вождю дружины, обитал в самом большом шатре. Но узнать его легко было не только по размерам, но и по тому, что перед ним собрались люди – десятка два. Не заглядывая внутрь, они прислушивались, что там происходит; на лицах отражалось изумление и тревога. Одни подходили, другие отходили, недоуменно крутя головой, оставшиеся переглядывались, обменивались замечаниями.

При виде Снефрид все расступились. Пробежал многозначительный ропот. Снефрид не успела ни о чем спросить – изнутри раздался крик боли, и народ отшатнулся от шатра.

Асвард откинул полог, просунулся внутрь.

– Как тут? Все то же? Мы лекарку привели. Заходи, Снефрид.

Придерживая полог, Асвард посторонился, давая ей войти.

В шатре, среди разбросанных вещей, находились двое: Хлёдвир и немолодой коротко стриженный бородач, которого Снефрид часто видела возле него – раб, прислуживавший господину в дороге. Хлёдвир, в одной сорочке, лежал на спине, широко раскинув ноги; тело его содрогалось, а лицо с закрытыми глазами было искажено мучкой.

– А-а-а-а! – вскрикнул он опять, будто его ударили.

– Давно это началось? – Снефрид бросила изумленный взгляд на раба.

– С рассветом, – хмуро ответил тот. – Разбудил меня, кричит, воды отошли, воды отошли! Я гляжу – и правда, штаны на нем мокрые насквозь, подстилки мокрые... понятно, чем пахнет. Во-о-от... Поменял ему подстилки, забрал штаны, переменял рубаху, дал чистые ему – не хочет надевать. – Он кивнул на смятые шерстяные штаны, валявшиеся возле ложа. – С тех пор вот стонет, корчится. Во-о-от... Говорит, что...

– А-а-а-а! – Хлёдвир снова закричал и задергался. – Ну где же... где же повитуха? Приведите мне скорее... кого-нибудь... кто мне поможет... иначе я умру... умру от этой боли...

А-а-а-а! Какая боль! – во весь голос завыл он. – Схватки! Такие жестокие... Меня разорвет... А-а-а-а, разрывает! Я истекаю кровью! Я умираю!

Зажав себе рот рукой, Снефрид бросила потрясенный взгляд на Асварда и Кетиля. Те, немолодые, бывалые, много чего повидавшие мужчины, смотрели на своего товарища со смесью безразличного ужаса и жалости.

– Хлёдвир! – Пересилив себя, Кетиль наклонился над ним. – Дружище, что с тобой происходит? Что у тебя болит?

– Что... происходит... А-а-а-а! Неужели не видно? – Хлёдвир дергался всем телом, изгибался и корчился, не открывая глаз, речь его прерывалась вскриками. – Я ведь рожаю! О боги... какая боль! Помогите же мне! Фрейя! Фригг! Добрые дисы! А-а-а-а! Где же повитуха? Приведите же ее скорее!

У Снефрид слезы выступили от потрясения и ужаса. Рожаящую женщину она видела лишь день назад, но обнаружить в том же положении мужчину... Молодого, здорового, полного сил мужчину, который лежит, раскинув ноги, будто готовится выпустить из чрева дитя... О таком жутком колдовстве она даже никогда не слышала. Неудивительно, что Асвард и Кетиль бледны от ужаса.

– Мы-мы привели тебе п-повитуху... – заикаясь, пробормотал Асвард. – Вот она. Если она тебе не поможет, то я не знаю... Ну, п-поговори с ним, – он оглянулся на Снефрид.

Стиснув зубы, чтобы не стучали, а заодно подавляя неуместный, лихорадочный смех, Снефрид подошла и, как недавно Катлу, взяла Хлёдвир за руку.

– Я... пришла, – сглотнув, выдавила Снефрид. – Ч-что с тобой... – Она запнулась еще раз, не зная, как к нему обращаться.

Кем Хлёдвир себя воображает?

– Я рожаю! – взвыл он. – Спасибо тебе, добрая женщина! – На миг он приоткрыл глаза и бросил на Снефрид незнающий взгляд. – Помоги мне! Прошу тебя! Я умру!

– Я, конечно, помогу тебе! – Опасаясь, как бы вытаращенные глаза не выскочили из глазниц прямо наземь, ободрила его Снефрид. – Все будет хорошо! Поверь мне! У тебя...

Будь здесь настоящая роженица, она могла бы осмотреть ее, проверить положение дел, пощупать, как лежит ребенок, правильно ли идет... Но тот «ребенок», который имелся между раскинутых волосатых бедер Хлёдвир, в осмотре не нуждался. Живот был плоским, как и положено у здорового мужчины лет двадцати четырех или чуть больше.

– Не бойся... – бормотала Снефрид, лихорадочно прикидывая, чем и как снять этот нелепый морок. – Я помогу тебе... сейчас...

Судя по всему, Хлёдвир и правда испытывает боль. Нужно снять с него морок, и тогда боли утихнут сами собой. Но как заставить его вспомнить, что он вовсе не рожаящая женщина, а мужчина?

Она принесла не тот жезл! Надо было взять бронзовый – жезл вёльвы.

– У меня есть... важное средство... – между криками выдавил Хлёдвир. – Возьми... в этом мешке... под головой... Там у меня... есть дивокамень... Надень на меня этот пояс... и призови дис на помощь... тогда я смогу... А-а-а!

Дивокамень!

Снефрид обернулась к Асварду и Кетилу. Те уже не раз порывались уйти от этого безобразного зрелища, но держало их любопытство, а еще мысль, что понадобится какая-то помощь, которую они смогут оказать.

– В-вы... – Снефрид указала им на мешок, служивший Хлёдвиру изголовьем. – Вы слышали, что он сказал? Н-найдите в мешке... должен быть...

О том, что у нее появился дивокамень, она никому, кроме Мьёлль, не говорила. О его исчезновении – тоже. Если это и правда тот самый дивокамень, пусть лучше другие люди обнаружат его у Хлёдвир.

Переглянувшись, Асвард и Кетиль подтолкнули друг друга, потом боязливо придвинулись.

– Приподними его, а я достану, – сказал Кетиль.

Асвард взял Хлёдвир за плечи и приподнял; Кетиль вынул мешок из-под его головы. В схватках наступило затишье, Хлёдвир замолчал, и Снефрид платком вытерла ему потный лоб, как настоящей роженице.

Слегка дрожащими руками Кетиль развязал мешок, пошарил в нем.

– Чего искать?

Не дождавшись ответа, выкинул все на кабаньи шкуры, устилавшие землю в шатре. И среди свернутых обмоток и ремешков Снефрид сразу увидела свой белый пояс, с пришитым к нему льняным лоскутом, в который был завернут дивокамень.

– Вот это.

– Да, это он! – Хлёдвир повернул голову. – Надень на меня этот пояс, добрая женщина, он принесет облегчение моим мукам. И будем... призывать дис, чтобы скорее...

Не зная, что тут придумать, Снефрид знаком попросила Кетилия еще приподнять «роженицу» и обмотала его крепкий, стройный, мускулистый стан своим белым поясом.

Славьтесь, асы!
И асиньи, славьтесь!
Силы могучие,
Руки целящие
Даруйте нам!
Дисы-праматери,
Помощь подайте нам,
Фрейя, приди!

– как недавно в бане возле Катлы, дрожащим голосом произнесла она.

И призыв возымел действие. Хлёдвир изогнулся всем телом, так что Кетиль, не сумев удержать его, отлетел, сделал движение, будто толкал что-то животом, и закричал во все горло.

– Ну наконец-то! – простонал Хлёдвир. – Ребенок...

Все четверо в шатре воззрились на подстилку между его ног. Слава асам, никакого ребенка там не было.

Хлёдвир вытянулся на лежанке, всем видом выражая облегчение.

– Теперь можно снять, – прошептала Снефрид.

Снова придвинувшись к больному, она развязала белый пояс. И пока раздумывала, как бы половчее снять его с лежащего, Хлёдвир открыл глаза. В первые мгновения лицо его было спокойно, как у человека, который только что проснулся, но потом взгляд упал на склонившуюся над ним Снефрид, и глаза изумленно расширились.

– А ты чего здесь... – начал он, приподнимаясь.

Голос его звучал хрипло, но уже с обычным выражением, без этой плаксивой жалобы.

Снефрид отшатнулась. Хлёдвир сел и увидел перед собой Асварда и Кетилия, изумленных не менее, чем когда пришли.

– А вы чего... – Хлёдвир оглядел шатер, не понимая, зачем возле него такое собрание.

Потом он оглядел себя, и на его лице отразилось такое же изумление. Он живо одернул сорочку, приводя себя в приличный вид, и уставился на Снефрид.

– Ты чего сюда пришла?

Она молчала, испытывая разом облегчение и смятение.

– А вы чего явились? – Хлёдвир перевел взгляд на двоих фелагов. – Что такое?

– Д-да вот... – Асвард дернул ртом, пытаясь ухмыльнуться. – Пришли...

– Пришли посмотреть, как ты рожает, – тоже ухмыляясь, подхватил Кетиль. – Чтобы такое с мужчиной случилось, не каждый день ведь увидишь.

– Я – чего? – Хлёдвир встал на колени.

– Как ты рожает, – повторил Асвард. – Ты с рассвета вопил и стонал на весь остров. Кричал, что умираешь от схваток. И не мог уговориться, пока не велел надеть на тебя эту штуку, – он показал на пояс, – и воззвать к дисам!

– Повивальные руны не успели... – добавил Кетиль и зашелся хохотом.

Хлёдвир взглянул на пояс, еще обвивавший его стан, сорвал и отшвырнул его, будто змею.

Снефрид торопливо схватила пояс и вылетела из шатра. Она мчалась, изнемогая от смеха, обрадованная тем, что дикий морок отпустил Хлёдвир, и напуганная той силой, что его навела.

Ворвавшись к себе в шатер, она упала на колени, закрыла лицо руками, продолжая дико хохотать от потрясения. Ни Старуха, ни мертвая «повитуха альвов» оказались ни при чем. Слава Фрейе, что к самой Снефрид украденный «пояс рожениц» вернулся не такой дорогой ценой. Что от нее не потребовали поссорить Асварда с Кетилем и свести их в смертельной схватке!

Остаток этого дня Хлёдвир из шатра не показывался. Весь корабельный стан негромко бурлил, обсуждая это происшествие. Люди Асварда и Кетиля ходили в Хлёдвиров стан, надеясь выяснить подробности.

– Я ему говорю: покажите Слейпнира! – давась от смеха, рассказывал у костра Вегейр Щепка, один из людей Лейви. – А он мне: сейчас дам в глаз, сам увидишь!

Вегейр хохотал, явно не огорченный этим недружественным предложением.

– Какого Слейпнира? – спросила Снефрид, не понимая, при чем здесь восьминогий жеребец Одина.

– Да парни говорят, тамошний стюриман вчера Слейпнира родил!

– Но почему Слейпнира? – Снефрид еще шире раскрыла глаза, невольно вообразив новорожденного жеребеночка-паучка.

– Да парни не знают другого такого случая, чтобы мужчина кого-то родил, кроме Локи, когда он родил Слейпнира, – пояснил ей ухмыляющийся Лейви.

– Но он же тогда был в облике кобылы...

Лейви развел руками: другого объяснения все равно не было, но разговоры про «Спейпнира родил», перемежаемые хохотом, не унимались, изрядно веселя дружины, скучающие в непогоду от бездействия. Даже случилось несколько драк: люди Хлёдвир принимали эти насмешки и на свой счет, позор стюримана, оказавшегося «мужем женовидным», падал на всех.

* * *

Асгард

...Старость медленно сползала с меня – как зима неохотно уходит в позднюю, затяжную весну. Каждое утро моя кожа делалась светлее и мягче, морщины разглаживались, спина распрямлялась. Асы часто приходили посмотреть на меня, но не приближались и разговоров не затевали – моя участь уж слишком ужасала их, бессмертных и вечно молодых. Состариться для них было хуже, чем даже умереть – недаром они так дрожат за свои золотые яблоки. Фулла, добрая девушка, жалела меня и давала мне работу полегче. Она рассказывала: в Асгарде считают, что это Один наложил на меня чары старости. За что – мнения расходились. Мужчины говорили – за то, что не поддалась ему. Женщины – за то, что пыталась его соблазнить. А Локи, конечно, утверждал, что это и есть мой подлинный облик, а молодость и красота была моро-

ком, который чары Одина совлекли с меня. Но мне было все равно, что они болтают. Я знала, зачем я здесь, и ждала своего часа.

И вот этот час настал. Тревожно прозвучал у ворот рог Хеймдалля – войско ванов шло на приступ! Мой отец и брат возглавляли его, чтобы вернуть мне свободу.

Все население Асгарда устремилось к воротам – сами асы и те эйнхерии, кого Один успел заманить к себе. Я побежала вместе со всеми, но не к воротам, а взобралась на вал с внутренней стороны. Отсюда мне все было видно. О, войско ванов напоминало море! Бесчисленные воины, ваны и альвы, наши родичи и верные союзники. Многие приняли звериный облик, в котором удобнее сражаться, все были вооружены. Оружием асы не уступают моему племени, даже, пожалуй, превосходят – это ведь они придумали оружием добиваться славы. Мечи, копья, стрелы асов были вызолочены, изукрашены узорами, кольцами, драгоценными камнями, рунами, многие имели волшебные свойства. Но я не сомневалась: против ванов им это не поможет. Мои сородичи обладают силой, заключенной в них самих – самым сильным из нас вовсе не нужно никакого оружия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.